Р.С. БЕЛОУСОВ

ГЕРОИ ДО ВСТРЕЧИ С ПИСАТЕЛЕМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор в популярной форме рассказывает о том, как создавали свои произведения известные зарубежные писатели. В главах-новеллах, посвященных творчеству Дефо, Распэ, Дюма и других мастеров, особое внимание обращено на поиски авторами прототипов героев своих будущих произведений.

- Белоусов Роман Сергеевич
  - Юным читателям
  - 1. Робинзон Крузо
    - Встреча Дефо с Робинзоном
    - Одиссея Селькирка
    - Робинзон после встречи с Дефо
    - Бессмертие героя и его автора
  - 2. Барон Мюнхгаузен
    -
    - Дело было вот как
    - «Ты этого хотел, Распе…»
    - Встреча настоящего Мюнхгаузена с вымышленным
  - 3. Гарви Берч
    - Роман на пари и роман из жизни
    - Неизвестные герои исторического романа
    - Первый шаг в бессмертие
  - 4. Вотрен
    -
    - Из биографии «короля побегов»
    - Будущий Вотрен знакомится с Бальзаком
    - Видок в литературе и сам по себе
  - 5. Д'Артаньян
    - Находка в библиотеке
    - Гвоздь для картин Александра Дюма
    - Замок Кастельмор и деревня Артаньян
    - Слуга кардинала
    - Не силой, так хитростью
    - Серые мушкетеры
    - Важная услуга
    - Смерть «храбрейшего из храбрых»
    - Послесловие истории
  - 6. Граф Монте-Кристо и аббат Фариа
    - Как родилась у А. Дюма идея назвать книгу «Граф Монте-Кристо»?

- Необработанная жемчужина
- Реальность обрастает вымыслом
- Вторая жизнь героев романа

7. Дядя Том
- Создание книги о рабстве
- Факты обличают
- Страницы его автобиографии
- Путь борьбы

8. Жан Вальжан
- Каторжник в гостях у монсеньера де Миоллиса
- Гонимые целым обществом
- И снова Видок…

9. Гаврош
- Барабанщик революции, Жозеф Бара
- Неоконченное полотно Давида

10. Капитан Немо
- Под флагом страны Жюля Верна
- Загадочный герой
- Запись в рабочей картотеке писателя
- Человек и легенда
- Новые встречи Жюля Верна с капитаном Немо

11. Тартарен
- Свирепые тарасконцы
- Обладатель 'двойных мускулов'
- Ветер дальних странствий
- Во всем виновато солнце
- Оскорбленные прототипы
- Конец вражды

12. Джон Сильвер
- Карта острова сокровищ
- Факт и вымысел в «Острове сокровищ»
- Сокровища капитана Кидда
- Прообраз Долговязого Джона
- Рождение книги

13. Шерлок Холмс
- Эти странные «холмсоведы»
- Подлинный Шерлок Холмс
- Дело о бриллиантовом полумесяце
- Любитель головоломок

Игорь Мотяшов

Белоусов Роман Сергеевич
Герои до встречи с писателем

Юным читателям

Кто не знает находчивого и остроумного д'Артаньяна или трудолюбивого и рассудительного Робинзона Крузо? Кто не помнит загадочного капитана Немо или одноногого моряка по имени Джон Сильвер? Кто не замирал от восхищения и ужаса, следя за ходом размышлений частного сыщика Шерлока Холмса, посрамляющего своей проницательностью профессионалов из Скотланд-Ярда, или за приключениями доброго и благородного человека — Жана Вальжана, ставшего в результате превратностей судьбы каторжником и вынужденного скрываться от преследований полиции?

Эти герои, не теряющие своей популярности — многие уже не одно столетие, — известны всем: как говорится, и старому и малому. Книги, в которых они действуют, нередко называют приключенческими. А сами герои слывут среди читателей искателями приключений, хотя большинство из них, к слову сказать, приключений специально не искало, а стремилось просто определять свою судьбу, активно жить и бороться за осуществление своих идеалов.

Удивительные судьбы, стойкие и сильные характеры, жизнь, насыщенная яркими и значительными событиями, умение преодолевать исключительные обстоятельства и совершать непредсказуемые поступки — все это завоевывало симпатии читателей всех возрастов, времен и народов. И неудивительно, что в поговорку вошли «отвага» Тартарена и «правдивость» Мюнхгаузена, мрачная таинственность графа Монте-Кристо и безоглядная самоотверженность юного революционера Гавроша… Эти и многие другие герои, созданные фантазией великих писателей, вошли в нашу жизнь не со страниц школьных учебников. Кажется даже, что они всегда жили вместе с нами, сроднившись с чертами реальных людей. Бессмертные образы мировой литературы в памяти человечества стоят рядом с действительно существовавшими историческими личностями и подчас обладают для читателей даже большей реальностью.

В самом деле, рожденный гениальным воображением Сервантеса Рыцарь Печального Образа и терзаемый сомнениями принц датский Гамлет, мятежный шиллеровский разбойник Карл Моор и движимый безудержной жаждой совершенства Фауст, вкрадчивый «душеприказчик» Чичиков и гордый знаменосец Павел Власов со временем перестают быть книжными персонажами и становятся для будущих поколений людьми, некогда жившими на земле. И оттого, говорил французский

писатель Эдмон Гонкур, «многим захочется поискать зримые следы их пребывания в этом мире».

Литературным героям воздвигают памятники, в их честь создаются музеи, проводятся праздники, фестивали, о героях литературы пишут научные исследования, художественные произведения и популярные книжки — вроде вот этой…

А знаешь ли ты, что все эти литературные герои, за удивительными приключениями которых ты с таким увлечением всегда следишь, вовсе не являются одной лишь выдумкой писателей, плодом их безудержной фантазии? Знаешь ли ты, что все они когда-то существовали в действительности, что называется, во плоти и крови — ели, пили, путешествовали, читали и писали, бились на шпагах, искали сокровища, совершали головокружительные побеги из охраняемых замков, разоблачали чудовищные преступления, помогали слабым и угнетенным, — словом, жили на самом деле, как и мы с тобой?

Представляешь, — д'Артаньян и аббат Фариа, барон Мюнхгаузен и Тартарен из Тараскона, веселый Гаврош и мрачный Вотрен, Шерлок Холмс и Зверобой, он же Следопыт и Кожаный Чулок, — все это люди, о которых сохранились воспоминания и документы, личные вещи и иногда даже дома, где они жили! И необитаемый остров, на котором прожил 28 лет Робинзон, тоже существует, даже в двух вариантах — в Тихом и Атлантическом океанах! И ядро, на котором совершал свою воздушную разведку барон Мюнхгаузен, лежит под стеклом… в витрине его дома-музея! Обо всем этом и о многом другом, не менее удивительном, ты прочтешь на страницах этой книги…

Только не подумай, что ничего не стоит стать знаменитым писателем! Может показаться, — какой-такой это труд: берешь старинные книги, документы — и вычитываешь из них разные интересные истории — про мушкетеров и дервишей, про сыщиков и пиратов, про путешествия в неведомые земли и приключения с переодеваниями и превращениями… Затем пересказываешь все это своими словами, немножко придумываешь разные смешные и невероятные факты, чтоб читателям было интереснее, — и готово! Получился приключенческий роман, которым все зачитываются и восхищаются… Или по-другому: видишь в жизни интересных людей и описываешь их, а получаются популярные герои, на которых все читатели потом хотят походить!

Может показаться, что нет ничего проще, как сделаться известным писателем. И только много потом, когда сам начинаешь писать заметки в газетах, статьи и целые книжки, понимаешь, как трудно и ответственно быть автором. Ведь читатель верит тому, что читает в книге! Столкнувшись с

обманом, пусть и упакованным в красивую обложку, читатель уже на всю жизнь может усвоить, что *литература* — это выдумки, сказки, фантазия, красивая ложь, и с *жизнью* ее ничего не связывает, кроме чисто внешнего сходства… Это разочарование в литературе очень трудно бывает преодолеть.

Книга «Герои до встречи с писателем» — о том, что литература, включая самые, казалось бы, невероятные образы, события факты, изображенные в ней, — берет начало в самой жизни. Конечно, между героем литературного произведения и его прототипом (точнее прототипами, ибо у каждого литературного персонажа чаще всего несколько жизненных прототипов) нет прямой и простой связи: бытовые и исторические реалии обрастают новыми фактами, деталями и художественными подробностями; создаваемый писателем образ *обобщает* и *укрупняет* отразившиеся в нем явления жизни, герой, освещенный идеями автора, вырастает подчас до символа и содержит в себе определенную *оценку жизни, приговор* ей, данный писателем и принимаемый читателем. И, вероятнее всего, мы никогда не узнали бы о существовании прототипов д'Артаньяна и Робинзона, Жана Вальжана и Сильвера, Гарви Берча и Дяди Тома, если бы не яркие фигуры этих героев, созданные под пером выдающихся художников слова. Сегодня нам трудно определить, где пролегает граница между вымыслом и реальностью в творческой истории прославленных литературных героев. Многие факты, легшие в основу художественного повествования, существовали на самом деле, но их дополнили факты другого времени, происходившие в ином месте, с иными людьми. Все это скрепил авторский вымысел, направленный на утверждение излюбленных идей художника, верного своему времени… Да и так ли уж важно нам сегодня, где именно поработала фантазия художника, а где — его трезвая наблюдательность, дотошность в изучении событий и фактов истории; где сила писателя — в его размышлениях о путях совершенствования человека и общества, а где — обличение современности и мечты о лучшем будущем!.. Важнее другое — все творения писателя, живущие впоследствии долгой и уже независимой от него жизнью, **рождены самой действительностью и продолжают жить своими связями с ней**.

Потому-то мы и узнаем любимых героев не только на экране кино и телевизора, в радиоинсценировке и на школьном маскараде, — мы постоянно встречаемся е ними в жизни, окружающей нас. Среди своих товарищей, знакомых, в своих родителях и соседях, в самих себе мы то и дело узнаем черты известных литературных героев. Только оглянитесь вокруг — и вы увидите рядом с собой, а подчас и в зеркале, Мюнхгаузена и

Шерлока Холмса, озорного и неунывающего Гавроша и смешного Тартарена, неутомимого Робинзона и изобретательного д'Артаньяна.

Герои продолжают жить своей собственной жизнью… Но Давайте перенесемся на миг в то далекое время, когда о существовании всех этих общеизвестных сегодня людей еще никто не знал, даже сам автор! А герои уже тогда жили, не зная, правда, о том, что их жизнь будет принадлежать истории. **После встречи с писателем**.

1. Робинзон Крузо

Встреча Дефо с Робинзоном

В большом старинном кресле сидит человек в парике. Лицо утомленное, осунувшееся, отчего на нем еще больше выделяется крючковатый нос и острый подбородок. В руках у него книга. Серые глаза смотрят внимательно.

Это журналист, памфлетист и писатель Даниель Дефо. Он сидит у окна своего дома в лондонском предместье Сток-Ньюингтон и просматривает только что купленное у букиниста второе издание книги — путевой дневник капитана Вудса Роджерса о его кругосветном плавании в 1708–1711 годах.

Ему по душе рассказ морехода о приключениях и походах, о флибустьерах — «свободных мореплавателях», об опасностях, смелости и мужестве. Ведь и сам он когда-то, подобно мореходу, отважно бросился в водоворот жизни. Перед его мысленным взором возникают картины минувшего…

Многое пришлось ему испытать за это время, многое пережить. Иногда, особенно в дни неудач, ему казалось, что он застигнут ураганом в открытом море. И, действительно, его челн много лет бросало по волнам жизни. Судьба то возносила на гребень успеха, то кидала вниз, на дно, откуда, казалось, невозможно было всплыть. Но энергичный, жизнестойкий, умный и изворотливый, он вновь возрождался, словно феникс, буквально выкарабкивался из бездны, чтобы снова приняться сразу за несколько рискованных предприятий. А планы новых авантюр один за другим возникали в его голове.

Чего же хотел Дефо? Чего добивался в жизни? Вся его разнообразная и подчас рискованная деятельность была подчинена одной цели: Дефо мечтал разбогатеть. Ради этого бросался из одной авантюры в другую, что, впрочем, было вполне в духе времени — предприимчивые и ловкие быстро достигали цели. Этой страстью — жаждой обогащения — он наделит и своих будущих героев, рыцарей фортуны и искателей приключений. Риск считался делом обычным, рисковали все — богачи-аристократы, вкладывавшие капиталы в сомнительные заморские предприятия, купцы Левантийской и Ост-Индийской кампаний, подвергавшиеся нападению пиратов; ростовщикам и ювелирам, исполнявшим тогда роль банкиров (первый банк был учрежден лишь в 1694 г.), грозил крах на бирже, торговцев преследовал призрак банкротства, преступникам угрожала тюрьма. В мутных волнах спекуляций, торговых сделок, коммерческих аферах, дутых акционерных обществах погибло немало доверчивых простаков, чье воображение распаляли рассказы бывалых

моряков, когда они в тавернах, за кружкой эля, плели небылицы о неведомых землях, где золотые слитки, словно камни, попадаются на каждом шагу.

Лихорадкой легкой наживы были поражены мелкие пройдохи и крупные мошенники, авантюристы и великосветские проходимцы, которыми буквально кишело общество, где, по словам Ф. Энгельса, встречались «поразительно характерные образы».

В искателях приключений не было недостатка и среди простого люда. Испытать судьбу отваживались портные и плотники, разносчики и конюхи, башмачники и брадобреи, отставные солдаты и разорившиеся дворяне — каждый мечтал об удаче на суше или на море. Жизнь им представлялась, говоря словами английского философа того времени Томаса Гоббса, состязанием в беге, когда каждый стремится обогнать другого, оттолкнуть, оттеснить, сбить с ног, повалить на землю. Выигрывал тот, кто оказывался более сильным и ловким.

Полон был решимости испытать колесо фортуны и молодой Даниель. Правда, странствия и приключения на море его не привлекали — он не переносил морские переезды. (Этот недостаток с лихвой компенсируют его герои). Но разве на земле недостаточно поводов для искушения судьбы?..

В двадцать лет — удачливый коммерсант Д. Фо, долго не могший отделаться от прочно приставшей клички «Галантерейщик»… Вымышленные дворянство и древнее (якобы нормандское) происхождение, дававшее право на присоединение к простонародному «Фо» — частицы «Де» (с тех пор будущий писатель и стал именовать себя «мистером Де Фо»; слитное написание фамилии пришло позже…) Сочиненный Даниелем Дефо фамильный герб: три свирепых грифона на фоне красных и золотых лилий и рядом латинский девиз, который гласит: «Похвалы достоин и горд»… Таинственное (для современных исследователей биографии Дефо) участие будущего писателя в мятежном восстании герцога Монмута против произвола королевской власти, бегство, страх преследования, необходимость тайно скрываться… Снова коммерция… Гибель зафрахтованного Дефо корабля… Банкротство… Бегство от неизбежной долговой тюрьмы… Скитания в «знаменитом» квартале Минт, по ту сторону Темзы, — приюте лондонских преступников… Тайное жительство в Бристоле под чужим именем, когда, опасаясь бейлифа (чиновника, арестовывавшего должников), банкрот Дефо мог выходить на улицу лишь по воскресеньям, — в эти дни законом запрещались аресты…

Но вот что интересно. Чем больше погружался в водоворот жизни, рискуя своим состоянием, общественным положением, а подчас и самой жизнью ординарный буржуа Даниель Фо, — тем больше извлекал из жизни фактов, характеров, ситуаций, проблем, наводивших на размышления, писатель Дефо, ставший знаменитым!..

И когда мистер Дефо снова погружался в гущу экономической жизни, он уже теперь был не только торговцем, но и политическим деятелем, и философом, и публицистом… Его интересуют экономические и социальные отношения, влечет, как он сам говорит, «темная пропасть всеобщей коммерции, эта скрытая тайна, эта полупознанная вещь, именуемая торговлей». В то же время его волнуют проблемы социального неравенства, и прежде всего неравенство соотечественников перед законом. Как публицист он все чаще выступает в защиту тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы тогдашнего английского общества. Позже, в 1709 году, на страницах «Ревю» он поместит статью, в которой разделит население страны на семь групп, где две последние будут занимать «беднота, влачившая полуголодное существование, и отверженные, те, кто живет в крайней нищете». В том, как живут обездоленные, он не раз убеждался лично в те черные дни, когда оказывался низвергнутым на дно. Здесь же он свел знакомство и с преступным миром Лондона, познал его законы, наблюдал характеры и нравы…

С тех пор минуло много дней, прошла целая жизнь. Теперь ему пятьдесят восемь. Если подводить итоги, то он вынужден с горечью признать, что ему не удалось «совершить на парусах, подгоняемых попутным ветром, опасное жизненное странствие и безбурно пристать к небесной пристани». Далеко не усладительной оказалась прогулка по пестрому полю жизни. Он утомлен и измучен интригами врагов, которых у него предостаточно. Друзей нет. К концу жизни он оказался в одиночестве, подобно Селькирку — моряку, о котором пишет в своем дневнике капитан Вудс Роджерс. Кстати, эта глава, где рассказано о том, как Александр Селькирк прожил один несколько лет на необитаемом острове представляет несомненный интерес. Дефо припоминает, что и ему самому пришлось однажды беседовать с этим боцманом, лет семь назад, когда тот только что вернулся на родину. Весь Лондон жил тогда сенсацией — человек с необитаемого острова!..

Чем дальше читает Дефо о приключениях Селькирка, тем сильнее загорается его воображение.

Одиссея Селькирка

Доподлинные записи церковных книг, сохранившиеся до наших дней, неопровержимо свидетельствуют о том, что в 1676 году в местечке Ларго, расположенном в одном из уютных приморских уголков Шотландии на берегу Северного моря, в семье башмачника Джона Селькирка родился седьмой сын Александр.

Появление на свет в качестве седьмого ребенка по местным поверьям сулило младенцу исключительную судьбу. Но чего мог добиться сын башмачника, которому предстояло перенять профессию отца? В мастерской, где с ранних лет приходилось помогать старшим, ему было скучно. Зато его неудержимо влекло в харчевню «Красный лев», расположенную неподалеку от их дома. Здесь собирался бывалый народ, «морские волки», повидавшие сказочные страны и наглядевшиеся там разных диковин.

Спрятавшись за бочки или забившись в темный угол, он слушал рассказы о стране золота Эльдорадо, об отважных моряках и жестоких штормах, о «Летучем голландце» — паруснике с командой из мертвецов. Не раз приходилось ему слышать о дерзких набегах корсаров, поединках кораблей и награбленных богатствах.

Напрасно Джон Селькирк надеялся, что седьмой его сын станет достойным продолжателем его дела. Александр избрал иной путь. Восемнадцати лет он покинул дом и отправился в море навстречу своей удивительной судьбе, сделавшей его героем бессмертной книги.

Плавание закончилось для него плачевно: судно подверглось нападению французских пиратов. Молодого матроса взяли в плен и продали в рабство. Но ему удалось освободиться и наняться на пиратский корабль. С этого момента для Селькирка начинается полоса злоключений и неудач, из которых, он, однако, удивительным образом выходит целым и невредимым.

Видимо, опасный промысел он избрал не напрасно — домой Селькирк вернулся в роскошной одежде, с золотой серьгой в ухе, кольцами на пальцах и туго набитым кошельком.

Но дома ему не сиделось. Тихая спокойная жизнь казалась скучной и однообразной. Он решает снова отправиться в плавание. Случай не заставил себя долго ждать. В начале 1703 года в «Лондон газетт» Селькирк прочитал о том, что знаменитый капитан Уильям Дампьер на двух судах готовится предпринять новое плавание в Вест-Индию за золотом. Такая перспектива

вполне устраивала молодого, но уже «заболевшего» морем, плаваниями и приключениями шотландца. Вот почему среди первых, кто записался в члены экипажа флотилии Дампьера, был 27-летний Александр Селькирк. Ему предстояло служить боцманом на 16-пушечной галере «Сэнк пор». Кроме нее в флотилию Дампьера входил 26-пушечный бриг «Сент Джордж». Уильям Дампьер — авантюрист и одновременно ученый-натуралист, корсар и мореход, успешно продолжал дело знаменитых королевских пиратов Френсиса Дрейка и Уолтера Рели, положивших в XVI веке начало морскому владычеству Британии.

Незадолго перед тем этот авантюрист вернулся из долгого и трудного плавания, во время которого им было сделано немало научных открытий. Таков был этот пират, занимающийся не только морским разбоем, но и одержимый страстью исследования мокрей и их обитателей, течений и ветров, народностей и обычаев тех стран, где он бывал. Из каждого плавания он привозил массу наблюдений, записей, рисунков. Его произведения, издаваемые отдельными книгами, пользовались большим успехом у современников. С их автором были знакомы многие, в том числе писатели Свифт и Дефо.

Это было время, когда пиратство стало почти узаконенным, и морской разбой поощрялся королевскими особами, когда легенды, привезенные еще Христофором Колумбом о «заморских» сокровищах, продолжали разжигать воображение любителей легкой наживы, сорвиголов и авантюристов, когда лихорадка открытий и приключений, сотрясая Старый Свет, рождала новые мифы, в которых даже правда часто казалась неправдоподобной.

Цель похода флотилии Дампьера — нападение на испанские суда в море, захват и ограбление городов на суше. Курс — южные моря, страны Латинской Америки. По существу, это была обычная для того времени грабительская экспедиция, прикрывавшаяся лишь лозунгом борьбы с враждебной Англии Испанией.

Дампьер вышел в море на «Сент Джордже» — подарке короля — несколько раньше. Вслед за ним, в мае 1703 года, покинула берега Альбиона и быстроходная галера «Сэнк пор». У берегов Ирландии корабли соединились. Плавание протекало спокойно, если не считать смерти капитана судна, на котором служил Селькирк. Вместо умершего моряка Дампьер назначил нового командира — Томаса Стредлинга, сыгравшего позже столь неблагодарную роль в судьбе своего боцмана.

С этого момента началось трудное плавание. И не только потому, что характер у нового капитана был крутой и жестокий,

но и из-за того, что теперь плыли по почти не исследованным морям, мореходный инструмент в то время был весьма еще не совершенен, а карты часто вообще отсутствовали. Полтора года галера «Сэнк пор» скиталась по морям, вступала в абордажные схватки, совершала дерзкие набеги, захватывала корабли испанцев. Из Атлантического, следуя путем Магеллана, вышла в Тихий океан. Совершив несколько налетов на города, расположенные по чилийскому побережью, корабли разошлись в разные стороны. «Сэнк пор» поднялась до широты нынешнего города Вальпараисо и взяла курс на пустынные острова архипелага Хуан Фернандес, где команда рассчитывала запастись пресной водой и дровами. Здесь-то и разыгрались те события, благодаря которым имя Селькирка не было забыто историей.

Во время плавания между капитаном галеры «Сэнк пор» Томасом Стредлингом и его боцманом Селькирком не раз возникали пререкания, порой даже ссоры. Упрямый шотландец пришелся не ко двору властолюбивому капитану. Дошло до того, что Селькирк решил покинуть корабль, кстати говоря, к тому времени изрядно потрепанный и давший течь. В судовом журнале появилась запись: Александр Селькирк списан с судна «по собственному желанию». В шлюпку погрузили платье и белье, кремневое ружье, фунт пороху, пули и огниво, несколько фунтов табака, топор, нож, котел, не забыли даже библию. Селькирка ждала вполне «комфортабельная» жизнь на необитаемом острове Мас а Тьерра, входящем в архипелаг Хуан Фернандес и расположенном в шестистах километрах к западу от Чили…

Селькирк предпочитал довериться своей судьбе на одном из пустынных островов этого архипелага, чем оставаться на ветхом корабле под началом враждебного ему командира. В душе боцман надеялся, что долго пробыть на острове в положении добровольного узника ему не придется. Ведь корабли довольно часто заходят сюда за пресной водой.

А пока что ему, чтобы не умереть с голоду, надо было заботиться о еде — съестных припасов ему оставили лишь на один день. К счастью, на острове оказалось множество диких коз. Это означало, что, пока есть порох и пули, питание ему обеспечено.

Время шло, а скорое избавление, на которое он так надеялся, не приходило. Волей-неволей пришлось заботиться не только о настоящем, но думать и о будущей жизни на клочке земли, затерянной в океане.

Обследовав свои «владения», Селькирк установил, что остров покрыт густой растительностью и имеет около двадцати километров в длину и пять в ширину. На берегу можно было

охотиться на черепах и собирать в песке их яйца. Во множестве на острове водились птицы, у берегов встречались лангусты и тюлени.

Первые месяцы было особенно трудно. И не столько от того, что приходилось ежечасно вести борьбу за существование, сколько из-за полного одиночества. Все меньше оставалось надежды на скорое избавление и все чаще охватывал Селькирка страх при мысли о том, что ему суждено много лет пробыть в этой добровольной ссылке. Землю, которая его приютила в океане, он проклинал, как и тот час, когда решился на свой необдуманный поступок. Знай он тогда, что корабль «Сэнк пор» вскоре после того, как он его покинул, потерпел крушение и почти вся команда погибла, — благодарил бы свою судьбу.

Как он сам потом рассказывал, восемнадцать месяцев потребовалось для того, чтобы привыкнуть к одиночеству и примириться со своей участью. Но надежда не оставляла его. Каждый день Селькирк взбирался на самую высокую гору и часами всматривался в горизонт…

Немало труда, выдумки и изобретательности потребовалось для того, чтобы наладить «нормальную» жизнь на необитаемом острове. Селькирк построил две хижины из бревен и листьев, оборудовал их. Одна служила ему «кабинетом» и «спальней», в другой он готовил еду. Когда платье его изветшало, он сшил при помощи простого гвоздя, служившего ему иглой, одежду из козьих шкур. Закончив трудовой день, Селькирк отдыхал, плотничал, — смастерил, например, сундучок и разукрасил его искусной резьбой, кокосовый орех превратил в чашу для питья. Подобно первобытным людям он научился добывать огонь трением, а когда у него кончился порох — стал ловить руками диких коз. Быстрота и ловкость, необходимые для этого, дались ему нелегко. Однажды во время такой охоты «вручную», пытаясь поймать козу, он сорвался вместе с нею в пропасть и трое суток пролежал там без сознания. После этого — на тот случай, если заболеет или еще почему-либо не сможет больше преследовать животных, Селькирк стал подрезать у козлят сухожилия ног, отчего те утрачивали резвость и становились более доступными для безоружного охотника.

Настоящим бедствием для него стали крысы, которые во множестве развелись на острове. Они бесстрашно сновали по хижине, грызли все, что могли, несколько раз по ночам принимались даже за ноги хозяина. Чтобы избавиться от них, пришлось приручить одичавших кошек, как и крысы, завезенных на остров кораблями.

Здоровый климат и каждодневный труд укрепили силы и

здоровье бывшего боцмана. Он уже не испытывал те муки одиночества, которые одолевали его вначале пребывания на острове. Подобная жизнь, по словам тех, кому довелось слышать рассказы Селькирка после его спасения, стала казаться ему не столь уж неприятной. Он свыкся с мыслью о том, что надолго отлучен от людского общества.

Прошло более четырех лет. Тысяча пятьсот восемьдесят дней и ночей один на один с природой! Напряжение всех физических и моральных сил, дабы не впасть в уныние, не поддаться настроению тоски, не дать отчаянию одержать верх.

Трудолюбие — лучшее лекарство от болезни одиночества, настойчивость в достижении цели, предприимчивость — все эти качества были присущи Селькирку так же, как в еще большей степени ими будет наделен его литературный собрат — будущий Робинзон Крузо…

В начале 1709 года отшельничеству Селькирка пришел конец. Днем избавления для него стало тридцать первое января.

В полдень со своего наблюдательного поста, откуда он каждодневно с тоской вглядывался в даль, Селькирк заметил точку. Парус! Первый раз за столько лет на горизонте появился корабль. Неужели он пройдет мимо?! Скорее подать сигнал, привлечь внимание мореплавателей. Но и без того было видно, что судно держит курс к берегу острова Мас а Тьерра.

Когда корабль подошел достаточно близко и бросил якорь, от него отчалила шлюпка с матросами. Это были первые люди, оказавшиеся к тому же соотечественниками Селькирка, которых он видел после стольких лет.

Можно представить, как были удивлены матросы, встретив на берегу «дикого человека» в звериных шкурах, обросшего, не могшего поначалу произнести ни единого слова. Только оказавшись на борту «Дьюка» — так называлось судно, избавившее моряка от неволи, — он обрел дар речи и рассказал о том, что с ним произошло.

Случилось так, что «Дьюком» командовал Вудс Роджерс — один из сподвижников знакомого Селькирку «морского разбойника» Уильяма Дампьера. В числе прочих кораблей его флотилии «Дьюк» совершал длительный и опасный рейд по семи морям. Поэтому сразу отправиться домой Селькирку не удалось. На «Дьюке». после того, как 14 февраля судно снялось с якоря у острова Мае а Тьерра, ему пришлось объехать вокруг света. И только спустя тридцать три месяца, 14 октября 1711 года, он вернулся в Англию, став к этому времени капитаном захваченного во время похода парусника «Инкриз».

Когда лондонцы узнали о похождениях их земляка, Селькирк

стал популярной личностью английской столицы. С ним искали встреч, его приглашали в богатые дома, где демонстрировали аристократам. Газетчики не давали ему прохода. В печати появились статьи, рассказывающие о его приключениях. Один из таких очерков, опубликованный в журнале «Инглишмен», принадлежал перу английского писателя Ричарда Стиля. «Человек, о котором я собираюсь рассказать, зовется Александром Селькирком, — писал Р. Стиль. — Имя его знакомо людям любопытствующим… Я имел удовольствие часто беседовать с ним тотчас по его Приезде в Англию…» В своем очерке Ричард Стиль вкратце излагал историю Селькирка.

Существует предание о том, что и писатель Даниель Дефо встретился с боцманом в портовом кабачке с тем, чтобы взять у него интервью.

Нежиться в лучах всеобщего внимания Селькирку пришлось недолго. Немногословный, не умевший красочно и ярко рассказывать о пережитом, он быстро наскучил публике, перестал быть для нее забавой. Тогда он уехал в свой родной Ларго. Встретили его здесь поначалу радушно. Потом отношение к нему изменилось. Пребывание на острове не прошло бесследно: мрачный вид и угрюмый взгляд Селькирка отпугивали людей, молчаливость и замкнутость раздражали.

Спустя несколько лет Селькирк вернулся на флот, стал лейтенантом «на службе его величества короля Великобритании». Ему поручили командовать кораблем «Уэймаус». Во время очередного плавания к берегам Западной Африки в 1720 году Селькирк умер от тропической лихорадки и был похоронен с воинскими почестями.

Робинзон после встречи с Дефо

…Дефо закрывает последнюю страницу истории Селькирка, рассказанную капитаном Вудсом Роджерсом. Некоторое время сидит задумавшись. Человек на необитаемом острове! Пират-литератор подал ему великолепную мысль. В голове, пока еще смутно и нечетко, зарождается литературный замысел, вспыхивают контуры будущего повествования.

В этот раз он возьмется за перо не для того, чтобы написать очередной острый памфлет или статью. Нет, он переплавит в своей творческой лаборатории одиссею Селькирка, использует его историю как основу сюжета для романа, в котором расскажет о приключениях человека, оказавшегося на необитаемом острове. Героя своего он назовет Крузо, по имени старого школьного товарища Тимоти Крузо, изменит лишь имя на Робинзона.

Главное — заставить читателей поверить в реальность Робинзона Крузо, в подлинность того, что с ним произошло. А для этого он пойдет на небольшую хитрость и издаст книгу анонимно, выдав повествование за рассказ самого героя.

Успех романа был небывалый. Не успела 25 апреля 1719 года книга выйти в свет, как одно за другим (в том же году!) последовали новые — четыре! — издания.

Издатель Тейлор положил в карман тысячу фунтов — сумму немалую по тому времени. Неизвестно только, нашлись ли у самого Селькирка, который был тогда в Лондоне, пять шиллингов, — сумма по тем временам тоже не такая уж малая, — чтобы купить книгу, написанную «почти про него»…

Мастерство писателя победило — люди, читая книгу Дефо, искренне верили в «удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

В этом заглавии, необычайно длинном, как было тогда принято, обращают на себя внимание следующие два обстоятельства. Во-первых, то, что Робинзон у Дефо жил на острове в течение не четырех, а двадцати восьми лет. Что касается лет, проведенных героем книги на острове, то Дефо просто увеличил их число в семь раз, желая, видимо, поставить своего Робинзона в наитяжелейшие условия, в которых его герой, несмотря на все испытания, остается цивилизованным человеком.

Иначе обстоит дело с причинами, побудившими автора перенести место действия романа из Тихого океана (с острова Мас а Тьерра) в Атлантический, в устье реки Ориноко. Дефо подразумевал вполне реальную землю. Помните начало романа? — Робинзон Крузо отплывает из Бразилии. Едва корабль пересек экватор, как разразилась буря, ветер относит его все дальше на север. Экипаж пытается держать курс на остров Барбадос в Караибском море. Но ураган бросает судно на мель около необитаемого острова. Что же это за земля? Ее географические координаты, которые сообщает Дефо, почти совпадают с координатами острова Тобаго.

Дефо избрал этот район потому, что он был довольно подробно описан в тогдашней литературе. Сам писатель никогда здесь не бывал. Он довольствовался фактами, взятыми в таких книгах, как «Открытие Гвианы» Уолтера Рели, «Путешествия вокруг света» и «Дневник» Уильяма Дампьера, в книге Джона Пойнца и других. Сведения, почерпнутые у этих мореплавателей, помогли Дефо создать достоверную книгу. Попытайся он описать подлинный остров, на котором томился Селькирк, — наверняка читатели обнаружили бы фальшь: нарушение правдоподобия, смещение деталей, определяющих географическое положение острова, ставшего единственным местом действия большого романа с одним-двумя действующими лицами… Слишком велика была в «Робинзоне Крузо» нагрузка на описание замкнутого пространства, ставшего на многие годы вынужденной тюрьмой Робинзона, не потерявшего, однако, человеческого обличия — благодаря неустанному труду, планомерной деятельности, размышлениям о человеческом назначении и собственной судьбе.

Конечно, не правдоподобие ради правдоподобия занимало Дефо. В противном случае под Именем Дефо нам остался бы известен отнюдь не великий английский писатель, создатель образа Робинзона, ставшего нарицательным, — а всего лишь предприимчивый графоман, занимательно пересказавший действительную историю, происшедшую с моряком Селькирком, под вымышленными именами, с преувеличенными фактами, и к тому же перенесенную в другой район земного шара. «Одиссея» Селькирка дала повод писателю исследовать поведение человека в исключительных условиях: одного — лицом к лицу с природой; лишенного общества, но не впавшего в отчаяние; трудом своих рук создавшего все необходимое для поддержания жизни и жизнелюбия; не опустившегося и не одичавшего от одиночества, не утратившего смысла жизни и практической целесообразности своего бытия; не забывшего человеческой речи и человеческих чувств; сохранившего человеческий разум не только ради того,

чтобы выжить в борьбе со стихиями, но и для того, чтобы рассуждать о человечестве и путях его совершенствования, прогресса, морального возвышения. Робинзон для писателя Дефо — обобщенный образ, а не простая фотография с натуры; это уже развернутая метафора: как Робинзон своим трудом творит вокруг себя целый мир вещей и отношений, так и человечество в целом создает своими усилиями буржуазную цивилизацию — машины, мануфактуры, товары, обладающие стоимостью, капитал… И не случайно К. Маркс в первом томе своего «Капитала» обратился к образу Робинзона: «Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство… просты и прозрачны… И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости» — заключал свой анализ К. Маркс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87). «Робинзон у Маркса, — пояснял это место в „Капитале“ Ф. Энгельс, — это подлинный, первоначальный „Робинзон“ Даниеля Дефо, откуда взяты и второстепенные обстоятельства — спасенные от кораблекрушения обломки и т. д.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 181).

Ошибка всех мыслителей XVIII века, в том числе и Дефо, как показал Маркс, заключалась в том, что Робинзон, этот «единичный охотник и рыболов», этот «естественный» человек, «представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 12, с. 709, 710). И сегодня нам понятно, как история Селькирка, авантюриста и поборника легкого обогащения, человека с сомнительными человеческими качествами, под пером Д. Дефо приобретает черты высокопоэтического повествования о человеке, остающемся в любых испытаниях человеком; о труде, преобразующем мир во благо человека; о разуме, побеждающем природу и утверждающем на земле жизнь, человеколюбие, равенство людей, необоримость сил прогресса и цивилизации. Дефо берет в зарождающемся капиталистическом производстве и в его продукте — буржуазном предпринимателе — все лучшее: трудолюбие и упорство в достижении поставленных целей, изобретательность и практическую сметку, волю к жизни и гуманизм общественных идеалов — по сравнению с тем, что оставалось в наследие от феодализма… Потому-то у Дефо на первый план выступает отнюдь не жажда обогащения, первоначально толкавшая на путешествия и приключения Робинзона Крузо — точно так же, как и его действительного прототипа Александра Селькирка, а любознательность и предприимчивость героя; более того, именно в уста Робинзона писатель вкладывает слова, обличающие страсть к наживе, а найденные на потерпевшем крушение корабле деньги узник

необитаемого острова не однажды назовет негодным хламом, сором, которому он с удовольствием предпочел бы какие-нибудь простые, но полезные в его практике предметы труда и быта.

Так, Робинзон у Дефо становится символом человека, неунывающего труженика, бескорыстного искателя приключений, достойного представителя общества даже на необитаемом острове, в полном одиночестве, даже в своих отношениях с дикарями, с бессловесной природой…

Пример Робинзона поучителен. Не будь романа Дефо, вряд ли кто сегодня вспоминал об истории, случившейся с моряком Селькирком; не будь Дефо автором романа о Робинзоне, никто бы даже не вспоминал о взлетах и падениях молодого негоцианта Д. Фо, устроившего лавку на одной из самых людных улиц лондонского Сити почти три века тому назад. Герой перерос своего прототипа и составил славу своему автору…

Сегодня три точки на земном шаре связаны с именем Робинзона Крузо. Для того чтобы посетить их, надо совершить долгое путешествие, объехать почти полсвета. В шотландском городке Ларго, в нише старинного дома, где жил когда-то Селькирк, вы увидите памятник ему, сооруженный в 1885 году одним из потомков моряка, послужившего прототипом знаменитого литературного героя. На Мас а Тьерра — «Острове Робинзона Крузо» вам предложат подняться на вершину Эль-Юнке, где находился наблюдательный пост Селькирка и укажут на бронзовую мемориальную доску, установленную английскими моряками в 1868 году «В память об Александре Селькирке, прожившем на этом острове в полном одиночестве четыре года и четыре месяца». На Тобаго покажут отель «Робинзон Крузо», «Пещеру Робинзона» и другие достопримечательности.

Впрочем, за право называться «Островом Робинзона Крузо» оба эти острова — Мас а Тьерра и Тобаго — с равным успехом боролись долго и упорно.

В наши дни спор между островами получил юридическое завершение. Чилийское правительство в начале 60-х годов нашего века официально переименовало о. Мас а Тьерра в остров Робинзона Крузо, а соседний с ним — назван в честь шотландского моряка — островом Александра Селькирка. Так, литературный герой и его прототип встретились в жизни еще раз и воссоединились — уже навсегда. Так благодарные читатели увековечили образ любимого литературного героя и одновременно — историю его создания романистом. Это было уже историко-культурное завершение удивительной истории Робинзона…

Бессмертие героя и его автора

В загородном захолустье Дефо доживал свои дни. Собственные дети давно разлетелись из гнезда. Сыновья торгуют в Сити, дочери замужем. И только дети его воображения — герои его книг — не бросили старика Дефо, когда судьба нанесла ему роковой удар. Больного и немощного, она снова заставила его покинуть уютный дом, бежать, скрываться. И как когда-то, в минувшие дни, Дефо неожиданно для всех укрылся в так хорошо ему знакомых трущобах Лондона…

Он умер в конце апреля 1731 года. Сердобольная мисс Брокс — хозяйка дома, где Дефо прятался, похоронила его на свои собственные деньги. В приходскую книгу малограмотный церковный служка внес запись о смерти «мистера Дюбо», последовавшей от летаргии. Великий писатель тихо скончался в полной безвестности. Газеты посвятили ему короткие некрологи, большей частью издевательского свойства, в самом «лестном» из которых его удостоили назвать «одним из величайших граждан республики Граб-стрит», то есть лондонской улицы, где ютились тогдашние борзописцы и рифмоплеты.

На могилу Дефо положили белую надгробную плиту. С годами она заросла, и казалось, что и память о Даниеле Дефо — вольном гражданине города Лондона — покрылась травой забвения.

Прошло более ста лет. И время суда, которого так опасался писатель, отступило перед великими его творениями. Когда журнал «Крисчен уорлд» в 1870 году обратился к «мальчикам и девочкам Англии» с просьбой прислать деньги на сооружение гранитного памятника на могиле Дефо (старую плиту расколола молния), тысячи почитателей, в том числе и взрослых, откликнулись на этот призыв. В присутствии потомков великого писателя состоялось открытие гранитного монумента, на котором было высечено: «В память автора „Робинзона Крузо“».

И это справедливо: из трехсот произведений, написанных Даниелем Дефо, подлинную славу ему принесло именно это сочинение. Его книга — зеркало эпохи, а образ Робинзона, в котором писатель воспел мужество человека, его энергию и трудолюбие, — герой великой эпопеи труда.

2. Барон Мюнхгаузен

Казалось бы, что может быть невероятнее историй, рассказываемых человеком по имени барон Мюнхгаузен! Да и сам барон, вошедший в поговорку как отъявленный вральман, кажется чуть ли не сказочным персонажем — вроде нашего Емели или немецкого Ганса-чурбана…

А между тем барон Мюнхгаузен действительно существовал во плоти и крови! Да-да, не смейтесь! И многое из того, что он себе приписывал, было сущей правдой. Так что «самый честный человек в мире» не так уж был и неправ, характеризуя себя столь лестным образом…

Дело было вот как

Майским вечером 1773 года в небольшом немецком городке Боденвердере, расположенном на реке Везер, встретились два человека, имена которых ныне стоят рядом: Распе и Мюнхгаузен.

Встреча состоялась в павильоне, построенном напротив дома, принадлежащего Карлу Фридриху Иерониму Мюнхгаузену, более известного как барон Мюнхгаузен, — прототипу знаменитого литературного героя.

Хозяин павильона, только что вернувшийся с удачной охоты, был в прекрасном расположении духа. Он сидел в кресле, раскуризал пенковую трубку и, прихлебывая из бокала пунш, который не забывал подогревать стоявший рядом слуга, рассказывал одну историю за другой. Любой оценил бы его искусство рассказчика. Это был подлинный мастер импровизации. Друзья и гости шумно выражали свое восхищение талантом хозяина, из уст которого так и лились истории — одна занимательнее другой.

Среди слушателей находился гость в красном мундире — судя по костюму, приближенный одного из бесчисленных в то время немецких князьков. Это и был тридцатишестилетний Рудольф Эрих Распе, служащий при дворе Фридриха Второго, ландграфа Гессен-Кассельского. Или как он официально представился: княжеский советник, хранитель древностей и заместитель-библиотекарь, профессор античности в кассельском коллеже Карла Великого. Выполняя задание своего ландграфа, Распе совершал поездку по монастырям, отыскивая манускрипты и памятники старины. Это и привело его в Боденвердер, неподалеку от которого был расположен древний монастырь Кемнадэ.

По мере того как рассказчик одушевлялся собственным повествованием, дым из трубки струился все гуще, лицо преображалось, руки становились более беспокойными и маленький паричок начинал приплясывать на его голове — то ли от сотрясений, вызванных жестикуляцией, то ли от того, что, увлекаясь, барон непрестанно почесывал в затылке. Постепенно повествование его покидало берега реальности и челн воображения устремлялся в море безбрежной фантазии. Правда незаметно переходила в ложь, истинное перемешивалось с вымыслом. Однако природная наблюдательность, меткие характеристики, живой юмор и дар красноречия увлекали слушателей. Иные внимали россказням развесив уши. Те, кто был менее доверчив, посмеивались в душе над хвастовством охотника.

Таким увидел Мюнхгаузена в тот майский вечер и Рудольф Эрих Распе. Увидел и запомнил.

Через несколько лет в берлинском юмористическом альманахе «Путеводитель для веселых людей» появились шестнадцать рассказов-анекдотов под общим названием «Истории М — х — з — на». «Возле Г-вера, — говорилось в предисловии к ним, — живет весьма остроумный господин М — х — з — н, пустивший в оборот особый род замысловатых историй, авторство которых приписывается ему».

Спустя два года в том же журнале были опубликованы еще две небылицы М — х — з — на. Кто был их автором? Сам барон Мюнхгаузен? Едва ли, если учесть, как он потом реагировал на то, что стал всеобщим посмешищем. Тогда кто же сочинил эти забавные истории, высмеяв в них спесивых немецких юнкеров-помещиков?

Точно ответить на это современники затруднялись. Между тем небылицы эти положили начало целой серии веселых рассказов, опубликованных — будто бы от лица Мюнхгаузена — спустя несколько лет в Англии.

Возникает ряд вопросов. Почему именно в Англии, когда известно, что Мюнхгаузен жил в немецком городке? А главное — кто же все-таки был автором этих уморительных историй? Действительно ли, сам барон Мюнхгаузен? Или кто-то еще? Может быть, ответ на это мы найдем на обложке книжки, изданной в Англии?

…Лондонский книгоиздатель М. Смит осенью 1785 года был доволен своими делами. Небольшую книжку ценой в один шиллинг «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию» раскупили в один день. Ее автор, пожелавший для читателей остаться неизвестным, не обманул его надежд. И вскоре выходит дополненное издание с предисловием анонимного автора. В нем он утверждает, что книга обязана своим существованием подлинному барону Мюнхгаузену, принадлежащему к одному из первых дворянских родов Германии, человека «оригинального склада мыслей». Своими рассказами о путешествиях, походах и забавных приключениях барон обличает искусство лжи и дает каждому, кто попадает в компанию завзятых хвастунов, в руки средство, которым он мог бы воспользоваться при любом подходящем случае. «А такой случай, — говорилось в предисловии, — всегда может представиться, как только кто-нибудь, под маской правды, с самым серьезным видом начнет преподносить небылицы и, рискуя своей честью, попытается провести за нос тех, кто имеет несчастье оказаться в числе его слушателей». «Каратель лжи» —

так определяет автор морально-воспитательное значение своей сатирической пародии на вралей и хвастунов.

В предисловии анонимный автор не раскрыл, однако, своей писательской «кухни». В противном случае он должен был бы пояснить, что хотя он и вывел в книге реального человека, но использовал в ней народные смешные рассказы и истории, в том числе и те, что в свое время были опубликованы им в берлинском альманахе. Должен был бы также признать, что подлинный Мюнхгаузен не был до такой степени фантастическим лгуном, он послужил лишь возбудителем творческого воображения, что это только прототип — завязь, почка, которая, раскрывшись под пером писателя, превратилась в пышный цветок легенды.

Несмотря на успех книги и неоднократные переиздания, ее заметила одна лишь газета — «Критикел ревью», посвятив всего несколько слов тому, что это сатирическое произведение и что никогда еще фантастическое и смешное не доводилось до такой степени. Да и сам автор не придавал особого значения своему незатейливому рассказу — единственной книге, благодаря которой он не забыт и сегодня. Более того, он никак не мог предполагать, что этот томик сохранит его имя потомкам. Ведь только тридцать лет спустя после смерти автор «Мюнхгаузена» был случайно «открыт» историками литературы. Им оказался, как вы, наверное, уже догадались, Распе.

Но каким образом этот немец оказался в Лондоне, где издал свою книжку? Для того чтобы ответить на этот очередной вопрос, необходимо рассказать историю самого Распе. Тем более, что о нем у нас почти ничего неизвестно. В самом деле, среди многих имен немецких писателей XVIII столетия, которые смотрят на нас с книжных полок, Распе мало приметен. Он как бы притаился в тени гениев своей эпохи, и слабый огонек его известности скорее тлеет, чем горит в полную силу…

«Ты этого хотел, Распе…»

Плодовитость Р. Э. Распе как литератора была невелика. Все, что им написано, включая прозу, стихи, пьесы, статьи по искусству, научные работы, — все это сегодня предано забвению. И только одна небольшая книжка — плод его таланта сатирика, созданная между делом, как бы шутя, и, возможно, лишь ради заработка, пережила века и поныне поддерживает пламя его известности. Распе — человек одной книги.

Его имя в нашем сознании связано исключительно с одним произведением — «Приключениями барона Мюнхгаузена». Но если имя Распе, благодаря этой книге, не забыто, то, повторяю, наши знания о нем как о человеке, о его жизни весьма скудные. Его облик растворился в водах времени, утратил четкие контуры, расплылся.

Молчание будет ответом всякому, кто проявит интерес к его жизни, к тому, при каких обстоятельствах была написана одна из самых веселых в мире книг. А знать это важно, ибо, как говорил Гете, если вы хотите постичь литературное произведение, мало прочитать его, надо знать, как оно было создано.

Рудольф Эрих Распе родился в Ганновере в 1737 году, — в том самом году, когда открылся Геттингенский университет. Будущий писатель появился на свет в обедневшей семье ганноверского чиновника, где о былом величии предков напоминали лишь фамильные предания. Еще молодым Распе понял: чем тешить свою родовую спесь и кичиться происхождением (один из его предков был маркграфом Тюрингии), лучше рассчитывать на собственные силы.

В восемнадцать лет он переступает порог своего ровесника — Геттингенского университета, — «бессмертного создания» первого его куратора Герлаха Адольфа фон Мюнхгаузена, близкого родственника боденвердерского барона, того самого, который оказался прототипом будущей книги Распе.

В сером, старчески умном Геттингене Распе задержался недолго. Через год он покидает его и направляет свои взоры в Лейпциг.

В аудиториях старейшего в Европе университета (основан в 1409 году) Распе постигает сущность прекрасного, изучает античность и археологию. Увлекается геологией — наукой о богатствах земли, которая, он надеялся, раскроет перед ним свои сокровища. Страсть эта, к его досаде, оставалась неразделенной, ибо науку он помышлял использовать в своих целях, и неудивительно, что никогда по-настоящему не

пользовался ее «взаимностью». У него и внешность нисколько не соответствовала традиционному представлению об усидчивом, педантичном и лишенном юмора немецком ученом. Напротив, это был живой, веселый и очень подвижный человек, умевший по достоинству оценить красное словцо, любивший и сам пошутить, а иногда и зло посмеяться над кем-либо. Говорят, характер можно определить по почерку. Характер Распе ни в чем так не проявлялся, как в походке — тоже своего рода «почерке» человека. Современники прозвали Распе «стремительным» — не только потому, что такой была походка его, а движения порывисты, словно он то и дело подвергался воздействию налетавшего на него с разных сторон ветра. Он и внутренне был порывист, чрезмерно импульсивен, воображение постоянно рождало в его голове новые замыслы и планы, которые он не задумываясь бросался осуществлять. Этим объясняется и его разбросанность, многосторонние интересы, стремление к различным знаниям. И не потому ли ему не сиделось на месте и переменчивые ветры носили его парус по городам и весям Германии, карта которой в ту пору напоминала лоскутное одеяло из трехсот мелких самостоятельных княжеств и графств.

Из Лейпцига, где Распе провел три года, почтовая карета мчит его снова в Геттинген. Получив диплом магистра, он возвращается в родной Ганновер, — тогда английское владение — и в 1760 году поступает в королевскую библиотеку. Зарывшись в книги, целыми днями просиживает в ее залах, читает все, что поступает из Лондона и Парижа, Амстердама и Лейпцига. Увлекается наукой и философией, но особенно — поэзией, Гомером, следит за английской литературой и первым в Германии обращает внимание на песни Оссиана — гениальную мистификацию Макферсона, переводит баллады Перси. Он вновь углубляется в «подземное эллинство», познает толк в античных резных камнях-геммах и монетах, совершенствует свои знания по архитектуре и искусству, продолжает занятия геологией и горным делом. Не забывает он обзаводиться и полезными знакомствами, переписывается со многими выдающимися людьми своей эпохи: с известным археологом Винкельманом, которого считает своим учителем, с уже знаменитым тогда писателем Лессингом, берлинским книгоиздателем Ф. Николаи, философом Якоби, с Гердером, чьи взгляды на народное искусство окажут на него, как и на Гете, столь большое влияние, и, наконец, с американцем Б. Франклином, ученым и видным политическим деятелем.

Семь лет проведет Распе в стенах библиотеки. За это

время имя его станет известно в кругах ученых и литераторов, будут опубликованы его первые произведения — поэма «Весенние мысли», одноактная комедия «Пропавшая крестьянка», роман «Гермин и Гунильда, история из рыцарских времен, случившаяся в Шеферберге между Аделепсеном и Усларом, сопровождаемая прологом о временах рыцарства в виде аллегорий».

В 1766 году открывается вакансия хранителя библиотеки и профессора в кассельском коллеже Карла Великого. Поначалу место предлагают Лессингу, но тот отказывается, несмотря на то, что может получать на сто талеров больше. Тогда в Касселе вспоминают о подающем надежды молодом ганноверском ученом и литераторе Распе. Ландграф Фридрих Второй, предлагая ему пост при своем дворе, обращается к нему с письмом, начинающимся словами: «наш верный и любимый Р. Э. Распе…». Конечно, есть в этом на первый взгляд заманчивом предложении и оборотная сторона. Служить меценатствующему князьку — значит поставить свою карьеру ученого в прямую зависимость от произвола деспота, постоянно подвергаться мелкой тирании. Горький кусок хлеба! Но разве он один избирает такой путь! Драматург Лессинг и историк Гердер, и многие другие — разве они, несмотря на то, что понимали, как «рискованно сближаться» с «просвещенными монархами», не шли на это, дабы обрести условия и возможность более или менее спокойно заниматься любимым делом, не думая о хлебе насущном? «Не все ль равно что двор, что ад! Там греется много славных ребят!» — распевала в то время молодежь. Были, разумеется, и такие, кто, помня о печальных примерах жизни при дворе и службы у владетельных особ своих собратьев литераторов, предпочитали бедствовать, голодать и умирали, как скажет Гейне, «в нищете в качестве бедных геттингенских доцентов».

«Верный и любимый» не хочет умирать в нищете. Он решает испытать судьбу — слишком заманчиво предложение: семьсот талеров не валяются на дороге! И летом следующего года Распе сначала на почтовых, а затем по судоходной Фульде добирается до Касселя.

В середине XVIII века это был один из красивейших городов Германии. Самолюбивый Фридрих Второй стремился во всем подражать европейским монархам. Не считаясь с затратами, впадая в долги и обирая свой народ, он украшал город, строил дворцы и разбивал парки, соорудил водяной каскад, в миниатюре повторяющий фонтаны Версаля. Двор содержался на широкую ногу: свой архитектор, медик, придворные профессора и повара, своя актерская труппа, свой хранитель библиотеки и коллекции

древностей — гордости ландграфа, которая, однако, находилась в беспорядке. И первая обязанность нового хранителя, помимо чтения лекций в коллеже по истории, искусствоведению, нумизматике, геральдике и другим наукам, состоит в том, чтобы привести в порядок эту сокровищницу, составить опись предметов. Энергичный Распе принимается за дело. Коллекция насчитывает 15 тысяч ценных предметов, из них семь тысяч серебряных и около шестисот золотых, он лично несет ответственность за их сохранность. Опись этого собрания древностей, послужившего в будущем основой Кассельского музея, занимает более десяти томов.

Кроме этой кропотливой работы, Распе публикует статьи о методах добычи белого мрамора, о вулканическом происхождении базальта, пишет о пользе и употреблении разных камней, печатает опыт древнейшей и естественной истории Гессена, изданный затем в Англии, и другие труды. И вскоре к званиям, которые имел при дворе ландграфа, он с гордостью может добавить звание члена Лондонского Королевского общества, члена Нидерландского общества наук в Гарлеме, а также — члена Германского и исторического институтов в Геттингене, почетного члена Марбургского литературного общества, и, наконец, звание секретаря Нового кассельского общества сельского хозяйства и прикладных наук. В голове тайного советника Распе (ибо он теперь повышен в должности при дворе) роятся тщеславные замыслы, он полон надежд…

Увы, им было не дано осуществиться!.. Судьба потеряла благосклонность к Распе. Долги… Растраты… Почетная ссылка послом в Венецию, внезапный отзыв посланника, доехавшего лишь до Берлина, для выяснения обстоятельств пропажи особенно ценных гемм и монет из коллекции ландграфа… Тщетные надежды на великодушие и милость монарха… Обвинение в недостаче на сумму 4–5 тысяч талеров… Арест кажется неизбежным… На рассвете следующего дня по улицам Касселя проскакал всадник, закутанный в плащ, — Распе покинул город.

Вслед ему полиция рассылает оповещения во все земли Северной Германии с просьбой об аресте исчезнувшего Распе: «Бывшего тайного советника, находившегося на гессенской службе, среднего роста, лицо скорее длинное, чем круглое, глаза небольшие, нос довольно крупный с горбинкой, острый, под коротким париком рыжие волосы, носит красный мундир с золотым кантом, походка быстрая». Эти несколько строк рисуют нам его словесный портрет, который тем более для нас ценен, что сохранилось очень мало изображений Распе. Одно из них —

миниатюра английского художника Тасси, наиболее, пожалуй, верно передает его облик, совпадавший с описанием внешности Распе и в оповещении полиции Касселя.

Четыре дня спустя, 19 ноября 1775 года, Распе арестовывают в Клаустхале, где он скрывается, и ему вновь приходится возвращаться в Кассель, только теперь уже в сопровождении полицейского чиновника.

Что ожидало его? Позор и презрение? Тюрьма? И то и другое — Распе не сомневается. И все же в глубине души он еще надеется на прощение, на милость венценосца; таков был Распе — стяг надежды неизменно реял на грот-мачте его корабля.

По пути в Кассель, Распе вместе с сопровождающим останавливается на ночлег в дорожной гостинице. За ужином несчастный профессор рассказывает полицейскому свою печальную историю. И тут происходит неожиданное. Исповедь беглого ученого производит впечатление, полицейский молча подходит к окну в сад, распахивает его, а сам покидает комнату. Распе прекрасно понимает намек, и, оправдывая свое прозвище, стремительно исчезает в темноте…

На этот раз, как русло потока, теряющегося в пустыне, он пропадает, не оставив на своем пути никаких следов, кроме польской старинной монеты достоинством в 70 дукатов, — чудесного образца из коллекции ландграфа, которую позднее обнаружит полиция у гамбургского ростовщика.

Распе часто признавался в своей склонности к Англии, поэтому неудивительно, что вскоре он объявился на британской земле.

Первое время ему особенно было трудно. Он кормится тем, что переводит на английский язык дотоле неизвестных здесь немецких авторов, в частности драму Лессинга «Натан Мудрый», появившуюся уже после его бегства. Видимо, у Распе сохранились связи с континентом, ибо только от друзей он мог получать литературные новинки для перевода, а также пересылать на родину свои сочинения. Ведь именно в 1781 году в берлинском юмористическом альманахе «Путеводитель для веселых людей» появились и упомянутые выше истории.

Однако что же сталось дальше с тем, кто учинил столь злую шутку над бароном Мюнхгаузеном?

Распе не был рожден для жизни, полной приключений. И хотя его подчас называют авантюристом, а то и просто проходимцем, он не являлся им по своей натуре. То, что с ним произошло, угнетало его самого и делало глубоко несчастным. Незадолго до того, как исчезнуть из Германии, он жаловался другу на свою

судьбу и, глядя на портрет жены, не мог сдержать слез. Распе понимал, что повинен во всем был он сам, и, как герой Мольера, мог воскликнуть: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

Энергичный человек, он полагал, что не останется без работы среди энергичного народа. Вот когда особенно пригодились его знания по геологии и горному делу.

Теперь основная работа Распе — разведка и добыча полезных ископаемых. Надежда ведет его по долинам и горам Англии, он все еще мечтает о своем Эльдорадо. Но энергия и энтузиазм Распе не помогли ему извлечь ничего более ценного на этой земле, чем торф.

Его видят в шумном Лондоне и ученом Кембридже, в индустриальном Бирмингеме и в сумрачном Эдинбурге, он забирается в самые отдаленные уголки «радушной Шотландии». Может быть, его скитания — это всего лишь желание заглушить тоску, унять отчаяние — у него не было дома, семьи, он никогда больше не видел своих детей: они остались в Германии. У него не было родины…

Пути изыскателя привели Распе в Дублин. Отсюда он двинулся на запад Ирландии в край Килларнийских озер. Здесь пришел конец его длительным странствиям. Заболев сыпным тифом, он умер в 1794 году пятидесяти восьми лет. Могила его затерялась среди ирландских болот. И только запись в приходской книге церкви св. Марии напоминает о Рудольфе Распе, авторе «Приключений барона Мюнхгаузена». Так закончилась жизнь автора всемирно известной книги.

Встреча настоящего Мюнхгаузена с вымышленным

«Приключения барона Мюнхгаузена», рожденные на германской почве, вернулись на родину в 1786 году, через год после выхода их в Англии. И хотя первое немецкое издание, тоже анонимное, было отпечатано в Геттингене, на обложке был указан Лондон. Автор перевода поэт-демократ Г. А. Бюргер, привнесший в книгу существенные добавления, новые эпизоды, основанные также на народных мотивах, не случайно, как и Распе, пожелал остаться неизвестным.

Когда Мюнхгаузен прочитал, какие чудеса заставил его вытворять сочинитель книжонки, какие плести небылицы, — престарелый барон был не то что обижен и огорчен, он был взбешен. С этих пор его засыпают письмами самого нелестного содержания, в маленький городок на Везере стекаются любопытные поглазеть на живого барона-враля. В имении не стало покоя. Тогда слугам приказывают патрулировать вокруг дома и не допускать посторонних. А в комнатах негодует барон Мюнхгаузен, грозит всеми карами нечестивцу, так позорно и нагло высмеявшего его, немецкого дворянина. Оскорбленный барон пробовал подавать в суд, привлечь к ответу обидчика. Но закон был бессилен перед анонимным титульным листом и фальшивой надписью «Лондон». Храбрецу, вояке, потомку крестоносцев не у кого было даже потребовать, как тогда было принято, сатисфакции, то есть некого было вызвать на дуэль за оскорбление и клевету! Знай Мюнхгаузен в тот майский вечер, когда впервые в его доме появился гость в красном мундире, какую он сослужит ему службу, — поостерегся и не стал бы распространяться при нем о своих подвигах. Но Иероним фон Мюнхгаузен так никогда и не узнал, кто же был истинным виновником его позора. Позора? Напротив — славы! Как это ни парадоксально, но маленькая книжка принесла владельцу поместья в Боденвердере большую популярность. Помимо своей воли он попал в литературу, приобрел известность как прообраз бессмертного литературного типа — враля и хвастуна Мюнхгаузена.

Благодаря такой известности мы многое знаем о жизни боденвердерского барона и, в частности, о его пребывании в России, где он действительно жил некоторое время.

Центром изучения жизни и деяний знаменитого барона — прототипа всемирно известного литературного персонажа —

является музей Мюнхгаузена в Боденвердере. Давайте побываем в этом городке и посетим уникальный музей.

За два столетия в Боденвердере мало что изменилось. Великий гример — Время едва прикоснулось к городку своей рукой; повсюду приметы старины, осколки былого. Если про Веймар говорят, что это — город «домов» — здесь дома Гете и Шиллера, писателя Гердера, художника Кранаха, композитора Листа, философа Ницше и поэта Виланда, то Боденвердер — город одного «дома». Сегодня главная его достопримечательность — усадьба, где жил знаменитый барон Мюнхгаузен. В любом справочнике Боденвердер так и обозначен, как «родина Мюнхгаузена», а на туристских проспектах рядом с городским гербом неизменно красуется летящий на ядре приветливо улыбающийся барон — символ города, его рекламная вывеска, приманка для туристов.

В старинном доме, окруженном тенистым вековым парком, сейчас — комната-музей Мюнхгаузена. Около здания памятник-фонтан: Мюнхгаузен сидит на лошади, заднюю часть которой, как вы помните, отсекло во время жаркого боя: «Поэтому вода вытекала сзади по мере того, как она поглощалась спереди, без всякой пользы для коня и не утоляя его жажды». До наших дней сохранился и павильон Мюнхгаузена, где он имел обыкновение за бутылкой вина рассказывать свои истории. Немного на свете таких уголков — музей в честь литературного героя! Впрочем, это не совсем точно. Музей этот особый, можно сказать, специфический. Он посвящен прототипу героя книги и в то же время — подлинному Мюнхгаузену, приобретшему, однако, известность лишь благодаря своему литературному тезке.

Внутри дома старинная мебель, подвешенные на цепях огромные люстры из оленьих рогов. Всюду охотничьи трофеи барона, доспехи и мечи времен крестоносцев. Это оружие предков барона — потомка воинственного рыцаря Гейне, участника походов в Палестину в начале XIII века под знаменами германского императора Фридриха II. (Но род Мюнхгаузена упоминается уже в документах XII века.)

Стены его бывшего дома разрисованы эпизодами из жизни Мюнхгаузена. Огромная роспись: Мюнхгаузен со шпагой в руке несется на своем горячем «литовце» в атаку во главе отряда конников. Рядом — эпизод охоты на медведя: бесстрашный барон один на один с рассвирепевшим зверем; Мюнхгаузен в форме кирасира и даты его жизни: 1720–1797. Повсюду книги. Заядлый охотник, барон был не менее страстным книголюбом. Его экслибрис, выполненный с большим мастерством, хорошо известен коллекционерам книжных знаков.

На одной из стен — изображение фамильного герба Мюнхгаузенов: путник с фонарем и посохом в руке, как бы отправляющийся на поиски истины, и латинский девиз: «Бог — мое прибежище». Хранятся в этой комнате и подлинные вещи барона. Особенно ценные среди этих реликвий (они лежат в стеклянном шкафу): пенковая трубка — неизменная спутница вдохновений барона, его походный сундучок и пушечное ядро. Для маловеров оно, видимо, должно служить «вещественным доказательством» правдивости рассказа фантазера-барона о том, как верхом на ядре он вернулся целым и невредимым из «воздушной» разведки. Здесь же можно увидеть офицерскую сумку, пороховницы и даже пистолет, возможно, именно тот, как полагают доверчивые посетители музея, из которого находчивый барон выстрелил в недоуздок своей лошади, привязанной к колокольне, и, таким образом, благополучно вернул себе коня, чтобы продолжить путешествие в Россию. Что касается последнего факта, то это истинная правда. Мюнхгаузен действительно совершил поездку в Россию, прожил здесь много лет, сражался на стороне русских против турок и шведов и был отмечен наградами за проявленную храбрость. Эта сторона биографии барона для нас представляет особый интерес.

Конечно, в Санкт-Петербург Мюнхгаузен въехал отнюдь не бешеным галопом и вовсе не в санях, запряженных волком.

Однако это случилось действительно зимой 1738 года, как недавно установил по архивным документам историк А.С.Мыльников. Юный барон прибыл в столицу России, чтобы присоединиться в качестве пажа к свите столь же юного принца Антона Ульриха Брауншвейгского. Произошло это после того, как императрица Анна Иоанновна избрала принца женихом для своей племянницы принцессы Анны (Леопольдовны), царствование которой на русском престоле впоследствии оказалось столь кратковременным.

Мюнхгаузен состоял пажом при Антоне Ульрихе, почти совсем еще мальчике, не отличавшемся ни внешностью, ни умом, про которого русский фельдмаршал Минних (кстати сказать, упоминаемый в книжке Распе) говорил, что не знает, «рыба он или мясо». Судьба Антона Ульриха, как и его супруги, будет печальной. Пережив жену и сына Иоанна (Антоновича), недолго продержавшегося на русском престоле и убитого в Шлиссельбургской крепости в 1764 году, он умрет десять лет спустя в заточении слепым, измученным, уставшим от жизни стариком. Но тогда, в первые дни приезда в чужую страну, будущее не представлялось ему таким мрачным. Не успел этот «отпрыск римских кесарей» прибыть в Россию, как тотчас же ее

величество издает указ о переименовании бывшего Ярославского драгунского полка в Брауншвейгский кирасирский. Анна Иоанновна, как известно, благоволила больше ко всему иноземному, чем к русскому. Антон Ульрих назначается шефом этого воинского соединения. Причем при комплектовании сего полка отныне «дозволено было принимать в оный курляндцев и иноземцев, годных к службе, кои изъявляли на то свое желание».

Надел на себя мундир этого полка, который к тому времени стал называться Бевернским, и молодой Мюнхгаузен. Теперь он щеголял по Петербургу в лосиных колетах и перчатках, в красном камзоле и таком же красном плаще, с подбоем из синей байки. На шее, прикрытой воротником василькового цвета, красовался кожаный галстук, в косу парика вплетена черная муаровая лента. На «ботфортах» позвякивали шпоры, на боку бренчала шпага, патронная лядунка из черной кожи с медными овальными бляхами и вензелем императрицы. Для боевого костюма полагалась еще вороненая железная кираса, одеваемая вроде панциря на грудь. Мундир этот, подобно пропуску, дал возможность Мюнхгаузену проникнуть в высший свет. Это было тем более кстати, что юного любознательного немца интересовали различные стороны жизни «изумительной столицы России» того времени: образ правления, искусство, науки. Вскоре он оказывается в курсе придворных интриг, становится участником веселых приключений праздной молодежи. Обо всем этом барон не будет распространяться впоследствии. И не столько из-за скромности, сколько из-за того, что его занимали в то время дела «более важные и благородные». Больше всего его интересовали лошади и собаки, лисицы, волки и медведи, которых в России, по его словам, такое изобилие, что ей может позавидовать любая другая страна на земном шаре. Ну и конечно, еще дела рыцарские, славные подвиги, «которые дворянину более к лицу, чем крохи затхлой латыни и греческой премудрости».

Понюхать пороха ему пришлось довольно рано. В двадцать лет лейтенантом он отправляется вместе с русской армией в поход против шведов.

А еще через несколько лет, в 1750 году, Мюнхгаузен получит чин ротмистра. В патенте, выданном ему и собственноручно подписанном императрицей Елизаветою Петровной (ныне он хранится среди реликвий в музее Мюнхгаузена), говорилось: «Божией милостью Мы, Елисавет Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская… Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Иеронимуса Мюнхгаузена, который Нам почтением служил, для ево оказанной к службе Нашей ревности и прилежности, в Наши ротмистры 1750 года февраля 20 дня

всемилостивейше пожаловали и учредили, якоже Мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем Нашим помянутого Иеронимуса Мюнхгаузена за Нашего ротмистра надлежащим образом признавать и почитать; напротив чего и Мы надеемся, что он в сем ему от Нас пожалованном новом чине так верно и прилежно поступать будет, как верному и бодрому офицеру надлежит».

Но именно в этот момент наш герой затоскует по родному Боденвердеру. А если учесть, что незадолго до этого барон женился на лифляндской дворянке, дочери рижского судьи Якобине фон Дунтен, то особенно понятно его стремление домой, к семейному очагу. Не долго думая, он выходит в отставку и покидает Россию.

И вот он уже в родовом поместье на берегу тихого Везера. Столь же тихо и безмятежно отныне течет его жизнь. Бывший кирасир занялся сельским хозяйством, управлял имением и предавался своей страсти — охоте, благо окрестные леса были так богаты тогда разной живностью. А по вечерам рассказывал истории о своих приключениях в России, полные безобидного хвастовства и выдумок. Когда барону исполнилось 70 лет, умерла его жена, не оставив ему наследников. А умер он 76 лет и 9 месяцев в полном одиночестве…

В прошлом веке, в I860 году, решили перенести прах барона из алтаря церкви на кладбище. Вот как описывает это в своей книге Алида Вайс «Кто был Мюнхгаузен в действительности» (I960): «когда гроб открыли, все были поражены: в гробу лежал не скелет, а спящий человек, волосы, кожа — все сохранилось.

Его похоронили в синем сюртуке как простого сельского жителя. Широкое, круглое, хорошее лицо с крепким носом и слегка улыбающимся ртом… В тот же миг мертвец превратился в прах».

А не так давно знаменитый барон буквально ожил и появился на улицах Боденвердера. Случилось это в юбилейные дни, когда город отмечал 250-летие со дня рождения своего знаменитого земляка. На празднество съехалось около десяти тысяч гостей, в том числе 60 человек, считающих себя потомками Мюнхгаузена. С лестницы ратуши гостей приветствовал «сам барон» в парадном мундире, — его изображал актер ганноверского театра.

Устроители праздника сумели создать яркое зрелище. Дома и улицы были украшены флагами и плакатами. Из городского фонтана, в виде Мюнхгаузена верхом на половине лошади, в течение двух часов вместо воды текло пиво (для того, чтобы получить его, надо было приобрести за плату специальный стакан). Затем был продемонстрирован знаменитый полет на

пушечном ядре — на этот раз Мюнхгаузена изображала кукла. Вечером состоялся спектакль, в котором, кроме «самого барона», приняли участие еще два прославленных литературных персонажа и земляка «барона-враля» — лекарь Айзенбарт и Крысолов из Гамельна. Почтовое ведомство выпустило в честь события памятную марку, на которой запечатлен памятник-фонтан.

Но фигуру знаменитого барона можно встретить в Боденвердере не только по праздникам. Наш старый знакомый появляется на пристани каждое воскресенье. Он приходит сюда встречать прогулочные пароходы с туристами. На нем одет камзол по моде того столетия, в котором он жил, треуголка, на боку шпага. Роль Мюнхгаузена исполняет бывший учитель, «мобилизованный» местным туристическим объединением.

Экскурсовод из XVIII века приветствует прибывших пассажиров и ведет их через город, мимо множества вывесок, на которых написано: «Мюнхгаузен-аптека», «Мюнхгаузен-булочная», «Мюнхгаузен-кинотеатр»— к дому-музею. Здесь, в тени вековых вязов или в том самом павильоне он рассказывает приезжим, как когда-то подлинный барон, его небылицы. И сегодняшние слушатели от души смеются над забавными историями, как современники — над самим бароном.

Говорят, что самая опасная ложь та, в которую автор сам искренне верит. У медиков даже существует такое определение, как «Синдром Мюнхгаузена» — склонность к патологической лживости. Но барон Мюнхгаузен превосходит своих литературных собратьев — гоголевского Хлестакова, шекспировского Фальстафа, фонвизинского Вральмана — не столько тем, что он возвеличивает ложь, а, напротив, тем, что он мастерски разоблачает этот порок. В этом — тоже секрет его славы.

Имя героя этой книжки Распе стало давно уже нарицательным. «Субъект этот — настоящий Мюнхгаузен по лживости», — сказал однажды Карл Маркс об одном хвастливом буржуазном литераторе. И сегодня нередко мы говорим: «Ты — настоящий Мюнхгаузен», когда видим, что фантазия собеседника слишком разыгралась и вышла из берегов реальности.

3. Гарви Берч

Роман на пари и роман из жизни

Однажды, чтобы скоротать долгий вечер, Джеймс читал вслух жене модный английский роман. «Бьюсь об заклад, что смогу написать книгу ничуть не хуже, чем эта», — заявил он, когда доброе число страниц было прочитано. Сьюзэн усомнилась в такой способности мужа. Задетый за живое, Джеймс предложил пари. В июне того же 1820 года он положил на стол перед женой рукопись романа «Предосторожность». А в ноябре книга вышла в свет. Пари было выиграно. Так неожиданно, можно сказать случайно, началась писательская биография Джеймса Фенимора Купера, когда ему было уже за тридцать.

Едва ли он сам представлял, какое значение окажет эта проба пера на его творческую судьбу, хотя само по себе это сочинение и не имело особого интереса. Книга была написана в подражание семейно-бытовым романам из английской жизни. Нельзя сказать, что подражание оказалось бездарным, напротив, оно было настолько удачным, что многие принимали роман… за сочинение английского писателя. Мистификация облегчалась тем, что автор не указал на обложке своего имени, Купер не захотел подставлять его под удары критики. Но те, кто знал подоплеку дела, и прежде всего друзья Джеймса, стали упрекать его за то, что он, американец по духу и по рождению, написал книгу из жизни чужого общества. Все объяснения о случайности, о внезапном пари — никто из друзей не желал и слушать. Поправить дело можно было только одним способом — написать другую книгу.

О чем же напишет он свою следующую книгу? О патриотизме. Попытается создать произведение, темой которого будет любовь к родине. Желание написать такую книгу бродило в нем, пока не пришла на помощь память: он вспомнил рассказанную соседом Куперов Джоном Джеем историю безымянного патриота. Чем не сюжет для исторического повествования! Показать прошлое своей страны во всей его жизненности, напомнить о подвигах героев, о простых и скромных людях, которые вынесли на своих плечах все тяжести борьбы и остались безвестными. Литература была в долгу перед их памятью, события отечественной истории не нашли еще отражения под пером писателя, в то время как читатели ждали произведение, посвященное их молодой стране, ее суровой и прекрасной природе, ее смелым людям, ее истории. Такой книгой стал «Шпион», а следом за ним и другие романы Купера — более 30 томов.

* * *

Давно были израсходованы свинцовые пули, отлитые восставшими колонистами из головы повергнутой статуи короля Георга. Бывшие повстанцы мирно трудились на фермах и в городах Америки. Героическое прошлое Джеймсу Куперу представлялось эпохой, когда святое дело освобождения страны было долгом всех честных американцев. Каждый патриот, участвовавший в битве за справедливость, имел право быть назван героем, ибо с одинаковой отвагой и мужеством сражался весь народ, восставший против английского господства.

Но чем больше он задумывался над прошлым своей родины, тем отчетливее видел ту разительную перемену, которая произошла за эти десятилетия. Настоящее и прошлое все явственнее разделяла пропасть. Фасад новой буржуазной Америки теперь олицетворяли дельцы и торгаши, полулюди, наделенные одной страстью — всепоглощающей жадностью. Что значили для них самоотверженность, подвиг, отказ от личного благополучия? Разве они способны были поставить благо родины выше своих интересов, своей жизни? Ветер современности все настойчивее выдувал отовсюду поэзию героических прошлых лет. Джеймс часто видел ветеранов борьбы за свободу, с грустью и сожалением наблюдавших этот процесс выветривания.

Не раз с досадой говорил об этом и Джон Джей — сосед Куперов и старый друг их семьи. В прошлом сподвижник Георга Вашингтона, Джон Джей ревниво относился к памяти минувших незабываемых дней. Это было время, как он любил повторять, когда испытывались сердца, время бескорыстных поступков и самоотверженной борьбы. — Не то, что теперь, когда всюду на первое место ставят корысть, наживу… «Разве мы думали о личном благе! — воскликнул он однажды в присутствии Купера. — И разве об этом думал герой, с которым мне пришлось в свое время встретиться!..»

Во время войны судьба свела Дж. Джея с человеком — имени его он не назвал, — который был послан в тыл к англичанам как разведчик. Его услуги, казалось, мало чем отличались от дела обыкновенного шпиона. И тем не менее это слово к нему едва ли можно применить. Обязанности, возложенные на него его начальником (а им как раз и был Джон Джей), были сопряжены с большой опасностью. Дело в том, что американский разведчик вынужден был, в целях маскировки, выдавать себя за сторонника короля, делать вид, что служит верой и правдой англичанам. Каждодневно он рисковал попасть в руки американцев, что в конце концов и

случилось. Его схватили и приговорили как английского шпиона к виселице. Только поспешные тайные приказания тюремщику спасли этого человека от неминуемой, да к тому же позорной гибели: раскрыть свое подлинное лицо он не имел права даже арестовавшим его соотечественникам. Ему дали возможность бежать.

Но вот надобность в его действии отпала. Джону Джею поручили встретиться с ним и вручить награду за ту пользу, которую он принес республике, подвергая свою жизнь великой опасности. Они встретились в полночь в лесу. После похвал за верность и ловкость, Джей предложил ему деньги, много денег. Но каково же было его удивление, когда тот решительно отказался взять награду. «Родина — сказал он, — нуждается во всех своих средствах, а я могу работать и так или иначе прокормить себя». Джей унес золото, а вместе с тем и глубокое уважение к патриоту, так долго совершенно бескорыстно подвергавшему свою жизнь опасности.

Какой высокий патриотизм живет в сердцах простых граждан, думал Купер, выслушав рассказ о безымянном герое. Сколько в них беззаветной любви к родине, самоотверженности и мужества! Купер не знал еще тогда, какую роль сыграет эта история в его будущей судьбе писателя.

Неизвестные герои исторического романа

Первые главы новой книги, которую он назвал «Шпион», были написаны в несколько дней. Повествование выливалось на бумагу легко и свободно: недаром его считали незаурядным рассказчиком. Одно тревожило Купера — в книге нет ни замков, ни лордов, ни других непременных атрибутов модных тогда английских романов. Встретит ли одобрение история простолюдина у читателей? Как отнесутся к подвигу его героя Гарви Берча в стране, где утверждался здравый смысл в ущерб поэзии жизни. Но ведь есть право каждого писателя — представить своему читателю лучшие черты того характера, который он хочет изобразить. В этом и заключается, по его мысли, поэзия. Того же, кто захочет найти в его сочинении сугубо «романтическую», вымышленную картину никогда не существовавших событий, ждет разочарование. Его рассказ — это правдивая история. И вымысел, который он допускает в изображении событий прошлого, отнюдь не искажает жизненную правду, — это необходимо лишь для «гармонии поэтического колорита».

Достоверность и историчность он сделает принципом своего творчества. И в этом легко убедиться, читая его лучшие книги. В таких исторических романах, как «Лоцман», «Осада Бостона», Купер всегда точен, вплоть до описания местности, где разворачивается действие. Когда ему, например, понадобилось в романе «Осада Бостона» рассказать о первых месяцах войны за независимость, он специально посетил те места, где происходят события, описываемые в его книге, проехал по маршруту скачки Пола Ривера, побывал на месте боев в Лексингтоне, интересовался даже тем, какая была погода в те дни. По существу, и печальная судьба Натти Бампо — этого рыцаря лесов и прерий, рассказанная им на страницах пятикнижия о приключениях Кожаного Чулка, — это тоже действительность, как он сам говорил, не подлежащий сомнению факт. Подлинный случай положил он и в основу романа «Шпион», хотя имени человека, о котором услышал от Джея, и не знал. И только когда книга была уже готова и появилась в продаже, рассказ Джея неожиданно подтвердился. У куперовского героя вдруг объявился живой прототип. Некий Энох Кросби, в прошлом сапожник, утверждал, что он и есть тот, кого писатель вывел в своем романе под именем Гарви Берча. Что же, вполне возможно,

что Энох Кросби был тем, кого имел в виду Джей. История этого разведчика послужила пружиной сюжета книги. (В 1831 году вышли в свет «Воспоминания Э. Кросби», с посвящением Джеймсу Ф. Куперу, эсквайру, чье «перо впервые увековечило автора настоящих мемуаров»).

Герой Купера, приняв маску сторонника врагов, жертвует добрым именем, терпит оскорбления и бранные клички, оставаясь искренним патриотом. Даже попадая в плен к своим, он выдавал себя за торговца-разносчика и хранил тайну своего перевоплощения. Он молчал, несмотря на грозящую ему смерть от рук тех, кому помогал. Только один человек знал, что этот худощавый с крепкими мускулами и смелым взглядом «опасный враг» — действовал во имя родины. Этим человеком был сам Вашингтон. Гарви Берчу он доверяет больше других, ибо давно заметил в нем любовь к истине и верность своим принципам. И Вашингтон не ошибся в его преданности и самоотверженности. Когда потребовалось, разведчик, наотрез отказавшись от вознаграждения, ушел со сцены, тем самым совершая еще один гражданский подвиг. Он понимал, что никто никогда не узнает о его правоте, до самой могилы ему придется слыть врагом своей страны, после него останется лишь опозоренное имя. Единственная его награда — сознание того, что он честно служил справедливому делу и выполнил свой долг. Но историческое повествование Купера не вышло бы за рамки описания отдельного случая, если бы он не усложнил интригу, не ввел целый ряд подробностей, новые эпизоды, взятые из других источников. А главное — ни один документ не смог бы помочь Куперу в создании живых характеров. Для этого нужен был писательский талант.

Значит, не только случай с Энохом Кросби лег в основу куперовского романа? У нас нет на этот счет прямых документальных подтверждений. Но несомненно, что Купер, работая над книгой, пользовался разного рода материалами: мемуарами, письмами и т. п. Ибо таков был его метод, отличавшийся необычайной скрупулезностью. Однако косвенными подтверждениями того, какие еще исторические события и образы вдохновляли писателя, мы все же располагаем.

* * *

Джеймсу нередко приходилось слышать имя Натана Хейла. На фермах и почтовых станциях, в тавернах и на пристанях о нем пели песни, рассказывали легенды. Впервые Джеймс узнал о

Хейле еще во время учебы в Йельском колледже, где задолго до него учился и Хейл. Преподаватели при каждом удобном случае напоминали об этом и ставили его в пример как истинного патриота. Что же это был за человек? И что он совершил такого, за что его так превозносили?

Семнадцатилетний капитан Натан Хейл из Ковентри, в недавнем прошлом школьный учитель, добровольно вызвался выполнить рискованное поручение. Ни уговоры друзей, ни опасность, которой он подвергал себя — ничто не остановило его. Хейл вполне сознавал, что, возможно, будет раскрыт и схвачен во время выполнения задания. Что же заставило его решиться на такой отчаянный шаг? Славы он не искал, не гнался за повышением в чине или вознаграждением. Он хотел одного — быть полезным своему народу. Вот его слова: «Родина требует от меня услуги, и я должен выполнить ее».

Его принял командующий и лично объяснил цель и задачу опасной миссии. Натану Хейлу предстояло на лодке, ночью, переправиться через пролив, где патрулировали английские корабли, пройти по Лонг-Айленду и пробраться в Нью-Йорк в расположение войск противника.

Разведчик высадился на пустынный берег. Ничто, даже всплеск волн, не нарушал тишину приближающегося дня. Вокруг не было никаких признаков жилья — одни холмы. Под видом бродячего учителя, сторонника короля, Хейл проник глубоко в тыл вражеских линий. Вместе с фуражирами, снабжавшими англичан продовольствием, и несмотря на строжайший приказ никого не пропускать, он оказался в городе. По дороге вел наблюдение, тщательно на латыни записывал добытые сведения и прятал их в башмак. Он уже был на обратном пути, как внезапно над проливом опустился сильный туман — дорога назад оказалась закрытой. Пришлось переждать непогоду в таверне. Видимо, здесь он обратил на себя внимание своей любознательностью. Когда он вышел на улицу, его уже поджидал патруль.

Лгать было бесполезно — уличающие его записи легко обнаружили. Генерал Хау предложил ему жизнь ценой измены, обещал чин капитана королевской армии и крупную сумму денег. Хейл отверг гнусное предложение. Участь его была решена. В последний момент ему отказали даже в бумаге для прощального письма.

«Разве это смерть для офицера», — с иронией заметил его палач, начальник военной полиции англичан. «Любая смерть почетна, когда умираешь за отчизну», — спокойно ответил Хейл. И Добавил: «Я сожалею лишь о том, что у меня только одна

жизнь, которую я могу отдать родине!»

Первым документом, увековечивающим память Натана Хейла, была запись, сделанная вскоре после его гибели в городской летописи города Ковентри. В ней говорилось: «Капитан Натан Хейл, сын Дикона Ричарда Хейла, был схвачен в Нью-Йорке англичанами и казнен в сентябре 1776 года». Спустя несколько десятков лет его имя значилось одним из первых в списках национальных героев, оно было известно даже школьникам, о нем не только пели песни, но и слагали гимны поэты, позже ему воздвигнут памятники, напишут про него пьесы.

Мог ли Дж. Купер, начав писать книгу о подвиге разведчика, не вспомнить об отважном поступке благородного юноши! Романтический образ героя-патриота стоял перед его глазами. И хотя в романе имя Хейла упоминается только раз, но его подвиг как бы озарил все повествование. Нет, не один Энох Кросби послужил прототипом Гарви Берча.

Первый шаг в бессмертие

Опасения Купера оправдались. Роман «Шпион», изданный без имени автора в конце 1821 года, поначалу не заметили. Вернее сказать, не хотели замечать. Зато его сразу же перепечатали английские журналы. И только после того, как автор книги был назван в английской, а затем и во французской прессе «выдающимся американским романистом», газеты Америки поместили несколько весьма сдержанных откликов. Куперу не могли простить его героя из народа, прославление подвига простолюдина.

Через несколько лет Купер поймет, что подвиги тех подлинных героев, которых олицетворял его Гарви Берч, были напрасны. Он убедится в иллюзорности идеалов американской революции, идеалов свободы. И тогда он произнесет свои знамениные слова: «Народу Америки предстоит понять, что его кажущаяся свобода — не что иное, как болтовня его хозяев-демагогов». Для Купера станет очевидно то, о чем он напишет в «Письме к соотечественникам» — об измене американцев принципам демократии, о засилии денежных интересов, о том, что публика, охваченная жаждой обогащения, не испытывает уже былого интереса к литературе. Купер разойдется со своей страной, «пропасть между нами огромна…», — напишет он. Таков был печальный вывод, к которому придет писатель.

Несмотря на замалчивание и скупые оценки отечественной критики, роман «Шпион» принес Куперу всемирную славу. Книгу очень скоро перевели на многие европейские языки. Высоко ценили «шпиона куперовского романа» К. Маркс и Ф. Энгельс (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 281). Русская критика отмечала, что роман интересен сочетанием «подробностей американской войны с описанием нравов и обычаев сей страны».

Начало было положено, первый шаг — самый трудный — был сделан.

Первая книга Дж. Ф. Купера — одна из лучших в его творчестве, написанная уже не подражателем, а, по словам Белинского, «могучей кистью» большого мастера.

4. Вотрен

На рассвете со стен крепости раздались три пушечных выстрела. Местным жителям сигнал этот был хорошо известен. Он означал, что с Брестской каторги бежал преступник, и напоминал о том вознаграждении, которое ожидает всякого, кто поймает беглеца. На этот раз им был двадцатитрехлетний Франсуа Эжен Видок, известный, несмотря на молодость, как «король побегов». Излюбленным его способом был побег с переодеванием. Однажды он вышел из тюрьмы под видом муниципального служащего, сделав из трехцветной ленты пояс и кокарду. Нехитрый маскарад вполне удался — часовой вытянулся перед ним, отдавая честь. В другой раз совершил побег в мундире офицера. Стражник почтительно приветствовал мнимое начальство и сам распахнул перед ним двери. Приходилось ему совершать побеги и с помощью подкопов, веревочных лестниц, подкупа… Каждый новый способ побега рождался в изобретательной голове Видока, как импровизация, прямо на месте — в зависимости от обстоятельств.

Репутацию «короля побегов» Видок поспешил оправдать и на Брестской каторге. Переодевшись в платье монахини, которая за ним ухаживала в тюремном лазарете, он на восьмой день после прибытия в крепость бежал… В конце концов сумел сменить женский наряд на платье матроса и добрался до родного Арраса, где он родился в 1775 году в семье булочника.

В жизни ему приходилось выступать под разными именами: де Сент-Эстев, де Сен-Жюльен, Сен-Шарль и Доран, Жан Луи и господин Жюль, его называли Мек, что значит на воровском жаргоне «Хозяин», а то и просто — «папаша с улицы Галери Вивьен»…

Из биографии «короля побегов»

Свой первый побег, собственно и определивший всю его дальнейшую жизнь, Франсуа Видок совершил еще в детстве…

В один прекрасный день, прихватив из кассы родителей тысячу франков, он отправился в Остенде, надеясь там сесть на корабль и уплыть в Америку. Однако уехать не удалось — на пристани его дочиста обокрали, и ему пришлось поступить в бродячую цирковую труппу. С этого момента начались похождения Видока, вполне оправдавшие предсказания гадалки. В балагане впервые проявился его талант подражателя, не раз выручавший его впоследствии. Видок поистине владел даром Протея, перевоплощался буквально на глазах, легко изменял возраст, облик лица, манеры, голос.

С этих самых пор жизнь превратилась для Видока в постоянный театр, наполненный перевоплощениями и переодеваниями, вхождениями то в одну, то в другую роль, сменой масок, имен, биографий. Видок становился то хозяином положения, то жертвой случая. Казалось, что временами судьба играет с ним, а подчас и он — судьбой. Причем судьбой не только своей…

…Шел 1791 год. Молодая французская республика переживала тяжелые дни. До аррасцев доносятся из Парижа призывы отстоять отечество. Среди выступлений патриотов они узнают голос и их земляка адвоката Максимилиана Робеспьера, родившегося в соседнем с Видоками доме и отправившегося отсюда однажды вечером на дилижансе в столицу, как избранник города в Генеральные штаты.

Франсуа Видок, к тому времени вернувшийся после долгих странствий в родной Аррас и прощенный отцом, вступает добровольцем в армию. В день битвы с австрийцами при Вальми — первого крупного успеха республиканских войск, его производят в капралы. Для шестнадцатилетнего юнца это было неплохое начало. Подвел его необузданный нрав. После дуэли с унтер-офицером и ареста, ему ничего не оставалось, как бежать и скрыться. На его счастье подоспела амнистия, после чего он спокойно объявился в Аррасе. В городе в тот момент расправлялись с аристократами. На площади перед ратушей мрачно возвышалось изобретенное годом раньше доктором Гильотеном «во имя любви к человечеству» быстро действующее приспособление для обрубания голов, метко окрещенное в народе «национальной бритвой». Не обходилось и без трагических курьезов. Одного беднягу собрались казнить лишь за то, что

крики его попугая показались бдительному соседу похожими на восклицание: «Да здравствует король!»

Вступившись за невиновного, Видок обвинен сам и вынужден покинуть Аррас, если не хотел оказаться на гильотине… Затем он снова в армии и снова дезертирует. Кочует с цыганами, становится морским артиллеристом, потном корсаром, погонщиком скота, торговцем, актером, контрабандистом. Всюду выступает под разными именами…

Вскоре ему опять не повезло. Из-за ссоры и поединка он оказывается на три месяца заключенным в тюрьму, не подозревая, что отсюда отправится прямо на галеры.

В тюрьме Видок познакомился с неким Севастьяном Буателем. Вся вина этого крестьянина состояла в краже хлеба. Шесть лет каторги — таково было наказание, которое ожидало несчастного. двое заключенных взялись ему помочь. Написав от его имени прошение, они заодно ловко сфабриковали и поддельный документ об освобождении Буателя, причем вовлекли в это дело и юного Видока. Крестьянина выпустили. Когда же подлог раскрылся, его авторы свалили всю вину на Видока — для него это означало несколько лет каторжных работ. Тогда-то он и решил бежать. Был пойман, убежал снова. Так повторялось неоднократно, пока, наконец, его не приговорили — уже как «закоренелого» преступника — к восьми годам галер…

Он жил среди отверженных законом, изучал их повадки и нравы, много лет наблюдал жизнь с ее изнанки. Склонный к парадоксам, Стендаль говорил, что только на галерах можно найти людей, обладающих великим качеством — силой характера. Рядом с бедняком, осужденным за кражу хлеба или кочана капусты, здесь были преступники, имена которых долго сохранялись в преданиях галер. Портреты некоторых из них Видок позже набросал в одной из своих книг, посвященной бывшим его дружкам. Таков был, например, благовоспитанный вор Жосса по прозвищу «Отмычка», выступавший под именем маркиза Сен-Аман де Фараль. В высшем свете, где он обычно орудовал, его принимали за креола из Гаваны. Приятная наружность, изящные манеры, костюм франта открывали перед ним двери богатых особняков, которые и являлись объектом его краж, свидетельствовавших о тонкой наблюдательности и изобретательности их автора. Подстать ему был и Пьер Куаньяр. Сын крестьянина, он был приговорен в 1801 году за воровство к четырнадцати годам исправительных работ и отправлен на галеры в Тулон. Но вскоре объявился в Испании. Спустя некоторое время вступил во французскую

армию под именем графа де Понти де Сент-Элен. Мнимый граф — порождение буржуазного общества, где, по словам Бальзака, «честностью нельзя достичь ничего», — усвоил главное правило этого общества: «в него надо врезаться пушечным ядром или проникнуть, как чума». Вор пробрался в высший свет, сменив красную куртку и зеленый колпак каторжника на щегольский офицерский мундир. После Наполеона служил Людовику XVIII, был принят при дворе, за личные заслуги перед королем его производят в подполковники. Но, оказалось, — бывший уголовник ни на минуту не изменил своему ремеслу: псевдограф возглавлял успешно действовавшую шайку воров. Кончил свою жизнь Куаньяр все же на галерах: его случайно опознал на военном параде бывший заключенный, раньше отбывавший вместе с ним срок в Тулоне.

К типу «флибустьеров в желтых перчатках», как называл Бальзак респектабельных разбойников, принадлежал и Сен-Жермен, прошедший жизнь под разными именами и 6 разных костюмах, и знаменитый авантюрист Антельм Колле, тоже обладавший даром превращения и тоже окончивший свои дни на каторге. Этот дерзкий мошенник, которого много лет тщетно пытались изловить, появляясь в облике епископа и в сутане монаха, в мундире генерала или под видом простого офицера, похищал крупные суммы и исчезал…

Легендарный «король побегов» на деле оказался вовсе не одинок, а его биография, полная удивительных приключений и фантастических превращений, была типичной для общества, в котором он вращался. Люди, воплощавшие своим обликом и судьбой преступный мир, были нередко в то же время скрытой движущей пружиной и «высшего света», составляли его суть.

Их похождения часто находили отражение на страницах прессы того времени, в «Судебной газете», печатавшей отчеты о дерзких подвигах беглых каторжников, сеящих смятение в провинции и в столице. Факты такого рода неслучайно получили отклик и в художественной литературе. Создается даже мода на романы, где действуют пираты, разбойники, беглые каторжники, полицейские. Не избежал всеобщего поветрия и молодой тогда Бальзак. Уже в ранних своих произведениях он выводит тип сильного человека, скрывающегося обычно под чужим именем. Это и пират Аргоу, присваивающий себе фамилию графа де Максенди, и неуловимый, таинственный Феррагюс — элегантно одетый, с орденом Золотого руна и звездой на фраке, с двумя буквами, выжженными на правом плече: «К.Р.» — каторжные работы. Наконец, это Вотрен — один из наиболее известных и

ярко обрисованных персонажей «Человеческой комедии». В прошлом «Наполеон каторги», известный под именем Жака Коллена, по кличке «Обмани-смерть», он впервые появляется в романе «Отец Горио»…

Впрочем, у Бальзака это не просто дань литературной моде, не просто подыгрывание публике, падкой до дешевых сенсаций или жаждущей таинственных приключений: кровавых злодеяний и эффектных разоблачений. Это отражение закономерностей самой жизни.

«Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодчиков, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, пользующаяся дурной славой, хищническая богема, которая напяливает на себя обшитые галунами мундиры…» — так характеризовал К. Маркс новых героев, пришедших из жизни в литературу, на страницы бальзаковских романов (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.8, с. 216).

В пестром мире героев Бальзака, среди галереи созданных им типов мрачная фигура Вотрена занимает особое место. Образ этот, по словам самого автора, представляющий моральное гниение общества и все общественное зло, был подсказан писателю подлинной историей, свидетелем которой он явился.

Автор «Человеческой комедии» считал действительное событие, случай — «величайшим романистом мира», призывал его изучать, ибо жизнь всегда придумывает более сложные сюжеты, чем писатель. Искусство писателя — озарить огнем воображения картины, увиденные в жизни, осмыслить их, укрупнить, переплавить в форму художественного обобщения.

Бальзак, носивший в голове целое общество, стремившийся изучить это огромное скопище типов и дать точный социальный диагноз общественных болезней, взял подлинный факт, почти неправдоподобный, и угадал за ним типическое явление. Это была история Видока.

Метаморфозы Видока, так же как и перевоплощения Куаньяра, Колле, Жосса, напоминают нам различные маски, принимаемые Вотреном. Бальзак прямо указывал, что мнимый испанский аббат Карлос Эрера «оказался на месте каторжника Коллена в результате какого-нибудь преступления, столь же искусно совершенного, как то, при помощи которого Куаньяр стал графом де Сент-Элен». Тот же Коллен, скрываясь от полиции, выступает под личиной негоцианта, в роли генерала, осуществляет «блистательнейшую из своих проделок» — побег, переодевшись, подобно Видоку, в мундир жандарма. Как и Видок, Вотрен совершает еще одно, быть может, самое удивительное из

своих перевоплощений. Но об этом по порядку…

Будущий Вотрен знакомится с Бальзаком

На парижской улице, где в начале двадцатых годов прошлого столетия находился кабачок «Стульчик», в то время часто можно было видеть хорошо одетого господина. Высокий рост, широкие плечи и развитая мускулатура свидетельствовали о незаурядной силе. Наружность его не лишена была приятности: огненно-рыжая шевелюра, голубые глаза, чуть улыбающийся рот, лицо властное, запоминающееся.

Обычно он пользовался кабриолетом, сзади которого восседал лакей — здоровенный детина. Но иногда господин, возбуждавший любопытство всей улицы, позволял себе прогуляться пешком. Тогда в глаза бросались шпага с рукояткой, украшенной драгоценными камнями, а под тканью его костюма угадывались очертания пары пистолетов. Видимо, человек этот чего-то опасался и вынужден был принимать чрезвычайные меры предосторожности.

Никто из соседей по улице толком на знал даже, как его зовут. Называли просто «господин Жюль». И никому в голову не приходило, что под этим именем скрывается всесильный начальник сыскной парижской полиции Видок — тот самый «король побегов» — каторжник, имя которого еще не так давно было известно в любой тюрьме Франции.

Что же произошло, каким образом каторжник оказался в роли высокопоставленного хранителя закона? Что за новая чудесная метаморфоза произошла с легендарным авантюристом?

Видоку опостылела жизнь травимого зверя, ему надоело, как скажет потом Вотрен, «играть роль мячика между двух ракеток, из которых одна именуется каторгой, другая — полицией». Постоянный обитатель каторги решает стать ее поставщиком.

Это было одно из самых неожиданных превращений Видока, которое позже повторит на страницах «Человеческой комедии» бальзаковский Вотрен. Из человека, преследуемого и гонимого буржуазным обществом, Видок становится его рьяным защитником, навсегда приковывает себя к… галере власти.

Перед ним была поставлена задача: очистить от преступников столицу Франции, насчитывающую тогда около миллиона жителей. Задача эта была тем более сложной, что первое время в подчинении шефа полиции имелось всего несколько помощников. Приходилось самому участвовать в облавах и арестах. Разоблачениям Видока способствовал не только талант сыщика и знание мира, с которым ему так долго приходилось иметь дело, но и искусство трансформации. Теперь он не раз применил

испытанные в прошлом средства ради иных целей: во время охоты на преступников появлялся на парижских улицах, в кабачках и ночлежных домах под видом угольщика и водовоза, слуги и ремесленника, одинаково ловко носил костюм аристократа и бродяги, беглого каторжника…

Первый его крупный успех на новом поприще был связан с именем знаменитого фальшивомонетчика, человека редкой ловкости пальцев — некоего Ватрена. Его долго не удавалось поймать. Наконец, осенью 1811 года газета «Журналь де Пари» сообщила, что Ватрен, приговоренный заочно, схвачен на площади Отель де Вилль. Возможно, Бальзак, узнавший позже об этой истории от Видока, заимствовал это имя и, несколько изменив его, назвал им одну из самых колоритных фигур «Человеческой комедии».

Но не только имя для своего персонажа взял Бальзак из жизни. Писатель придал Вотрену черты реального лица — Видока, создал близкий к подлиннику портрет, наделив его умом, хитростью и силой характера, присущими прототипу. Даже внешний облик этого литературного героя, его ярко-рыжие волосы, незаурядная физическая сила, приветливое обращение и грубоватая веселость, за которыми скрывался вулкан человеческих страстей, — скопированы с Видока.

Бальзак имел право сказать, что Вотрен «не заключает в себе никакого преувеличения», ибо был списан «с живого человека».

Однако и это не все. Бальзак использовал факты биографии бывшего каторжника при создании своих романов, разумеется, подвергнув жизненный материал процессу творческой переплавки.

Сведения, почерпнутые из жизни Видока, послужившего как бы возбудителем творческого воображения писателя, были немаловажным источником для автора «Человеческой комедии» при описании преступного мира, которым, как он считал, нельзя было пренебрегать в характеристике общественных нравов, в точном воспроизведении состояния всего общества.

* * *

…Летним вечером 1844 года в загородном доме Бальзака в Жарди собрались друзья писателя. Хозяин «угощал» в тот день своих гостей примечательной личностью — известным сыщиком Видоком.

Расположившись в глубоком кресле, он занимал окружающих историями из своей жизни. Рассказывал о неписаных

законах преступного мира, о «царе» воров Фоссаре, о Бомоне-человеке совершившем сверхъестественное: умудрившемся проникнуть в хранилище драгоценностей и похитившем ценностей на огромную сумму. «Тут столько, — заявил он при аресте, — что можно было сделаться честным человеком. И я сделался бы честным. Это так легко богатому! А между тем, сколько богатых, которые хуже мошенников!» Или о том, как он «вычищал Тюильри» от самозванцев, разгадав нюхом бывшего каторжника клеймо обитателей галер под платьем маркиза де Фенелона и де Шамбрей, под мундирами де Стевенс и де Сент-Элена. Время от времени, Видок сопровождал свое повествование словами: «Комедия! Комедия мира — самый необыкновенный спектакль!..»

Это была не первая встреча автора «Человеческой комедии» Бальзака с прототипом его Вотрена. Они познакомились задолго до этого, еще в начале двадцатых годов. Встречались в доме господина де Берни, советника суда, за обеденным столом у Бенжамена Аппера, известного филантропа редактора «Журналь де призон». Бальзака интересовали факты, случаи из уголовной и судебной практики, он запасался материалом для своих романов, изучал жизнь «дна». Видок, как никто, мог оказаться полезным для него. Возможно, именно после встреч с ним Бальзак записал свои знаменитые слова о том, что все ужасы, которые романистам кажутся их вымыслом, бледнеют перед действительностью. Великий писатель не только находил в рассказах Видока подтверждение тому, что мир преступников связан тайными узами с верхами общества, с полицией, но и черпал из его историй темы, сюжеты, образы для своих «этюдов о нравах». Литературоведы считают, что Видок послужил прообразом многих его героев. Чуть ли не пятнадцать из них наделены его чертами. И первый среди них, конечно, титанический образ Вотрена. Кроме того Бальзак создавал целые произведения на сюжеты, подсказанные Видоком, получал от него бесценные сведения о мире преступников и махинациях дельцов, о скрытых сторонах жизни аристократов…

«Если бы у меня было ваше перо, — признавался он Бальзаку, — я написал бы такие произведения, что земля и небо перевернулись бы вверх ногами…» Понимая, что не обладает писательским талантом, Видок щедро предлагал использовать его знание жизни и опыт.

«Действительность — вот она, у вашего уха, у вас под рукой», — говорил Видок и рассказывал Бальзаку историю сообщества «Десяти тысяч», вслед за тем — историю Сильвии, которая станет Феодорой из «Шагреневой кожи», знакомил с

Досье на некоего каторжника Феррагюса. Образы Онорины, кузины Бетты также во многом были подсказаны словоохотливым Видоком. Можно сказать, что Видок поставлял «сырье» для лаборатории писателя, который перерабатывал этот жизненный материал в соответствии со своими идейно-художественными замыслами. «Дочь Евы», «Депутат от Арси» и «Отец Горио», «Утраченные иллюзии» и «Блеск и нищета куртизанок» — многие страницы этих шедевров родились под воздействием рассказов Видока.

Видок в литературе и сам по себе

История прототипа Вотрена, его необычайных приключений, — это история жизни человека, которого Бальзак сделал актером своей бессмертной «Человеческой комедии».

Не раз в «Человеческой комедии» появляется и сам Видок — под собственным именем. Но чаще он предстает в иных обличиях. Бальзак заимствует черты его внешнего облика не только для Вотрена, но и для Годиссара и Бьяншона, Серизе и Гобсека. (Кстати, под именем Гобсека выведен старый приятель Видока ростовщик Жюст).

В своей работе Бальзак не преминул воспользоваться и таким письменным источником, как воспоминания Видока в 4-х томах. Они появились после того, как он ушел в отставку в 1827 году. Не обладая пером Бальзака, человек-легенда все же взялся за перо.

На страницах жизнеописания Видока перед читателем возникал, по мнению тогдашнего генерального инспектора тюрем Моро-Кристофа, человек «необычайного ума, неслыханной, дерзновенной смелости, невероятной, неистощимой изобретательности, огромной физической силы и ловкости». Его личность обрастает плотным ореолом вымысла, делается почти мифической…

В России на выход в свет мемуаров, приобретавших скандальную известность, откликнулась «Литературная газета». В двух ее номерах за 1830 год появились небольшие заметки, посвященные мемуарам Видока. Автором их был А. С. Пушкин, назвавший Видока «человеком без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями…» Однако многим современникам Пушкина было ясно, что заметки «О записках Видока» являются на самом деле остроумным эзоповским намеком на тайного агента III отделения, продажного журналиста и бездарного писателя с непомерным честолюбием — Ф. В. Булгарина.

С тех пор имя Видока — полицейского сыщика становится у нас в России нарицательным. Пушкин навсегда заклеймил им доносчика Фаддея Булгарина, называя его в эпиграммах «Видок Фиглярин». Герцен советовал отказаться от услуг шпионов — Видоков в литературе, считая, что «всю их работу прекрасно исполняют газеты по дешевой цене, а, может быть, и даром», имея в виду продажность и верность реакционным правительствам официозной прессы того времени, выполнявшей, часто по собственной инициативе, полицейские функции и занимавшейся политическими

доносами на видных писателей, прогрессивных ученых и общественных деятелей…

Некоторое время спустя Видок учреждает первое в мире частное сыскное бюро. Он умеет хранить тайны, но умеет и разгадывать их. И вот уже деятельность его бюро распространяется не только на Францию, у него появляются информаторы и за границей. Четыре тысячи богатых клиентов пользуются его услугами. И снова Видок проникает в чужие тайны, раскрывает секреты. Он успешно конкурирует с официальной полицией, о пришлось последней, естественно, не по вкусу. Против Видока возбуждают один, потом второй процессы. Но победить его так и не удалось. В конце концов, устав от войны со столь опытным противником, полиция примиряется с ним.

О нем вспоминали главным образом тогда, когда надо было оказать услугу трону, выполнить тонкое и трудное дипломатическое поручение за границей, получить совет по делам полиции. Тем временем он ведет полусветскую жизнь, и его черный сюртук с пустым рукавом правой руки, ампутированной после тяжелого перелома, часто мелькает в парижских гостиных. И всюду он желанный гость, ибо охотно рассказывает о своих приключениях. В его друзьях числились герцоги и графы, министры и политические деятели, с ним водили знакомство писатели — Виктор Гюго и Александр Дюма, Эжен Сю и Ламартин… А сколько — менее знаменитых!… И каждый — черпал из этого мутного источника, по-своему перерабатывая факты и сюжеты, рождая новые образы. Так, например, В. Гюго воспользовался рассказами Видока, когда создавал образ Жана Вальжана в романе «Отверженные».

По материалам Видока были написаны Эженом Сю «Парижские тайны». Под именем Жакаля его вывел в романе «Сальваторе» Александр Дюма, а Жорж Занд в романе «Лелия» под именем Тренмора. Много раз, при жизни и после, вплоть до наших дней, образ Видока — беглого каторжника и сыщика — появлялся на театральных подмостках.

Но нигде не обрисован он так ярко, как в «Человеческой комедии». Его своеобразная фигура, как бы отступившая в полумрак истории, была освещена прожектором бальзаковского гения и предстает перед нами в образе Вотрена на страницах романов «Отец Горио», «Утраченные иллюзии», «Депутат от Арси», «Блеск и нищета куртизанок», в драме «Вотрен».

И это неудивительно. Ведь Бальзак, по словам Ф. Энгельса, «в „Человеческой комедии“ дает нам самую замечательную реалистическую историю французского „общества“…» (Маркс К.,

Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 36). Неотъемлемым элементом этого общества, предвещавшим неизбежность его падения (Энгельс), был и Вотрен.

5. Д'Артаньян

Находка в библиотеке

— Господин Дюма, где вы берете сюжеты для своих многочисленных произведений? — нередко спрашивали писателя.

— Отовсюду, где только могу, — отвечал прославленный автор.

И это действительно было так. Под его пером оживали исторические хроники, он умел вдохнуть жизнь в старинные легенды, воскрешал забытые мемуары, написанные в разные эпохи. В поисках «возбудителя воображения» А. Дюма странствовал по страницам бесчисленных словарей, учебников истории, сборников исторических анекдотов.

Однажды — это было в 1843 году — Дюма рылся в книгах Королевской библиотеки, подыскивая, как сообщает он сам в предисловии к «Трем мушкетерам», материалы об эпохе Людовика XIV. Не спеша перебирал книгу за книгой, снимал с полок пыльные тома, бегло просматривал, откладывая в сторону те, что могли ему пригодиться. Случайно в руках у него оказались три тома «Воспоминаний господина д'Артаньяна», выпущенных Пьером Ружем в Амстердаме в 1704 году. (На самом деле такого издателя не существовало, типографы того времени при необходимости скрывали свое настоящее имя.) Это было второе издание из трех аналогичных, но единственное, снабженное портретом д'Артаньяна. Первое вышло в Кельне в 1700 году у Пьера Марто; третье — в Амстердаме в 1712 году у Пьера Ку — оба типографа лица вымышленные.

Со старинной гравюры смотрел незнакомец в военных доспехах. Худощавое энергичное лицо обрамляли волнистые, ниспадающие до плеч волосы. Весь его облик казался необыкновенным, особенно глаза, пронзительные и умные. С лукавым прищуром они глядели на читателя, как бы говоря: «Познакомьтесь с им правдивым жизнеописанием, и вы убедитесь в моей исключительности». Это выражение усиливала усмешка тонких губ, над которыми, словно два острых лезвия, торчали маленькие элегантные усики любимца женщин и отчаянного дуэлянта. Писатель, по собственному его признанию, решил более тщательно изучить четыре тома, выпущенные Пьером Ружем. С разрешения хранителя библиотеки — своего приятеля литератора Жозефа Мери — он унес их домой и жадно на них набросился. О том, что редчайшее издание было выдано Александру Дюма, свидетельствует формуляр библиотеки. Но он же умалчивает о том, что книга эта так никогда и не возвратилась на библиотечную полку. Писатель воспользовался дружескими

отношениями и не вернул редкий экземпляр. Однако, что же так заинтересовало А. Дюма в этих воспоминаниях? Это оказались беглые зарисовки событий и нравов минувшей эпохи — середины семнадцатого столетия, сделанные, несомненно, очевидцем, хотя многие картины прошлого и были представлены односторонне. Полностью название книги звучало так: «Воспоминания господина д'Артаньяна, капитана-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных сведений о событиях, которые произошли в царствование Людовика Великого». Кто же был этот очевидец, автор мемуаров? Судя по названию — д'Артаньян. Однако, как полагают исследователи, в этих «собственных мемуарах» нет ни слова, написанного самим мушкетером. Сочинил их некий Гасьен де Куртиль де Сандра и хотя он знал д'Артаньяна лично, это отнюдь не давало ему права выступать от имени мушкетера. Но Куртиль де Сандра не стеснялся использовать громкие имена своих современников, издавая подложные мемуары. Он был плодовитым и довольно ловким мистификатором.

Современники довольно быстро разгадали истинного автора «воспоминаний…» и, не стесняясь, говорили ему о подделке. Но Куртиль де Сандра продолжал настаивать на своем. Не отрицая того, что имеет некоторое отношение к выходу в свет записок мушкетера, он заявлял, что мемуары написаны д'Артаньяном, а он, мол, лишь отредактировал их.

Гвоздь для картин Александра Дюма

Приключения мушкетера, о которых рассказывал Куртиль Де Сандра, показались А. Дюма прекрасной основой для авантюрного романа. Он погрузился в историю, читал мемуары других свидетелей минувшего времени: Франсуа де Ларошфуко, де Ла Порта, выведенного в романе «Три мушкетера» камердинера Анны Австрийской; ее камеристки госпожи де Моттевиль; изучил «Занимательные истории» Талемана де Рео, а также книгу Лерера, в которой были собраны интриги французского двора, в частности, случай с подвесками. И вскоре под пером писателя история ожила.

На сцене появляются три славных мушкетера, три храбреца, три друга — Атос, Портос и Арамис. Они служат в роте мушкетеров под командованием де Тревиля.

Все эти персонажи имели реальных прототипов. Имена их А. Дюма встретил в книге Куртиля де Сандра. Но там они отнюдь не являлись героями повествования, о них лишь упоминалось, говорилось, что это были якобы двоюродные братья. Зато в других исторических источниках писатель нашел более подробные сведения об этих лицах. Например, в том же предисловии Дюма говорит о найденной им рукописи in-folio воспоминаний графа де Ла Фер, посвященных последним годам правления Людовика XIII и началу царствования Людовика XIV.

Что же нам известно о прототипах романа? Де Тревиль, ранее называвшийся Арно-Жан Дю Пейре, был сыном торговца из Олорона — городка в Беарне, где и родился в 1596 году. Откуда же у него появилось пышное имя — граф де Тревиль?

Маленькое владение Труа-Виль («Три города»), расположенное около Олорона в долине Суль, разделено на три равные части. И сегодня здесь стоит роскошный замок, сооруженный знаменитым архитектором Монсаром.

После того как Арно-Жан Дю Пейре купил замок и земли вокруг него, он стал именовать себя как дворянин, де Труавилем, а несколько позже изменил свое имя на более благозвучное — де Тревиль. Но его честолюбие не было удовлетворено: он мечтал служить в роте королевских гвардейцев. И де Тревиль добился этого. В 1625 году он стал мушкетером, а со временем (в 1634 году) занял, как тогда говорили «самую завидную должность в королевстве» — должность командира мушкетеров и объявил себя графом. Теперь его звали Арман-Жан де Пейре.

Его жизнь полна бурных событий. Он участвовал в осаде Ла Рошели и Суассона, сражался под Аррасом, при Пон-де-Се и

Парпильяне. Враг Ришелье (тут А. Дюма верен истории), де Тревиль в конце концов, по настоянию всесильного кардинала, был удален от двора. Однако вскоре после смерти Ришелье, в 1643 году, он получил место губернатора провинции Фуа. О нем не раз упоминает в своем дневнике маршал Бассомпьер (также противник Ришелье, посаженный в Бастилию по его приказу) как о храбрейшем из воинов. Умер де Тревиль в 1672 году. До опалы, постигшей его в 1642 году, Тревиль действительно пользовался большим влиянием. Благодаря его покровительству в число мушкетеров был принят в 1640 году Арман де Силлек. Этот юноша, женатый на племяннице де Тревиля, носил имя синьора д'Атоса (по названию небольшого местечка, когда-то греческой колонии, около города Советтр-де-Беарн), однако он когда не был участником приключений, героем которых сделал никогда А. Дюма. Как не являлся и графом де Ла Фер и тем более не мог оставить воспоминаний об эпохе царствования Людовика XIV, ибо известно, что он умер 22 декабря 1643 года от смертельной раны. Вся эта «родословная» — вполне правомерный писательский домысел.

Родственником де Тревиля был и гасконец Анри Арамиц. Неподалеку от Ларена в Пиринеях, на скале, громоздился его великолепный замок, где он, оставив военную службу в 1654 году, мирно жил с женой и четырьмя детьми.

Вторая супруга командира мушкетеров была урожденной д'Арамиц. Писатель переделал эту фамилию на Арамис. Кстати говоря, и Дезэссар — командир полка, где поначалу служит герой Дюма, — лицо подлинное (убит в 1645 году), и он тоже приходился родней де Тревилю.

Родом из тех же мест, что и два других мушкетера, был и третий — Портос. Резиденцией мессира Исаака де Порто служил массивный замок в Ланне, возвышающийся над долиной Барету.

Исаак де Порто, совсем не такой бедняк, каким его сделал А. Дюма, был знаком с д'Артаньяном во время службы в гвардии. Мушкетером он стал в год смерти Атоса — в 1643 году. А это значит, что они вряд ли сражались рука об руку. Да и все четверо мушкетеров могли быть вместе всего лишь на протяжении нескольких месяцев 1643 года.

Соединил их на много лет в своем романе Александр Дюма. Когда же его упрекали в том, что он извращает историю, А. Дюма отвечал: «Возможно, но история для меня — только гвоздь, на который я вешаю свою картину». Впрочем, что касается д'Артаньяна, то, по утверждению его земляков-гасконцев, он был еще более героической личностью, чем смог вообразить романист. Факты его необычной биографии, насыщенной

приключениями и подвигами, известные нам сегодня благодаря розыскам историков и литературоведов, действительно свидетельствуют об исключительной судьбе этого человека. Его история, говорят в Гаскони, правдива, как вымысел, и невероятна, как сама жизнь.

Замок Кастельмор и деревня Артаньян

Близ Пиринейских гор расположена столица древней Гаскони — Ош. Неподалеку от города Ош, в местечке Люпиак, родился человек, послуживший прообразом знаменитого литературного героя — д'Артаньяна. Поныне существует построенный в XI веке замок Кастельмор, где он жил. Строгий по формам замок стоит на берегу Тенарезы. Четыре башни — две круглые, более древние, и две квадратные, возвышаются над кронами дубов и вязов, охватывающих здание кольцом. Старые его камни прячутся под зеленым плащом из плюща, отчего стены сливаются с листвой Деревьев и издали, с залитых солнцем холмов, едва заметны.

Предание гласит, что в кухне этого замка году этак в 1620 родился Шарль де Батц-Кастельмор д'Артаньян. Его родителями были Франсуаза де Монтескью-д'Артаньян и Бертран III де Батц-Кастельмор. Отец происходил из старинной гасконской фамилии, чей замок в графстве Фезенсак сохранился до наших дней. Мать была представительницей более знатного рода из соседнего графства. Поэтому сыновья наследовали более знатное имя д'Артаньян, сохраняя и имя, доставшееся по отцовской линии Кастельмор — с прибавлением названия графства Фезенсак.

В нескольких километрах от замка Кастельмор расположена маленькая деревушка Артаньян. Земли вокруг нее входили в баронат дворянского рода Монтескью — одного из старейших в королевстве. Во всяком случае, они принадлежали этой семье с тех пор, как Полон де Монтескью — конюший Анри д'Альбрета, короля Наваррского, женился на Жакметте д'Эстен — даме из Артаньяна.

После свадьбы молодые пожаловали в свою гасконскую усадьбу. Супруг должен был вступить в права владельца усадьбой. Для этого требовалось его присутствие на церемонии «клятвы верности».

«Отныне Полон де Монтескью, — читал слуга, — клянется, что будет вести себя как подлинный феодальный сеньор, остальные должны помнить о том, что они являются вассалами и в свою очередь клянутся вести себя подобающим их положению образом…» Так конюший короля Наваррского стал сеньором д'Артаньяном.

Шли годы. На краю деревни вырос замок. И неизменно мужчины уходили отсюда служить в гвардию — это стало семейной традицией.

Слуга кардинала

Два старшие брата д'Артаньяна уже были офицерами, когда настал его черед стать воином. Но до этого ему, никогда не покидавшему родное гнездо, надо было добраться до Парижа. Что ожидало его потом? Об этом он, по правде говоря, мало задумывался. В кармане у него лежало рекомендательное письмо — этот волшебный ключ и должен был открыть ему путь к карьере. Но д'Артаньян не был настолько наивен, чтобы всецело поверить в магическую силу листка бумаги. Он знал и другое. Только мужеством можно пробить себе путь. Кто дрогнет хоть на мгновение, возможно, упустит случай, который именно в этот миг ему предоставила фортуна.

Этому правилу д'Артаньян оставался верен всегда. Храбрости и мужества ему занимать не приходилось, робость и нерешительность были чужды ему, равно как трусость. Что касается умения пользоваться случаем и извлекать для себя пользу, то и в этом он показал себя большим мастером.

Жизнь подлинного д'Артаньяна давно привлекает исследователей. Едва ли не сразу после выхода в свет в 1844 году романа А. Дюма «Три мушкетера» начались поиски прототипа. Очень скоро установили, что в XVII веке жили и прославились сразу несколько д'Артаньянов — братьев и их кузенов, черты которых так или иначе сфокусировались в известном литературном образе. Точно известно, например, что у Шарля д'Артаньяна — героя Дюма — было четыре родных брата. Причем старшего звали тоже Шарль, родился он в 1608 г. Вторым был Поль (род. 1610), прославившийся во многих войнах и доживший до глубокой старости. Когда родились Жан и Арно (первый, как и двое предыдущих, был военным, второй — священником) не известно, но и они были старше д'Артаньяна Шарля второго, то есть того, кто нас интересует.

Большинство исследователей считает, что он родился между 1620 и 1623 годами, хотя некоторые полагают, что прототип героя романа появился на свет между 1611 и 1623 гг. А. Дюма заставил его родиться в 1607 году, видимо, чтобы он смог принять участие в описываемых событиях: взятии Ла Рошели в 1628 г., служить при кардинале Ришелье, который умер в 1642 г., и т. д. Ибо подлинный д'Артаньян, если он родился в 1620 г., вряд ли сумел бы так преуспеть чуть ли не в младенческом возрасте. В этом, как и во многом другом, А. Дюма «подправил» историю, пользуясь правом автора на вымысел.

Соответственно и в Париж прототип литературного героя

попал позже, году этак в 1640 или чуть раньше.

Долгий путь от Оша до столицы остался позади. Но город встретил гасконца неприветливо. Рекомендательное письмо было потеряно во время дорожных приключений. Тем не менее д'Артаньяну удалось через Тревиля (товарища его дяди, а не отца, как в романе) поступить кадетом в гвардию.

Не сразу сбылась его мечта о плаще мушкетера. Пройдет еще четыре года, прежде чем его зачислят в личную гвардию короля. А пока что его посылают в действующую армию — лучшую школу для новичка.

Отныне гвардейца д'Артаньяна видят там, где гремят пушки, раздается звон клинков и бой барабанов, там, где французские войска ведут битвы Тридцатилетней войны.

Когда умер всесильный кардинал Ришелье, а вслед за ним, не намного пережив его, и Людовик XIII, место кардинала занял ловкий итальянец Мазарини, фаворит регентши, королевы-матери Анны Австрийской. Он решил распустить роту мушкетеров.

Д'Артаньян, к тому времени удостоенный чести быть мушкетером, то есть солдатом личной гвардии короля, оказался не у дел, правда, временно. Каким-то способом, для нас оставшимся неизвестным, ему удается добиться назначения специальным курьером Мазарини. С этого момента гасконец надолго связывает свою судьбу с новым кардиналом. В дождь, в холод и снег, не щадя ни себя, ни коня, должен скакать личный курьер кардинала по дорогам Франции. Мазарини плетет интриги и нуждается в людях, которые оповещали бы его о настроениях в обществе были бы ушами и глазами кардинала.

Но политика кардинала вызывает недовольство как у горожан, так и у знати. Начинается период так называемой Фронды — антиправительственной оппозиции дворян, использовавшей в своих интересах недовольство буржуазии. И все меньше вокруг Мазарини преданных ему людей. Только д'Артаньян неизменно оказывает важные услуги своему господину. Он остается верным слугой даже во время вооруженного восстания парижан в августе 1648 года, вызванного отчасти и жестоким правлением Мазарини.

Вынужденный удалиться в изгнание, кардинал поселился в небольшом немецком городке Брюле, близ Кельна. Здесь его часто видят в саду, он ухаживает за цветами, и кажется, что бывший всесильный министр отошел от дел, утратил интерес к интригам, забыл вкус власти. Но это только кажется. На самом деле кардинал и не помышляет складывать оружие. Он вербует новых сторонников, подкупает противников, собирает солдат. У

него много дел, много их и у его доверенного курьера, посвященного в замыслы кардинала-изгнанника. Д'Артаньян вновь проводит дни и ночи в седле — колесит по дорогам Германии и Бельгии.

Однажды в начале 1653 года в Брюль прискакал на взмыленной лошади гонец короля. Людовик XIV, достигший совершеннолетия, приглашает кардинала в столицу. Вместе с ним возвращается и д'Артаньян. Опережая его, летит о нем молва не только как об искусном воине, но и как о тонком дипломате и мудром политике.

Не силой, так хитростью

На некоторое время д'Артаньян задержался в Париже. Затем он в Реймсе, где вместе с другими придворными присутствует на церемонии коронации короля. А вскоре его видят под стенами осажденного Бордо, последнего очага сопротивления феодальной знати.

Осада занятого мятежниками города затянулась. Только хитростью можно было вынудить к сдаче его защитников. И д'Артаньян сыграет в этом деле главную роль. Здесь он впервые продемонстрирует свои незаурядные актерские способности. Ему поручают доставить в осажденный Бордо письмо кардинала с обещанием помиловать всех, кто прекратит сопротивление. Как пронести письмо в город, чтобы его не перехватили главари мятежников? Пришлось прибегнуть к маскараду. Д'Артаньян нарядился нищим. Солдаты разыграли сцену, будто гонятся за ним. Со стен осажденного города его заметили. Ворота на миг приоткрылись. Нищий прошмыгнул в них. Бледный от только что пережитого страха, он бухнулся в ноги, униженно целовал руки своим спасителям. И никто из них не догадался, что под лохмотьями нищего спрятано письмо кардинала.

В еще более сложной роли ему довелось выступить во время осады испанцами города Ардра. В документах тех лет имеется описание этого дерзкого предприятия д'Артаньяна.

Положение осажденных с каждым часом становилось все труднее. В городе свирепствовал голод, иссякли запасы продовольствия, были съедены даже лошади. Солдаты едва могли отбивать атаки настойчивых испанцев. Положение было настолько критическим, что город, не выдержав осады, с часу на час мог выкинуть белый флаг. Необходимо было предупредить осажденных, что помощь близка и надо продержаться до подхода французских войск. Доставить эту весть поручили д'Артаньяну.

Но как прорваться сквозь кольцо испанских солдат, как проникнуть в город? Д'Артаньян разработал смелый и как всегда хитроумный план. Для его осуществления ему пришлось одному разыграть спектакль во многих лицах — переодеваться купцом, выдавать себя за слугу, притворяться немощным старцем. Ловко обманув с помощью такого маскарада испанских солдат, он пробрался в город к осажденным соотечественникам. Прибыл он, надо сказать, весьма кстати. Губернатор намеревался вот-вот выбросить белый флаг.

Что произошло с д'Артаньяном дальше? Нетерпеливый гасконец, вместо того чтобы дождаться под надежной защитой

крепостных стен подхода французских полков, несмотря на уговоры губернатора остаться, покинул в тот же день город.

Обратный путь сложился дня него менее благоприятно. На этот раз он решил изображать дезертира. Однако первый же испанский солдат, встретившийся ему на пути, заподозрил неладное. Мнимого дезертира доставили к командующему испанцев. Здесь в нем опознали французского офицера. Решение было скорое, а приказ лаконичный — казнить. Но счастье и на сей раз улыбнулось д'Артаньяну. Ему удалось бежать.

Серые мушкетеры

Ускользнув от, казалось бы, неминуемой смерти, храбрый гасконец снова появился в Париже для того, чтобы опять надеть широкополую шляпу с перьями и нарядный костюм королевского мушкетера — к тому времени Людовик XIV решил восстановить свою личную гвардию и установил одинаковую для всех форму. Впервые придворная рота из дворян, призванных охранять короля, была учреждена Генрихом IV, отцом Людовика XIII. Во времена Людовика XIV в, личной его охране насчитывалось уже сто пятьдесят человек. Капитаном роты считался сам король. Фактически же ее командиром был капитан-лейтенант. Кроме того, в роте числился лейтенант, корнет, два сержанта-майора, квартирмейстер-сержант, трубач и кузнец. Последний играл немаловажную роль, если учесть, что мушкетеры были конным войском. Обычно они несли службу внутри дворца, сопровождали короля во время его выездов. По двое, голова в голову, эскорт из мушкетеров скакал впереди королевского кортежа. «Поистине это прекрасные воины, — писала о них газета того времени, — великолепно одетые. На каждом — синий плащ с серебряной перевязью и такими же галунами. Только дворянин, человек исключительной храбрости, допускается в их ряды…». К этому описанию следует добавить, что камзолы на мушкетерах были алые, а масть лошадей — серая. Их так и называли — Серые мушкетеры. Позже была создана вторая рота, получившая название Черных мушкетеров. Они отличались не только по масти коней, откуда их название, но и по цвету камзолов.

Сначала мушкетеры жили рядом с королевским дворцом. Но потом те, что были побогаче, стали селиться и в других частях города, нанимая жилье за свой счет. А это не каждый мог себе позволить. Были среди них и такие, которые, кроме длинного дворянского имени и шпаги, не имели за душой ни гроша. Этим приходилось довольствоваться жалованьем — 35 су в день.

Выходом из положения для многих из них служила женитьба. Решился на этот шаг и наш герой. До сих пор он слыл заядлым сердцеедом, однако, весьма скромный достаток не позволял ему подражать богатым друзьям, владельцам поместий и солидных доходов. Стоит ли говорить, что самолюбие прославленного мушкетера было уязвлено. Особенно нехватка средств сказывалась теперь, когда он стал лейтенантом. А по обычаю, заведенному издавна, мушкетер сам должен был заботиться о своем наряде, лошади, сбруе и прочем снаряжении. Казна выдавала ему лишь мушкет.

Помните, как были озадачены Атос, Портос и Арамис, когда им понадобилось немедля приобрести все принадлежности экипировки мушкетеров. Для этого требовалась изрядная сумма, а ее-то у них и не было: друзья слонялись по улицам и разглядывали каждый булыжник на мостовой, словно искали, не обронил ли кто-нибудь из прохожих свой кошелек. Но все было тщетно до тех пор, пока одному из них не пришла мысль обратиться к помощи своих богатых возлюбленных.

Избранницей д'Артаньяна стала Шарлотта-Анна де Шенлеси, дама из Сен-Круа. На церемонии бракосочетания 5 марта 1659 года присутствовал Луи Бурбон, король французский и наваррский, кардинал Мазарини, маршал де Граммон и многие другие придворные, их жены и дочери.

Наконец-то Шарль д'Артаньян разбогател — около ста тысяч ливров годового дохода принесла ему женитьба на знатной девице. Походную палатку заменил роскошный двухэтажный особняк на улице Бак, а резвого скакуна — громоздкая карета с сиденьем, обитым согласно моде, зеленым вельветом в цветочек, и с такими же зелеными занавесками.

Однако недолго д'Артаньяну пришлось оставаться в кругу семьи. Скоро он покидает жену и двух детей ради новых подвигов.

Важная услуга

Д'Артаньяну поручено сопровождать монарха во время поездки в замок Во, владение министра финансов господина Фуке. Роскошь и великолепие в сочетании с тонким вкусом и изяществом отличали это необыкновенное по тому времени поместье. На воротах замка красовался герб хозяина — белка, и был высечен девиз: «Quo non ascendam» — «Куда я только не влезу». Слова эти как нельзя лучше характеризовали министра. Фуке действительно достиг многого. Необыкновенно ловкий, умный и хитрый, Никола Фуке, поставленный при Мазарини во главе финансов, частенько запускал руку в казну. Неудивительно, что жил он на широкую ногу. Его замок, сооруженный в 1653 г., на который было затрачено 15 миллионов, строили лучшие мастера — архитектор Лево, художник Лебрен, планировщик парков Ленотр — этот великий садовник, как его называют. Хозяин разыгрывал из себя мецената и здесь частыми гостями были известные писатели Расин, де Севинье, Лафонтен, Мольер, подолгу гостили знаменитые актеры и художники. Стены замка украшали ценные картины, а в библиотеке, насчитывающей более десяти тысяч томов, хранилось немало уникальных изданий. Но чудом из чудес были парк и сады замка Во, возникшие задолго до красот Версаля. Мраморные гроты, зеркальные пруды и каналы, шумные каскады и фонтаны — в ту пору весьма редкие, бронзовые и мраморные скульптуры, словом, такая роскошь, такое богатство, какого не мог себе позволить даже король — украшали замок Во. Здесь «столы спускались с потолков; слышалась подземная, таинственная музыка и, что наиболее поразило гостей, — десерт явился в виде движущейся горы конфет, которая сама собою остановилась посреди пирующих, так что невозможно было видеть механизма, приводившего ее в движение», — пишет А. Дюма в своей книге «Людовик XIV и его век».

Эта пышность, сказочное богатство вызвали у Людовика XIV зависть. А известно — она сестра ненависти. Фуке дерзнул превзойти короля: участь министра была решена. Зарвавшегося вельможу ждала темница. Арестовать Фуке король и поручил Д'Артаньяну. Ордер на арест был собственноручно вручен им мушкетеру, человеку исполнительному и преданному долгу.

Д'Артаньяну помогали пятнадцать мушкетеров, и вся операция обошлась без осложнений. Правда, Фуке, заметивший недоброе, попытался бежать в чужой карете. Но д'Артаньян, не спускавший с него глаз, разгадал его план. Не долго думая, он

ринулся за каретой, в которую сел Фуке, догнал ее, арестовал министра и предложил тому пересесть в заблаговременно приготовленную карету с железными решетками. Весь этот эпизод, описанный в последней части романа Дюма «Виконт де Бражелон», приобрел под пером писателя несколько иной вид. С волнением мы следим за своеобразным состязанием в благородстве между преследователем и его жертвой — д'Артаньяном и Фуке.

Под охраной мушкетеров в той самой карете с решетками опальный министр был доставлен д'Артаньяном в крепость Пигнероль. За удачно проведенную операцию король предложил д'Артаньяну должность коменданта этой крепости. На что мушкетер ответил: «Я предпочитаю быть последним солдатом Франции, чем ее первым тюремщиком».

Смерть «храбрейшего из храбрых»

Дерзкая смелость и находчивость, удача, сопутствующая д'Артаньяну, возвели отчаянного искателя приключений на вершину придворного успеха. Отныне к его имени присовокуплен пышный придворный титул — «смотритель королевского птичьего двора». Это льстило самолюбию мушкетера. Тем более, что должность его была чисто номинальной и не требовала ровным счетом никаких трудов и знаний, зато доход приносила изрядный. Но, как видно, этого все же было мало тщеславному царедворцу. Пользуясь благосклонностью короля, д'Артаньян вел себя, как говорится, не по рангу. Но ему все сходило с рук. При дворе лишь делали вид, что не замечают наглости королевского любимца. Да и кто смел бы возмущаться поступками д'Артаньяна, когда со дня на день ожидали назначения его командиром личной гвардии короля, когда сам Людовик обращался к своему мушкетеру не иначе, как со словами «любимый д'Артаньян».

И наконец, как достойное завершение пути наверх, д'Артаньян становится командиром мушкетеров. Это был едва ли не единственный случай, когда рядовой солдат дослуживался до командира гвардии короля.

А вскоре новая война с испанцами призвала д'Артаньяна на поле боя. Командир мушкетеров отличился в кампании во Фландрии в 1667 г. За участие в сражениях при Турнэ, Дуэ и Лилле ему присвоили только что учрежденное звание бригадного генерала армейской кавалерии. Тогда же он получил титул графа и был назначен губернатором г. Лилля. Как справлялся д'Артаньян с новыми, не привычными для него обязанностями? По свидетельству современников, правил справедливо и честно. Правда, пробыл он в должности губернатора недолго. А затем снова война. И снова д'Артаньян в седле.

Вместе с армией, которой командовал маршал Тюренн, обе роты мушкетеров выступили во Фландрию — началась так называемая голландская война. Летом 1673 года 40-тысячная французская армия осадила крепость Маастрихт на Мозоле. Участвовали в осаде и мушкетеры д'Артаньяна. Не раз его солдаты были в деле, пробивались к самым стенам города, сражались за форты, прикрывающие подходы к нему.

Особенно жарко было вечером 24 июня. Пятьдесят французских орудий осветили небо сильнейшим фейерверком. И сразу же триста гренадеров, две роты мушкетеров и четыре батальона регулярных войск ринулись в атаку. Несмотря на плотный огонь, мушкетерам д'Артаньяна удалось ворваться в

траншеи противника и занять один из фортов.

На рассвете командир мушкетеров обходил своих солдат, готовил отряд к контратаке. Но удержаться не удалось, пришлось отступить под ураганным огнем. Восемьдесят человек было убито, полсотни ранено. Этот бой стал последним и для командира мушкетеров.

На поиски его тела отправились несколько добровольцев. Под огнем они поползли к форту, где еще недавно кипело сражение. Д'Артаньян лежал среди груды тел, он был мертв. Пуля от мушкета пробила ему горло. С большим риском удалось отбить его тело и доставить в расположение своих войск.

О смерти «храбрейшего из храбрых» писали газеты, поэты посвящали ему стихи, его оплакивали солдаты и дамы, простолюдины и вельможи. Многие отдали дань уважения отважному воину, но лучше всех, пожалуй, сказал о нем историк Джулианн Сен-Блез: «Д'Артаньян и слава покоятся в одном гробу», — писал он в «Дневнике осады и взятия города Маастрихта» в 1674 году.

Послесловие истории

Если сопоставить события, описанные в книге Куртиля де Сандра, с повествованием А. Дюма, то легко убедиться, какие исторические факты служили писателю «гвоздем» для его «картины». Сама же «картина» была исполнена в свободной манере.

Точное следование исторической правде мало занимало автора приключенческого повествования. Герой А. Дюма принимает участие в событиях, которые происходили в младенческие Дни подлинного д'Артаньяна. Не он, а его родной брат Пьер Де Батц-Кастельмор (личность тоже весьма примечательная) был участником осады Ла Рошели, и не он, а двоюродный брат Пьер де Монтескью позже (в 1709 году) стал маршалом Франции. Под пером автора гасконец превращается в ненавистного врага Ришелье, участвует во множестве необыкновенных приключений, связанных с этой враждой. Чин лейтенанта он получает намного раньше, чем это было на самом деле и т. д.

Но вот парадокс! **Именно со страниц романов А. Дюма**, а вовсе не исторических хроник **встает перед нами живой д'Артаньян**. Именно писательская фантазия, а не хронологическая четкость документа делает легендарного д'Артаньяна и его друзей любимыми героями сегодняшних читателей.

Когда-то молодой К. Маркс, до конца жизни увлекавшийся романами Дюма, писал Ф. Энгельсу про любимого писателя: «Он всегда изучает материал только для следующей главы… С одной стороны, это придает его изложению известную свежесть, ибо то, что он сообщает, для него так же ново, как и для читателя, а с другой стороны, в целом это слабо» — как историческое повествование (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 181). А Ф. Энгельс незадолго до смерти писал, что невозможно «использовать романы Александра Дюма-отца для изучения эпохи „Фронды“», «пользоваться как историческим источником» (Там же, т. 38, с. 366).

И тем не менее история лежала в основе приключенческих романов Дюма…

Потомки д'Артаньяна унаследовали пышные титулы предков, — графы, маркизы, бароны и даже герцоги… Род д'Артаньянов до сих пор существует во Франции. Последний его отпрыск герцог де Монтескью выпустил в 1963 году книгу «Подлинный д'Артаньян». В ней он пытается подправить

историю и доказать, что единственный, кто заслуживает памяти потомков — это не Шарль д'Артаньян — прообраз героя А. Дюма, а Пьер де Монтескью, ставший маршалом и поэтому будто бы самый знаменитый представитель древнего рода.

В наш век появилось немало исследований, посвященных герою трилогии А. Дюма («Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя»). Наиболее обстоятельное из них вышло в свет в 1912 году в парижском издательстве «Кальман-Леви» и принадлежит Шарлю Самарану. Называется эта. книга «Д'Артаньян — капитан королевских мушкетеров. Доподлинная история героя романа».

Образ д'Артаньяна и сегодня привлекает историков и литературоведов. Одни видят в нем типичного представителя своей эпохи, ту драгоценную каплю, в которой сфокусированы наиболее характерные ее черты. Других занимает вопрос о соотношении правды и вымысла в романах А. Дюма, они пытаются проникнуть в психологию творчества знаменитого писателя.

Издавна образ д'Артаньяна привлекает и художников. Поклонники мушкетера не раз встречались со своим любимым героем — они видели его в пьесах и опереттах, балетах и мюзиклах, на экране кино и телевидения. А те из них, кто побывал на его родине, в городе Ош, могли любоваться величественной, отлитой в бронзе фигурой доблестного гасконца. Точнее говоря, они могут видеть воздвигнутую в 1931 году статую, в которой слились черты отважного мушкетера и литературного героя, пережившего в веках свой прототип.

6. Граф Монте-Кристо и аббат Фариа

Как родилась у А. Дюма идея назвать книгу «Граф Монте-Кристо»?

В 1842 году Дюма путешествует по Средиземному морю. Во время пребывания во Флоренции Жером Бонапарт (последний из четырех братьев Наполеона) поручил писателю сопровождать своего восемнадцатилетнего сына — принца Наполеона — на остров Эльбу, где в свое время нашел себе пристанище покойный император.

Путешественники обошли остров, осмотрели реликвии, связанные с пребыванием здесь великого француза. Потом совершили поездку на соседний островок в надежде поохотиться на куропаток и кроликов. Но охота не удалась. Тогда проводник, местный житель, указал на утес, вздымающийся в морской дали:

— Вот где великолепная охота. Дикие козы — целые стада…

— А как называется этот благословенный клочок земли?

— Остров Монте-Кристо.

Название пленило неисправимого романтика Александра Дюма. Он пообещал принцу в память о путешествии назвать «Монте-Кристо» один из романов, который когда-нибудь напишет.

«Монте-Кристо… Граф Монте-Кристо…» — повторял про себя писатель, подыскивая благозвучное словосочетание…

Необработанная жемчужина

«Записки. Из архивов парижской полиции», — так назывался шеститомный труд Жака Пеше, служившего в парижской префектуре полиции, изданный в 1838 году. Одна из глав пятого тома — «Алмаз отмщения» поразила Дюма. История эта, писал он позже, походила на раковину, внутри которой скрывается жемчужина, бесформенная, необработанная, нуждающаяся в ювелире.

В 1807 году жил в Париже молодой сапожник Франсуа Пико. У него появилась невеста Маргарет Виго, столь же красивая, как и богатая. За ней было приданое — в сто тысяч франков золотом.

Однажды во время карнавала разодетый Пико заглянул в кабачок к приятелю Матье Лупиану. Здесь, подвыпив, он рассказал о своей удаче. Кабатчик оказался человеком завистливым, да к тому же тайно влюбленным в красавицу Маргарет. Он решил помешать женитьбе своего друга и, когда тот ушел, предложил свидетелям рассказа Пико (а их было трое, в том числе и Антуан Аллю, — имя, которое следует запомнить) подшутить над счастливым женихом. Как это сделать? Очень просто: написать полицейскому комиссару, что Франсуа Пико — английский агент и состоит в заговоре, цель которого вернуть на престол представителя свергнутой династии Бурбонов.

Шутка, рожденная разгоряченным воображением карнавальных гуляк, обернулась трагедией. За три дня до свадьбы Пико арестовали. Причем усердный комиссар, не произведя следствия, поспешил дать делу ход и сообщил о заговорщике министру полиции. Надо ли удивляться, что участь бедного Пико была решена. Вместо свадьбы его запрятали в крепость Фенестрель в Пьемонте.

Родители исчезнувшего Пико, его невеста были в отчаянии. Но все их попытки узнать, что стало с юношей не дали никаких результатов. Пико бесследно исчез.

Минуло семь долгих лет. За это время Наполеон был низложен. На троне вновь восседают Бурбоны. Для Пико это означает свободу. Измученного годами заключения, его выпускают на волю. Трудно было узнать в этом до времени состарившемся человеке некогда красивого парня. Темница наложила неизгладимый отпечаток на его внешний вид, сделала его мрачным, суровым, но одновременно и богатым.

В крепости один итальянский священник, такой же арестант, как и Пико, завещал ему перед смертью все свое состояние: восемь миллионов франков, вложенных в движимое имущество,

два миллиона в драгоценностях и на три миллиона золота. Сокровища эти были спрятаны в потайном месте, которое аббат открыл Пико.

Первым делом, выйдя из тюрьмы, Пико завладевает богатством. А затем посвящает себя целиком выполнению задуманного плана: найти Маргарет и отомстить всем тем, кто был виновен в его аресте и помешал свадьбе.

Под именем Жозефа Люше он объявляется в квартале, где некогда жил. Узнает, что прекрасная Маргарет два года его оплакивала, а потом вышла замуж за кабатчика Лупиана — главного, как ему сообщают, виновника несчастья Франсуа Пико. За это время его бывшая невеста стала матерью двоих детей, а ее муж превратился в богатого владельца одного из самых шикарных парижских ресторанов. Кто же остальные виновники карнавальной шутки? Ему советуют обратиться к Антуану Аллю, проживающему в Ниме.

Переодевшись монахом, Пико появляется в Ниме и предстает перед владельцем жалкого трактира Аллю. Выдав себя за аббата Балдини — священника из крепости Фенестрель, он заявляет, что явился, чтобы выполнить последнюю волю несчастного Франсуа Пико — выяснить, кто же был повинен в аресте сапожника. При этих словах лжеаббат извлек на свет чудесный бриллиант. «Согласно воле Пико, — заявил он изумленному Аллю, — этот алмаз будет принадлежать вам, если назовете имена злодеев». Не раздумывая, трактирщик отвечает: «донес на него Лупиан. Ему помогали бакалейщик Шамбар и шляпочник Солари».

Пико получил подтверждение виновности Лупиана и имена остальных врагов, вернулся в Париж и под именем Проспер нанялся официантом в ресторан Лупиана. Вскоре здесь он увидел не только бывшую невесту, но и обоих сообщников — Шамбара и Солари.

Однажды вечером Шамбар не появился, как обычно, на партии домино, которую по обыкновению играл с Лупианом. Труп бакалейщика с кинжалом в груди нашли на мосту Искусств. На рукоятке было вырезано «номер первый».

С тех пор несчастья так и посыпались на голову Лупиана. Его дочь от первого брака, шестнадцатилетнюю красавицу Терезу, совратил некий маркиз Корлано, обладатель солидного состояния. Чтобы предотвратить скандал, решили устроить немедленную свадьбу. Сделать это было тем более легко, что соблазнитель не возражал. Скандал разразился во время свадебного ужина. Новобрачный не явился к столу. Более того, он вообще исчез. А вскоре из Испании пришло письмо, из которого явствовало, что Корлано не маркиз, а беглый каторжник.

Родители невесты вне себя от ужаса. Супругу Лупиана пришлось отправить в деревню — нервы ее оказались совсем расстроенными.

К старым бедам прибавляются новые. Дотла сгорают дом и ресторан Лупиана. Что это — несчастный случай или загадочный поджог? Лупиан разорен. Но он и опозорен. Его шалопай сын втянут в компанию бездельников и попадается в краже: двадцать лет каторги — таков приговор суда.

Неожиданно в мучениях умирает Солари. К его гробу кто-то прикрепляет записку со словами: «Номер второй».

Катастрофа следует за катастрофой. В начале 1820 года от отчаяния умирает Маргарет. В этот самый момент официант Проспер нагло предлагает купить у Лупиана его дочь Терезу. Гордая красавица становится любовницей слуги.

Лупиану начинает казаться, что он сходит с ума. Однажды вечером в саду перед ним вырастает фигура в черной маске таинственный незнакомец произносит: «Я Франсуа Пико, которого ты, Лупиан, засадил в 1807 году за решетку и у которого похитил невесту. Я убил Шамбара и Солари, обесчестил твою дочь и опозорил сына, поджег твой дом и довел тем самым до могилы твою жену. Теперь настал твой черед — ты „номер третий“». Лупиан падает, пронзенный кинжалом.

Месть свершилась. Пико остается бежать. Но кто-то хватает его, связывает и уносит. Придя в себя, он видит перед собой Антуана Аллю.

Нимский трактирщик давно догадался, что под личиной монаха к нему явился Пико. Тогда он тайно приехал в Париж и все это время был как бы молчаливым соучастником мести сапожника. Теперь за свое молчание он потребовал половину состояния Пико. К удивлению Аллю, тот наотрез отказался. Ни побои, ни угрозы — ничто не могло сломить упорство бывшего, узника Фенестреля. В припадке бешенства Аллю закалывает его. Убийца бежит в Англию. А еще через несколько лет Аллю, чувствуя приближение смерти, призывает католического священника. Он признается ему в совершенных злодеяниях и просит свою исповедь сделать достоянием французской полиции.

Так документ попадает в архивы парижской полиции, где с ним и знакомится Жак Пеше.

Реальность обрастает вымыслом

По существу, Дюма надлежит сделать художественное произведение из уголовной хроники.

Под его пером сапожник Пико из кровожадного убийцы превратился в неумолимого мстителя. Отмщение — это не только месть за себя и свои несчастья, но и за всех обиженных, оклеветанных и преследуемых. А что такое клевета и преследования Дюма хорошо знал сам. Он ненавидел газетных пачкунов и кредиторов. И очень хотел свести счеты хотя бы на бумажных страницах со всеми выскочками и карьеристами, с жуликами, ставшими банкирами, бродягами, превратившимися в сановников, мошенниками, разбогатевшими в колониальных экспедициях.

Месть героя Дюма, может быть, и жестока, но справедлива. Враги будут наказаны за вероломство и предательство. По сравнению с историей Пико интрига станет намного сложнее, появятся новые персонажи и эпизоды. Словом, как всегда, у Дюма грубая ткань подлинного факта будет расшита ярким цветным узором вымысла. Он решает сделать своего героя моряком и поселить в чудесном городе Марселе.

В этом же городе будет замыслен и осуществлен коварный план Данглара, Фернана и Вильфора; здесь же, в каземате крепости, расположенной на подступах к марсельской гавани, будет заточен Эдмон Дантес; отсюда он совершит дерзкий побег, но и вернется впоследствии, чтобы вознаградить семью старика Морреля.

Впервые Дюма приехал в Марсель в ту пору, когда уже слыл знаменитостью, но славой своей был покамест обязан исключительно театру. Было это в 1834 году. С тех пор в течение четверти века ежегодно он посещал этот благословенный город, столь милый его сердцу, так импонирующий его восторженности, увлеченности, мечтам.

Он частенько заглядывал в «Резерв» — ресторан, где состоится праздничный свадебный обед в честь героев его романа — Эдмона Дантеса и Мерседес. Бродил он и по Мельянским аллеям, где потом много лет подряд будут показывать «дом Дантеса»; не раз посещал поселок Каталаны, где некогда в хижине ютилась Мерседес.

Дюма появлялся в местах народных гуляний, осматривал исторические памятники. Подолгу простаивал в порту, вглядываясь вдаль, туда, где между небом и морем высились отвесные стены замка Иф.

Бойкие лодочники наперебой предлагали приезжему господину посетить эту таинственную крепость, где некогда томились многие преступники: Железная маска, маркиз де Сад, Мирабо, аббат Фариа.

— Аббат Фариа? — заинтересовался Дюма. За что же этот несчастный угодил в каменный мешок?

— Это нам неизвестно. А то, что в камере на галерее замка Иф лет тридцать назад содержался один аббат — это точно, — услышал Дюма в ответ.

Заинтересовавшись услышанным, Дюма узнал следующие факты.

Человек, известный во Франции как аббат Фариа, родился в Индии близ Гоа в 1756 году. Он был сыном Каэтано Виторино де Фариа и Розы Марии де Соуза. По отцовской линии происходил из рода индийского брамина Анту Синай, который в конце XVI века перешел в христианство.

Когда мальчику, которого нарекли именем Хосе Кустодио Фариа, исполнилось пятнадцать лет, отец отправился с ним в Лиссабон, а затем в Рим, где получил звание доктора, а сына пристроил в ватиканский Коллеж Пропаганды. В 1780 году Хосе закончил курс теологии.

В Лиссабоне, куда он не преминул вернуться, ему представилась блестящая возможность для карьеры. Его назначили проповедником в королевскую церковь. Произошло это не без помощи отца, который к тому времени стал исповедником королевы.

Но вот наступает 1788 год. И неожиданно отец и сын Фариа спешно покидают Португалию. Что побудило их к бегству?

Оба они оказались участниками заговора, возникшего в Гоа в 1787 году.

Заговорщики — семнадцать священников — организовали в тот год восстание против португальских иезуитов, имевших огромную власть в Гоа. По существу же это было выступление против гнета колонизаторов. Восставшие намеревались провозгласить Гоа республикой, которая управлялась бы народным советом. Однако восстание было подавлено, а его участники казнены. Такая же участь ожидала и обоих Фариа. Вот почему они не стали медлить, когда получили сведения о провале планов заговорщиков, им удалось спастись бегством. Свои стопы отец и сын направили в Париж.

Здесь молодой Хосе встретил революционный 1789 год. Его назначают командиром батальона санкюлотов. А несколько лет спустя пришлось покинуть столицу: ему не простили революционное прошлое. Тогда-то и оказался он на юге, в

Марселе где, как уверял позже, стал членом Медицинского общества! Впрочем подтверждений этому нет. Зато точно известно, что Фариа был профессором Марсельской академии, преподавал в местном лицее и даже поддержал однажды бунт учащихся. После чего его перевели в Ним на должность помощника преподавателя. А отсюда, арестованный наполеоновской полицией, он был доставлен в карете с железными решетками снова в Марсель, где и состоялся суд. Его обвинили в том, что он будто бы является последователем организатора движения «равных» Гракха Бабефа, готовившего восстание бедноты. Столь опасного преступника — самое надежное — поместить в замок Иф. Сюда, в мрачные казематы, и угодил Хосе Фариа.

Сколько лет томился он в крепости, точно неизвестно. Освободили его после того, как был низвергнут Наполеон. Хосе получил возможность вернуться в Париж. И вот он уже в столице, где на улице Клиши в доме номер 49 открывается так называемый зал магнетизма.

Фариа становится последователем австрийского врача Месмера, открывшего особое состояние человеческого организма и названное им искусственным сомнамбулизмом. Аббат, вспомнив о своих предках браминах, пытался использовать гипноз как средство лечения.

В доме на улице Клиши отбоя не было от посетителей, в основном женского пола. Одних приводила сюда надежда на исцеление от недуга; других — возможность себя показать и мир посмотреть; третьих — просто любопытство. Странная личность аббата, высокий рост и бронзовая кожа, репутация чудодея и врачевателя немало способствовали успеху его предприятия. Очень скоро опыты убедили его в том, что нет ничего сверхъестественного в так называемом сомнамбулизме. Он не прибегал к «магнетическим пассам», не пользовался ни прикосновениями, ни взглядом. Словно маг из восточной сказки, аббат вызывал «магнетические явления» простым словом «спите!». Произносил он его повелительным тоном, предлагая пациенту закрыть глаза и сосредоточиться на сне. Свои опыты он сопровождал разъяснениями. «Не в магнетизере тайна магнетического состояния, а в магнетизируемом — в его воображении, — настаивал он. — Верь и надейся, если хочешь подвергнуться внушению». За четверть века до английского врача Джеймса Бреда он пытался проникнуть в природу гипнотических состояний. Для него не было ничего сверхъестественного в гипнотизме. Тайна его — внушение. Никаких особых сил, свойственных гипнотизерам, не существует. Фариа впервые

заговорил об одинаковой природе сна сомнамбулического и обыкновенного.

Об опытах «бронзового аббата» говорила вся столица. Популярность потомка браминов росла день ото дня. Публику привлекали, однако, не теоретические изложения идей аббата, а сами гипнотические сеансы.

Церковники с яростью и хулой обрушились на экспериментатора. Хотя Фариа был человеком верующим, он, не колеблясь, встретил нападки теологов, утверждавших, что магнетизм — результат действия флюидов адского происхождения. И все же церковники победили. Их проклятия и наветы заставили клиентов и любопытных забыть дорогу в дом на улице Клиши. Маг и волшебник был вскоре всеми покинут. Без пенсии, сраженный превратностями судьбы, оставленный теми, кто еще недавно ему поклонялся, он оказался в нищете. Чтобы не умереть с голоду, пришлось принять скромный приход. Тогда-то он и написал свою книгу «О причине ясного сна, или исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии». Умер он в нищете в 1819 году.

Странная, таинственная личность… Именно такой персонаж и требовался для романа Дюма. Вывести человека хорошо известного в столице, но пользующегося, как, скажем, граф Сен-Жермен или Калиостро, репутацией кудесника, о котором весь Париж гадал: кто же он на самом деле — индийский маг, ловкий шарлатан или талантливый ученый?

Реальный Фариа, португальский прелат превратился на страницах романа Дюма в итальянского аббата, человека широчайшей образованности, ученого и изобретателя, книжника и полиглота, борца за объединение Италии. Герой Дюма, как и аббат из полицейской хроники, — обладатель несметных сокровищ. Но если Пико, наследуя богатство, погибает, так и не раскрыв тайны клада, то Фариа, умирая в камере крепости Иф, завещает свои сокровища юному другу по заключению Эдмону Дантесу. Богатство становится орудием его мести.

…В Панаджи — нынешней столице свободного Гоа, а в прошлом португальской колонии в Индии, воздвигнут странный памятник. Он установлен перед дворцом, построенным в XV веке султаном Биджапури Адил-шахом, разрушенным во время боев с португальцами в начале XVI века и восстановленным в 1615 году. Ныне здесь размещаются правительство и законодательное собрание Гоа. На постаменте две мрачные загадочные фигуры: священник властным жестом руки как бы подчиняет себе склонившуюся перед ним женщину.

Кому воздвигнут этот монумент? Кого изображают

скульптуры?

Любезные панаджийцы с готовностью поясняют, что это памятник аббату Фариа, священнику и ученому из Гоа, который считается основателем учения о гипнозе.

И все же реальный аббат Фариа мало кому известен. Вымышленный Фариа живет на страницах книги — один из удивительнейших образов в творчестве Дюма.

Вторая жизнь героев романа

… До наших дней сохранился замок Монте-Кристо, как писали современники, — одно из самых прелестных безумств, которые когда-либо делал Дюма. На участке, поросшем лесом, Дюма приказал возвести замок, поражающий смещением архитектурных стилей, разбить парк на английский манер с романтическими лужайками, водопадами, подъемными мостами.

Давно осыпалась позолота с вензеля «А.Д» на чугунной решетке ворот «Монте-Кристо». Возможно, со временем исчезнет и сам замок. Но ежегодно безвестные почитатели Александра Дюма приезжают и будут приезжать сюда со всех концов света.

В Марселе одна из улиц в квартале, раскинувшемся по склону холма, который высится над главной улицей Канебьер, носит имя графа Монте-Кристо, другая — аббата Фариа, третья Эдмона Дантеса. Не так давно одной из магистралей на окраине было присвоено имя Александра Дюма. Так Марсель отплатил за любовь к нему писателя. Это единственный город, четырехкратно почтивший память автора «Графа Монте-Кристо», своевольно соединив в обозначении улиц — имя писателя с именами его героев.

Многие марсельцы (да только ли они!) и по сей день искренно верят, что все, о чем написал Дюма в своем романе, случилось на самом деле. Этой верой ловко пользуются все те же лодочники и расторопные гиды, предлагающие посетить замок Иф. Слава этой «южной Бастилии» не померкла и по сей день. Однако сегодня замок Иф — безобидное место. Не видно больше часовых на стенах — вот уже сорок лет крепость охраняется лишь как памятник старины. Повсюду — на площадке внутри форта, в казематах — толпы туристов. С любопытством они останавливаются перед табличками на дверях камер, гласящих, что здесь содержались некие Эдмон Дантес — в будущем граф Монте-Кристо — и обладатель несметных сокровищ аббат Фариа. Показывают даже лаз, который они якобы прорыли из камеры в камеру. Так писательский вымысел, согласно которому несчастный юноша оказался похороненным в этой страшной тюрьме на многие годы, в наши дни обрел жизненное подтверждение.

7. Дядя Том

Создание книги о рабстве

В 1850 году Конгресс США принял закон о беглых рабах. Отныне любой негр, в том числе и тот, что проживал в так называемых свободных штатах Севера, мог быть возвращен прежнему хозяину. Для этого тому стоило лишь заявить, что негр принадлежал когда-то ему. Закон о «беглых невольниках» лишал рабов последней надежды. Теперь, чтобы избежать ада и обрести волю мало было пересечь черту, отделяющую южные и северные штаты. Приходилось с великим риском проходить всю территорию страны. Спасение можно было найти лишь на другом берегу озера Эри, где начиналась «английская земля» — Канада. Ничего не было желаннее для несчастного, истерзанного, запуганного раба, чем добраться сюда Но сделать это было ничуть не легче, чем попасть в рай. Очень мало кому это удавалось. Плантаторы изощрялись в методах поимки. Охотники за живым товаром рыскали по стране, неся слезы, горе, отчаяние. Газеты то и дело писали о «подвигах» собак-негроловов. Преследователи имели право убить беглого раба. В лучшем случае его ждала суровая кара: клеймили щеки, выбивали передние зубы, надевали на шею колючий стальной ошейник. Негритянские семьи разъединяли, как лошадей одной упряжки, и продавали — мужа отрывали от жены, детей от матери.

В ответ на бесчеловечный закон сторонники отмены рабства усилили свою борьбу. Однако все их попытки оставались тщетными. Ни брошюры, ни памфлеты, ни газетные статьи не смогли убедить общество в необходимости упразднить рабство этот национальный позор.

— Теперь надо обращаться не к разуму, а к сердцу, к совести людей. Следует разбудить американцев, безмятежно почивающих на «хлопковых подушках». Надо нарисовать такую картину рабства, чтобы к ней не остался равнодушным самый черствый человек, — слова эти принадлежат Гарриет Бичер-Стоу.

Нужна книга! Книга о рабстве! Книга в защиту угнетенных! Гарриет докажет в ней, что негр — человек, а не вещь, которой можно распоряжаться как хочешь. Ее книга должна пробудить гнев, вызвать протест, заставить задуматься равнодушных. Пусть при чтении этой книги в ушах раздается свист рабовладельческого бича, стоны и крики измученных негров, и пусть эти страшные крики отзовутся в каждом доме, в каждом честном сердце.

На ее столе появляются справочники, биографии бывших невольников, записи очевидцев бесчеловечного отношения к

неграм, письма знакомых, в которых те по ее просьбе делились с ней впечатлениями о том, что довелось видеть на юге.

* * *

Вместе с подругой миссис Даттон она спустилась в этот ад на юге. Тогда это называлось — совершить путешествие «вниз по реке». Достаточно было раз увидеть, как живут невольники в поместье, чтобы представить картину в целом. Недостающее восполняли отчеты о процессах над плантаторами, встречи с беглыми рабами, их рассказы. Все, что Гарриет увидела во время поездки, она описала в романе. И миссис Даттон, читая впоследствии книгу, узнавала сцену за сценой, которые за много лет до этого им приходилось наблюдать во время путешествия по югу. «Теперь только, — писала Даттон, — догадываешься, где автор черпал материал для своего знаменитого произведения».

Когда закончилась публикация книги в журнале, с апреля 1852 года по декабрь вышло 12 изданий. А всего за год было отпечатано триста тысяч экземпляров. Цифра неслыханная для тогдашней Америки. «Мы не помним, чтобы какое-нибудь сочинение американского писателя возбуждало такой всеобщий глубокий интерес», — писали газеты. Почти тотчас же роман появился в Англии, где спустя некоторое время уже полтора миллиона экземпляров шествовали по стране с неменьшим триумфом. То же повторилось во Франции, Германии. И вскоре историю о бедном Томе читал уже весь свет.

Однажды среди свежей почты Гарриет увидела письмо от Лонгфелло. Великий поэт писал ей, что ее книга — свидетельство величайшего нравственного торжества, о каком до сих пор не знала история литературы. К его голосу присоединялся голос Чарльза Диккенса. Ни одной книге на свете, говорил он, не удалось так возбудить некоторые горячие головы, как это сделал ее роман. По словам Жорж Занд, «Хижина дяди Тома» открыла новую эру в истории американской литературы и должна быть названа среди тех произведений, которые имели самое большое влияние на цивилизацию.

Но нигде, пожалуй, ее книга не нашла такого горячего отклика, как в России. «Читали ли вы „Хижину дяди Тома“? Бога ради, читайте, я упиваюсь им», — восклицал Герцен. И добавлял, что это «громадное литературное явление».

Чернышевский и Некрасов, Толстой и Тургенев — все передовое русское общество увидело в романе Бичер-Стоу

обличение и русского крепостничества, при котором положение «наших домашних негров» было ничуть не лучше, чем американских. Неудивительно, что книга Бичер-Стоу была вскоре запрещена царским правительством.

Однако вместе с приятными известиями все чаще почтальон доставляет письма без имени отправителя. Это были анонимные послания. Большинство из них приходило из южных штатов. Казалось, весь рабовладельческий юг готов ринуться к старому двухэтажному особняку и учинить расправу над его хозяйкой. Во всяком случае в письмах подобных угроз произнесено было немало. Плантаторы грозили Гарриет самосудом. Вскрыв как-то посылку, полученную с юга, она в ужасе отпрянула: внутри оказалось ухо негра. Началась травля, запугивание, угрозы.

Поистине, ее книга стала красной тряпкой для рассвирепевших расистов. «Одна лишь вспышка сердца и ума Бичер-Стоу, — писал Ф. Дуглас, — зажгла миллионы огней перед воинством поборников рабства, построенным в боевой готовности, и эти огни не смогли потушить смешанные с кровью воды Миссисипи». И вот уже со всех сторон раздаются голоса: все в ее книге ложь, выдумка, преувеличение, игра авторского воображения. Это «клевета, карикатура на положение дел на юге, оскорбительный шарж». Голоса эти становятся все громче, их подхватывает пресса рабовладельческих штатов.

Наконец, появляются книги — более дюжины, — авторы которых стремятся изобразить картину жизни на юге идиллическими красками. Товар этот размножается все больше и получает особое название «антитомизма». Среди этих созданных на «подлинном» материале книжонок: «Хижина дяди Тома, как она есть, или случаи из действительной жизни среди бедных»; «Жизнь на юге, добавление к „Хижине дяди Тома“»; наконец, объявилась еще одна хижина — «Хижина тетушки Филлис, или подлинная жизнь южан».

Факты обличают

Что должна была в этой обстановке предпринять Гарриет, чтобы отстоять от клеветы свою книгу, а значит, защитить и себя — автора. Ей оставалось одно: доказать, что все, о чем она рассказала в своем романе — правда. Но каким образом это сделать? Написать еще одну книгу? Едва ли новый роман из жизни негров сможет опровергнуть клевету. Нет, — надо создать совсем иное. Не художественное произведение, а книгу-отчет, книгу-факт. Эта книга как бы введет читателя в писательскую лабораторию, покажет, какой документальный материал послужил основой для романа. Подлинные факты, собранные ею в этой книге, — только факты! — достоверные происшествия, газетная хроника, описание личных впечатлений, свидетельства негров — только этим можно заставить замолчать своих врагов. Эта книга, состоящая из двух томов, вышла под названием «Ключ к хижине дяди Тома».

Ее спрашивают, где она видела такое чудовище, как плантатор Легри?

Раскройте свод законов хотя бы штата Луизианы, отвечает писательница. И вы прочтете в нем следующие слова: «Раб — тот, кто находится во власти хозяина, принадлежит ему. Хозяин может продать раба, распоряжаться им по своему усмотрению, а также продуктами его труда и его трудом. Раб не имеет права передвижения, не имеет права приобретать знания, он должен лишь принадлежать хозяину». Немногим отличается и закон штата Южная Каролина: «Раб принадлежит хозяину со всеми своими мыслями, намерениями и целями». То же записано и в законах Джорджии, Северной Каролины: «Раб обречен и его потомство также обречено жить без знаний».

Вот что такое рабство, вот что значит быть рабом! Вот откуда берутся Саймоны Легри — закон дает им силу, которой не может быть у человека, рожденного женщиной.

Об одном из таких плантаторов ей рассказал как-то брат Эдгар. Рабовладелец, с которым он встретился в Нью-Орлеане, заставил его пощупать огромный, как кузнечный молот, кулак. «А почему у меня такой кулак?» — И сам же ответил: «- Потому, что я бью им негров. С одного удара замертво валятся все как один». Теперь она просит брата в письме вновь сообщить ей все, что говорил ему этот торговец неграми: «Пусть публика сравнит его слова с тем, что у меня будет напечатано».

Кто теперь станет утверждать, что смерть старого Тома, забитого насмерть Саймоном Легри, — выдумка, небылица, ложь.

Многие, очень многие сообщают ей о том, что знают точно такого же дядюшку Тома. «Читая „Хижину дяди Тома“, — пишет один из ее корреспондентов, — я подумал, что автор, работая над романом, имел перед своими глазами раба, которого я знал несколько лет назад в штате Миссисипи, звали его дядя Джекоб. Это был очень уважаемый негр, мастер на все руки, прекрасный работник». О другом, похожем на ее Тома честном и правдивом невольнике Даниеле, проданном без жены и детей на юг, ей писали из городка Мейн.

Список возможных прототипов дяди Тома можно было бы продолжить. Однако главным прототипом своего героя писательница считала вполне определенного человека.

Страницы его автобиографии

Однажды ей в руки попала автобиография негра по имени Джошуа Хенсон. Это произошло тогда, когда она уже работала над «Хижиной дяди Тома». Позже Гарриет встретилась с этим человеком и они стали большими друзьями. Подолгу рассказывал он ей о нелегкой жизни, дополняя живым рассказом то, о чем написал в автобиографии.

Первые воспоминания Джошуа связаны были с тем, как его отца жестоко избили за то, что он осмелился защищать свою жену от посягательств белого надсмотрщика. На всю жизнь запомнил мальчик эту сцену и изуродованного (ему отрезали правое ухо), избитого в кровь отца, которого скоро продали без семьи «вниз по реке». Потом пришла очередь матери. Она умоляла, чтобы ее купили вместе с сыном, последним ее сыном. Удар тростью был ответом на ее мольбу.

Сын раба, Джошуа был рабом. Служил хозяину, был честен и предан. Доверяли ему настолько, что не задумываясь поручали поездки в другие штаты, в том числе в Огайо. Были уверены — он не сбежит. Хотя достаточно было негру очутиться на земле этого штата, как он автоматически становился свободным. Не раз, говорил Джошуа, во время посещения Огайо у него возникала мысль остаться здесь или бежать дальше на север. Но честность и исполнительность, присущие ему, удерживали его от этого шага. Пораженный такой преданностью, хозяин однажды пообещал отпустить раба на свободу. Впрочем, очень скоро он раздумал — жаль было даром терять образцового слугу. Мало того, отказав в вольной, он решил продать Джошуа.

Вместе с сыном хозяина его отправили на лодке в Нью-Орлеан на рынок сбыть скот и продукты. А заодно хозяйский сынок должен был продать и лучшего невольника. В душе Джошуа все перевернулось от негодования и возмущения. Но воле господина по привычке перечить не стал.

Рынок в Нью-Орлеане славился на весь юг. Здесь торговля живым товаром была поставлена широко. Негров продавали, что называется, оптом и в розницу, партиями и в одиночку. Казалось, работорговцы сожалеют лишь о том, что не могут разделить человека надвое и продать одну часть туловища одному покупателю, а другую — другому. Шум, плач детей, которых отрывали от матерей, вопли женщин, звон цепей, крики торговцев, свист бича, хохот — наполняли рыночную площадь. Джошуа вглядывался в лица невольников. По их виду можно было догадаться о тяжелой доле, о непосильной работе на плантациях.

Такая же участь ожидает и его. До сих пор худо-бедно он жил и трудился в поместье. Теперь его продадут на плантацию, а какова там жизнь — он знает. Тогда-то впервые по-настоящему и подумал Джошуа о побеге.

Как на грех в этот момент сына хозяина свалила лихорадка. Он умолял Джошуа не оставлять его и отвезти обратно к отцу. Негр стал перед выбором: остаться верным, несмотря на подлость хозяина, или осуществить свой план. И снова привычка к покорности взяла верх. Негр не бросил больного и исполнил просьбу. Всего лишь простой похвалы был удостоен невольник за то, что спас жизнь хозяйскому сыну.

Джошуа снова оказался в поместье. Но доверять хозяину уже не мог, а главное не хотел больше терпеть несправедливость. Во что бы то ни стало он решил совершить задуманное. Ночью вместе с женой и двумя детьми он убежал.

О том, с какими трудностями ему удалось добраться до города Сандаски, он рассказывал неохотно. Видно, столько пережил за это время — не хотелось вспоминать. Отсюда через озеро рукой подать до противоположного берега — берега свободы. И он обрел ее, когда ступил на землю маленького канадского городка Амхерстберг. Опустившись на колени, Джошуа целовал эту землю, хватал ее пригоршнями и прижимал к губам. Вскакивал, плясал, плакал, смеялся. Люди думали, что негр лишился рассудка. «Нет, нет, — кричал он им, — я не сумасшедший, просто перед вами свободный человек».

Путь борьбы

Чем больше фактов набиралось у писательницы, тем яснее Гарриет сознавала себя общественной обвинительницей рабства на всемирном суде.

Бичер-Стоу надеялась, что со временем в Америке не останется и следа бесчеловечного отношения белых к племенам другого цвета. Но сегодняшние расисты не намерены отказываться от своих вековых «привилегий». Они хотят и сегодня видеть в негре раба или по крайней мере покорного слугу. Такому негру — идеалу современных рабовладельцев — они воздвигли даже памятник. Он установлен в городе Нечиточесе штата Луизиана. Статуя негру! За что же удостоен этой чести потомок невольников? За безропотность и смирение, за то, что, склонившись в подобострастном поклоне, почтительно сняв шляпу, он приветствует своих хозяев. За это они соорудили памятник «Хорошему негру» (в городе его называют «Дядя Джек»). Такими расисты хотят видеть всех негров — рабами, услужливо склонившимися перед белыми господами.

Смирение — дорога к рабству. Это хорошо знают негры Америки. И все больше становится тех, кто понимает, что дядя Том — образ, созданный воображением Бичер-Стоу, — это герой без будущего, окончивший жизнь на страницах романа. Иное дело другие ее герои, те, что хотели бороться и победили. Они продолжают жить и ведут за собой других, тех, за кем будущее. К. Маркс говорил, что произведения Бичер-Стоу безошибочно выявляют истинных и мнимых «противников рабства», разоблачают «плохо скрытые симпатии» по отношению к расистам и расизму во всех его формах, заставляют «высказаться и изложить перед публикой официальные причины…враждебного тона» по отношению к развитию демократии, социальному и национальному равенству, силам гуманизма и прогресса (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 312).

8. Жан Вальжан

Каторжник в гостях у монсеньера де Миоллиса

Звали его Пьер Морен. В 1801 году его приговорили на пять лет к галерам за кражу куска хлеба. В первые дни октября 1806 года он появился в Дине. Отовсюду гонимый, несчастный постучал в дверь монсеньера де Миоллиса. Здесь каждый, кто бы ни был, мог рассчитывать на кров и пищу. Так бывший каторжник провел ночь под кровом милосердного епископа города Диня.

Факты — а они абсолютно достоверны, — этим, впрочем, не ограничиваются.

Епископ принял самое горячее участие в судьбе Пьера Морена. Не раздумывая, он написал своему брату, наполеоновскому генералу, письмо, в котором рекомендовал тому Пьера Морена. Генерал выполнил просьбу и сделал бывшего каторжника не то своим денщиком, не то чем-то вроде ординарца. И Пьер Морен оправдал доверие. Он был храбрый солдат, честно исполнял свой долг и пал под наполеоновскими знаменами на поле Ватерлоо.

В отличие от него епископ Миоллис прожил долгую жизнь праведника и умер глубоким стариком в 1859 году.

Гюго узнал об этой истории от каноника Анжелена, пятидесятилетнего священника, в молодые годы служившего секретарем епархии в Дине.

Сведения, полученные от Анжелена, значительно пополнили канву будущего романа. Особенно важным показался писателю рассказ о встрече епископа с каторжником, чему каноник лично был свидетелем.

Встреча с каноником Анжеленом в 1864 году и его рассказ как бы подлили масла в огонь воображения Гюго. Писатель продолжает пополнять досье своих будущих героев, в частности наводит справки о епископе у его родственников, живших в Париже, и даже рисует план Диня, где указаны улицы и площади города. К этому времени, видимо, первоначальный замысел будущей книги стал более определенным, а образ епископа все больше, казалось, походил на своего прототипа. Все так и восприняли выведенный в романе «Отверженные» образ диньского священника, хотя в книге у него другое имя — епископ Мириэль. И когда каноник Анжелен, доживший до дня опубликования «Отверженных», раскрыл роман Гюго и прочел первые главы, он не удержался от восклицания: «Это он, это монсеньер Миоллис. Я узнаю его!» И действительно епископ в

романе во многом походил на его преосвещенство в жизни. Возмущенные родственники покойного, признав это сходство, выступили, однако, с протестом в защиту его памяти: Мириэль в «Отверженных» не соответствует своему историческому прототипу. В негодующем письме, опубликованном в «Юнион», племянник епископа писал о том, что автор злостно исказил характер Миоллиса, извратив к тому же и некоторые факты его жизни.

Особенно возмущало их то, что по воле писателя епископ испрашивает благословения у бывшего члена Конвента, смутьяна и революционера. Такого в жизни монсеньера Миоллиса действительно не происходило. Господа родственники возмущались; мы же с удовольствием отмечаем это разночтение с фактами жизни диньского епископа, так как в этом видим подлинно художнический подход к материалу. Впрочем, и у этого эпизода имелись свои источники. Так, уже в нашем веке была опубликована статья, в которой утверждалось, что в романе вся сцена своеобразного поединка бывшего члена Конвента с епископом Мириэлем восходит к книге писателя П.-С. Балланша «Человек без имени», первое издание которой вышло в 1820 году.

Если обратиться к этой книге, мы увидим, что автор ее рисует нечто, совсем непохожее на сцену из романа Гюго. Скромный, из хорошей семьи человек, исполненный превосходных намерений, став членом Конвента, проголосовал за смерть короля, «заразившись настроениями жаждущей убийства толпы». Охваченный ужасом за свой поступок, он бежит за границу, где живет много лет в одиночестве, раздумьях, угрызениях совести до того дня, когда в 1816 году священник утешает, просвещает его и учит, что все принимаемое за отчаяние, было только искуплением его вины, какого желал господь. И бывший член Конвента бросается пред святым отцом на колени, а спустя некоторое время умирает, примиренный с миром и богом.

Но позвольте, в романе Гюго происходит прямо противоположное: епископ, который приходит отвратить бунтаря от пагубных помыслов, понимает, что перед ним не злодей, а праведник, убеждается в правоте идей революционера и просит у него благословения! Иначе говоря, вместо того, чтобы изобразить пастыря, дающего последнее благословение покаявшемуся грешнику, Гюго придает, возможно, и вычитанному факту абсолютно противоположный смысл… Он не склоняет своего члена Конвента к стопам священника, а заставляет своего епископа преклонить колени пред умирающим членом Конвента. Это не исключает того, что Гюго действительно читал книгу «Человек без имени», знал и ее автора, избранного в 1844 году

членом французской Академии и три года спустя умершего, о чем есть отметка в дневнике Гюго.

Впрочем, исследователи указывают еще один источник этого эпизода в романе. Гюго, говорят они, воспользовался устным рассказом своего коллеги, писателя Ипполита Карно о смерти бывшего члена Конвента по фамилии Сержан-Марсо. Что же, возможно, Гюго знал и об этом эпизоде из жизни. И тем не менее, епископ Мириэль в романе Гюго, в общем-то столь мало похожий на священнослужителей той эпохи, одновременно является и не является монсеньером Миоллисом, как и член Конвента, описанный Балланшом, не есть Сержан-Марсо, о котором поведал Карно. Вспомним слова самого Гюго: «мы не претендуем на то, что портрет, нарисованный нами здесь, правдоподобен, скажем только одно — он правдив». Руководствуясь реальными фактами, писатель создавал своих героев в соответствии со своими идейными замыслами. Для этого и понадобилось изменить и «перевернуть» заимствованный у других авторов эпизод встречи священника с членом Конвента, придав ему иной художественный, нравственный, политический, философский смысл.

Точно так же, в соответствии со своим замыслом, Гюго переосмыслил и историю Пьера Морена.

В какой, однако, мере Гюго воспользовался ставшим ему известным случаем с каторжником? И знал ли писатель о дальнейшей судьбе Пьера Морена? Возможно, что и знал. Однако вся последующая жизнь бывшего преступника, его военные приключения, честно говоря, мало интересовали писателя. Занимал его один-единственный факт — встреча епископа и каторжника, благодеяние хозяина и то, как гость отплатил за это черной неблагодарностью, украв у него столовое серебро.

Впрочем, вот этого уже не было на самом деле. Вся история с кражей серебра и подаренными подсвечниками — вымысел художника. Гюго оставался бы холодным копиистом действительности, если бы не был наделен способностью выдумывать правду.

Гонимые целым обществом

Что касается встречи самого Гюго с диньским епископом, произошло то, что часто случается: хотя он и видел его только раз, но образ мудрого старца с излучающими добро глазами поразил воображение писателя.

С этого момента он начал собирать материал о Шарле-Франсуа-Мельхиоре Бьенвеню де Миоллисе. Тогда же Гюго задумывает роман, который должен был называться «Рукопись епископа»…

Прошли десятилетия…

С тех пор многое изменилось. Из заглавного героя благородный де Миоллис стал действующим лицом эпизода — важного, впечатляющего, существенного в жизни нового центрального героя романа, — но лишь эпизода. Все внимание писателя теперь поглощено судьбой беглого каторжника, имя которого — Жан Трежан.

На подступах к будущему роману были написаны повести «Последний день приговоренного к смерти» и «Клод Ге». Обе основаны на подлинных фактах, лично собранных писателем, хотя первую автор выдал за якобы найденные в тюрьме записки приговоренного к гильотине; сюжет второй взят прямо из газетной хроники. У Гюго сохранилась пожелтевшая вырезка из «Судебной газеты», где говорилось, что рабочий Клод Ге из Труа был казнен за убийство надзирателя тюрьмы, в которую он был заключен за кражу хлеба для своей голодающей семьи. Хлеб и дрова на три дня для женщины и ребенка — и пять лет тюрьмы для мужчины — таков первоначальный жестокий итог правосудия. А дальше — убийство жестокого надзирателя и смерть несчастного, доведенного до отчаяния узника.

«Снова казнь, — записал в те дни Гюго. — Когда же они устанут? Неужели не найдется такого могущественного человека, который разрушил бы гильотину?» Для обслуживания этого тяжелого железного треугольника содержат 80 палачей, получающих жалованье 600 учителей. И дальше Гюго переходит к главному— вопросу об убийстве общества в целом. Почему он украл, почему убил этот человек со светлым умом и чудесным сердцем? Кто же поистине виновен? — спрашивает писатель. И добавляет, что любой отрывок из истории Клода Ге может послужить вступлением к книге, в которой решалась бы великая проблема народа в XIX веке.

Чтобы ускорить рождение этой книги и продлить свой

рабочий день, Гюго готов обедать лишь в десять часов вечера: «Так будет продолжаться два месяца для того, чтобы продвинуть Жана Трежана», — записывает он в дневнике. Но работа растягивается на годы.

В декабре 1860 года на острове Гернси, в изгнании, он продолжает работу над рукописью романа, который теперь называется «Нищета». На чужбине, продолжая трудиться, он, однако, снова сменит название.

Перечитав свой роман строка за строкой, переделав многие главы, написанные ранее, а заодно и имя героя на Жан Вальжан, Гюго зачеркивает старое название и выводит новое: «Отверженные». В самом деле, речь идет не об одном несчастном, волей случая выброшенном из общества и объявленном вне закона, — целый пласт людских судеб, целый класс имеет в виду писатель-революционер, гуманист, патриот своей страны.

Никто не сомневается сегодня в том, что каторжник Пьер Морен, сложивший свою буйную голову под Ватерлоо, послужил прообразом бессмертного Жана Вальжана. Но только ли этот ушедший в безвестность несчастный стал прототипом героя Гюго? А другой заключенный, описанный в одноименной повести — Клод Ге? И его называют в числе прототипов. Он тоже попал в тюрьму только за то, что украл немного хлеба. Кара явно не соответствует проступку: приговорить к каторге безработного, взявшего хлеб с витрины, чтобы накормить голодную семью!

Неужели те, кто творят правосудие, не понимают, что только голод толкает на воровство, а воровство ведет к дальнейшим преступлениям. Может быть, кому-то это покажется парадоксом, но каторжники вербуются самим законом из числа честных тружеников, вынужденных под давлением обстоятельств жизни совершать преступления. Так смирный подрезалыцик деревьев Жан Вальжан, попав за кражу хлеба на галеры, превращается в грозного каторжника под номером 24601.

На упреки критиков в том, что он слишком жестоко обошелся со своим героем, сослав его на галеры, В. Гюго был готов ответить фактами, почерпнутыми из судебных реестров, что нисколько не сгустил красок в судьбе Жана Вальжана.

Гюго давно задумался над этими вопросами. Преступление и наказание, причины, толкающие к роковой черте; «закон, косо смотрящий на голод»; «Красный муравейник» Тулона и Бреста — каторга, где в красных арестантских куртках, в цепях, томятся галерники с клеймом каторжника на плече. Они живут одной надеждой — вырваться из этой страшной «юдоли печали». Но оказавшись на свободе — с волчьим паспортом, всюду гонимые, без работы — они вынуждены совершать новые проступки. И

снова должны надеть красную куртку. Либо, пройдя все ступени падения, взойти на эшафот.

Всю жизнь В. Гюго боролся за отмену смертной казни. Произносил речи, писал статьи, выступал за амнистию, обращался с просьбами о помиловании. В этой долгой борьбе, которую вел писатель, сильнее любых логических доводов, сильнее самых веских доказательств оказались художественные образы, созданные им. Среди них — и осужденный, который пишет свои записки перед казнью, и Клод Ге, и, конечно, Жан Вальжан — «гонимый целым обществом», как скажет о нем А. Герцен.

И снова Видок…

Но чтобы создать эти характеры, надо было их изучать. И Гюго неоднократно посетит ад, где томились парии закона, не раз пересечет ворота Тулонской каторги, побывает в каторжной тюрьме Бреста, в парижских тюрьмах, будет наблюдать, как заковывают партии каторжников, отправляемых на галеры.

Мир отверженных, мир низвергнутых в этот ад нельзя было исключить при описании нравов, при точном воспроизведении состояния тогдашнего общества. Понимая это, Гюго, как и Бальзак, стремился глубже постичь мир. Бальзак создает свой цикл романов о приключениях Вотрена по прозвищу Обмани-смерть; в свою очередь, Эжен Сю рассказывает о героях парижского дна. С газетных страниц не сходит имя Пьера Куаньяра, беглого каторжника, ловко скрывавшего свою личину под мундиром жандармского полковника. Тогда публикуется книга «Воры, физиология их нравов и языка». Автор ее — в прошлом каторжник — Франсуа Видок, ставший шефом уголовной полиции.

Заняв этот пост, бывший преступник объявил решительную войну уголовному миру. И он весьма преуспел в этом. Его успеху способствовали опыт и знания, приобретенные в предыдущие годы, осведомленность о повадках и приемах уголовников.

Только в первые шесть лет ему удалось упрятать за решетку около семнадцати тысяч преступников. Надо ли говорить, сколь богатый опыт приобрел он, подвизаясь в роли «вороловителя», какими фактами располагал!

О своих похождениях Видок позже рассказывал в знаменитых мемуарах, опубликованных в 1828–1829 годах. Четыре тома самых невероятных приключений читались лучше всякого остросюжетного романа.

Не смущала читателей воспоминаний сомнительная нравственная ценность откровений уголовника, затем полицейского осведомителя и наконец — шефа секретной полиции. (Пушкин считал записки Видока, «оскорблением общественного приличия»). Да и «цели, для каких Видок пользовался своими морализованными преступниками», превращая их в шпионив и агентов-провокато ров, и которые пропагандировал в своих мемуарах, Маркс и Энгельс охарактеризовали в свое время как «лицемерие, вероломство, коварство и притворство». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 180).

Зато Для писателей, социологов и историков своего общества эти воспоминания как раз и раскрывали внутренние механизмы

общественной жизни, основанной на лицемерии и вероломстве, коварстве и притворстве. Лучшим подтверждением этих механизмов был сам Видок, плоть от плоти, кровь от крови того общества, которому он служил и которое презирал, которое грабил и охранял, которое обманывал и где восстанавливал справедливость.

Понятно, что записки Видока, при всей их безнравственности и циничности, были незаурядным документом эпохи и, безусловно, служили неиссякаемым источником, откуда его современники-литераторы черпали и сюжеты и образы.

Гюго не только читал мемуары Видока, но, как и многие литераторы того времени, лично был хорошо знаком с ним. Впервые они встретились в конце двадцатых годов, когда Гюго опубликовал повесть «Последний день приговоренного к смерти».

К тому времени некогда всесильный шеф полиции Видок уже находился в отставке и занялся коммерческой деятельностью. Он открыл бумажную фабрику, где вырабатывалась его собственного изобретения бумага с особыми водяными знаками, исключающими подделку векселей. На этой фабрике работали главным образом бывшие каторжники, те, кто не мог найти себе работу, кого избегали, словно прокаженных. Проблема эта занимала Видока и с теоретической точки зрения. Отношению к освобожденным преступникам он посвятил обширный труд, который изучали все юристы того времени.

Эти же вопросы волновали и Гюго. И Видок оказал писателю неоценимую услугу. Вспомним, что и Жан Вальжан, превратившись в господина Мадлена, создает фабрику, где трудятся бывшие каторжники. Правда, мастерские, созданные Жаном Вальжаном, находились около Монрейль-сюр-Мер, а не близ Монрейль-су-Буа, как у Видока. И производили здесь не бумагу, а так называемое черное стекло. Но это не меняет, в сущности, дела. Несомненно, писатель воспользовался этим фактом биографии Видока, как до него сделал это и Бальзак, создавший своего Давида Сешара — изобретателя нового, дешевого состава бумаги.

Становится изобретателем и Жан Вальжан. Но если Видок, помимо бумаги с водяными знаками, изобрел несмываемые чернила и несколько способов производства картона, то Жан Вальжан усовершенствовал производство черного стекла, удешевив метод его изготовления.

Знакомство Гюго и Видока прослеживается на протяжении многих лет, вплоть до того дня, когда писатель вынужден был по политическим причинам удалиться в изгнание. Известно также,

например, что Видок вплоть до своей смерти в 1857 году оказывал кое-какие услуги Гюго в тот период, когда стал главой первого в истории частного сыскного бюро.

Столь долгое и, можно сказать, близкое общение этих двух людей не могло не отразиться на творчестве Гюго.

В «Отверженных» писатель использовал многие реальные факты биографии Видока. Вспомним, например, историю со стариком Фошлеваном, когда на него опрокинулась повозка и Жан Домкрат, как прозвали Жана Вальжана на каторге за его силу, спасает несчастного. Подобный случай произошел с Видоком Запомнил Гюго и рассказ Видока о его побеге с каторги. Монахиню, которая способствовала бегству, писатель назвал сестрой Симплицией, и она в свою очередь помогла скрыться Жану Вальжану. Словом… без Видока не было бы и Жана Вальжана.

Столь же правдоподобен и эпизод, когда Жан второй раз бежит с каторги, спасая при этом жизнь матроса, сорвавшегося с реи. Описание этого случая прислал офицер Ля Ронсьер. На его записках рукой Гюго помечено: «Эти заметки сделаны для меня в первых числах июня 1847 года бароном Ля Ронсьером, ныне капитаном корабля».

И еще один документ. Это «Подлинная рукопись бывшей пансионерки монастыря Сен-Мадлен». Ее автором являлась подруга Гюго Жюльетта Друэ, чуть было не ставшая в молодости монахиней. Сведения о жизни за монастырскими стенами, сообщенные свидетельницей рождения почти каждой страницы романа, обогатили главы о воспитании Козетты в Пти-Пиклюс.

Продолжая перечень подлинных фактов, использованных Гюго, можно было бы сказать, что роман вобрал и многое из личной жизни писателя. Иначе и не могло быть у писателя, про которого Ф. Энгельс в конце жизни сказал: «…Величественная натура, человек широких взглядов, который может примирить со своей личностью даже тех, кто не согласен с мнением, которое он отстаивает» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 237)

9. Гаврош

Барабанщик революции, Жозеф Бара

Имя это В. Гюго нередко вспоминает в своих произведениях— Жозеф Бара…

Всякий раз, когда народ поднимается в бой против тирании, говорил писатель, когда раздается клич «отечество- в опасности»— в эти исторические моменты обыкновенный человек «вырастает в гиганта. Руже де Лиль слагает песнь, ее претворяет в жизнь Бара». В грозный для родины час, когда прусские войска вторглись во Францию, В. Гюго в «Воззвании к французам» призывал с трибуны: «Пусть каждый подросток будет таким, как Бара!»

Юный патриот, чье имя стоит первым в списке реальных предшественников Гавроша, жил и сражался за полвека до того, как герой Гюго поднялся на баррикаду, в те великие дни, когда французы шли в бой за свободу, равенство и братство, штурмовали Бастилию, вели войну со всей аристократической Европой, воевали с собственной контрреволюцией.

В судьбе тринадцатилетнего Жозефа Бара не так уж много общего с Гаврошем. Но писателю часто и не нужно, чтобы точно совпадали факты реального прототипа и его героя. Для Гюго было важно нарисовать героический характер, создать живой литературный персонаж. Жозеф Бара был в этом смысле великолепным «натурщиком», с которого было очень удобно писать образ юного героя. Его подвиг вдохновил многих художников. Об этом маленьком храбреце было сложено столько песен и написано столько стихов, недаром его изображали на своих работах художники и скульпторы: Поэты Т. Руссо, М.-Ж. Шенье, О. Барбье посвящали ему свои стихи, художник Жан-Жозе Веертс, скульпторы Давид Д'Анжер, Альберт Лефевр создали ему памятники, и даже такой гений живописи, как Луи Давид из трех картин, посвященных деятелям Великой французской революции, «мученикам свободы» — Лепелетье и Марату, одну— третью — посвятил Жозефу Бара. Правда, из-за особых обстоятельств, о которых еще пойдет речь, полотно это, ныне хранящееся в музее города Авиньона, художнику закончить не удалось.

…Год 1793-й, как сказал о нем поэт, «венчанный лаврами и кровью, страшный год!», начался тревожным известием. За день до казни Людовика XVI бывший офицер его бывшей охраны убивает революционера, члена Конвента — Мишеля Лепелетье.

Враги республики ликуют. Торжествуют они и в марте, когда на северо-западе страны в Вандее вспыхивает контрреволюционный мятеж. К внешнему фронту, тугим кольцом

охватившему страну, добавился внутренний фронт.

С новой силой над площадями Парижа звучит призыв: «Отечество в опасности!» Вновь гремят слова: «К оружию, граждане! ровняй военный строй!» Барабаны бьют сбор, трубы трубят тревогу, батальоны выступают в поход. Солдаты революции идут усмирять мятежную Вандею.

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает!

Юный барабанщик Жозеф Бара шагает в первых рядах. Его палочки, ударяясь о туго натянутую кожу барабана, дробно отбивают: Вперед! Вперед! Слова героической «Марсельезы», созданный саперным капитаном К. Ж. Руже де Лилем, звучат призывом к сражению, предупреждают о встрече с ненавистным врагом. «Любой из нас героем будет», — поют бойцы, и Бара подхватывает эти слова, произнося их как клятву. Его матери, бедной многодетной вдове, которой он регулярно пересылает свое жалованье солдата, не придется за него краснеть. Жозеф Бара, маленький гражданин французской республики, будет отважно сражаться в рядах патриотов, и сдержит свою клятву.

Во время стычки в лесу Жозеф Бара был окружен отрядом мятежников. Двадцать ружейных дул направили на юного барабанщика. Двадцать вандейцев ждали приказа своего главаря. Мальчик мог спастись ценой позора. Стоило лишь прокричать, как требовали враги, три слова: «Да здравствует король!» Юный герой ответил возгласом: «Да здравствует республика!» Двадцать пуль пронзили его тело. А через несколько часов революционные войска ворвались в Шоле, последний оплот мятежников. И словно подхватив предсмертный возглас Жозефа Бара, они вошли в город с криками: «Да здравствует республика!» После победы у стен Шоле комиссары доносили Конвенту, что в боях отличились многие храбрецы. Барабанщик Жозеф Бара был первым в списках отважных.

Пройдет всего несколько месяцев и с трибуны конвента прозвучат страстные слова Максимилиана Робеспьера: пусть трепещут тираны — враги свободы — в тот день, когда французы придут на могилы героев поклясться следовать их примеру! «Юные французы, — обращался Неподкупный к молодым республиканцам, — слышите ли вы бессмертного Бара!» И молодежь, находившаяся в зале, вскочив со своих мест, с энтузиазмом прокричала: «Да здравствует республика!» В мощном, едином возгласе, прозвучавшем под сводами Конвента, вождь революции услышал ответ на свой призыв: не оплакивать

юного героя, а подражать ему и отомстить за него гибелью всех врагов республики! Каждый из юношей готов был повторить подвиг Жозефа Бара, каждый хотел быть соперником его доблести.

В своей речи, как всегда патетической, Робеспьер говорил о революции, как о переходе от царства преступления к царству справедливости, о том, что надо бороться с предрассудками и пороками, доставшимися в наследство. Он хотел с помощью мудрости и морали утвердить среди соотечественников мир и счастье. Он прославлял разум, добродетель, осуждал эгоизм, пороки, которые надо потопить в небытие; беспощадно разил врагов свободы, клеймил предателей, восхвалял патриотов, славил героев.

В конце своего выступления Робеспьер предложил Конвенту принять декрет о праздниках, ибо считал их важной частью общественного воспитания. Среди празднеств в честь Республики, Всемирной свободы, Истины, Справедливости, Счастья, Героизма были торжества, посвященные Мученикам свободы, Детству и Юности, Конвент призывал всех талантливых людей, достойных служить делу человечества, считать честью оказать помощь в устройстве праздников.

Тогда же было внесено предложение, чтобы гражданин Давид — известный художник, увековечил юного героя на картине, копии которой должны были быть выставлены во всех школах республики. Ему же поручилось представить соображения о плане праздника в честь Бара и Виала.

Это второе имя не случайно оказалось рядом с именем отважного барабанщика. К тому времени в Париже стал известен еще один юный герой — Агриколь Виала. Ему было почти столько лет, сколько и Жозефу Бара. И он тоже был маленьким солдатом-добровольцем вступил в небольшой отряд национальной гвардии в своем родном городе Авиньоне. Летом девяносто третьего года отряд принял участие в боях с контрреволюционерами. Роялисты, сторонники свергнутого короля, поднявшие на юге мятеж, шли на Авиньон. Им преградили путь воды реки Дюранс и отряд храбрецов. Силы были слишком неравными, чтобы сомневаться в исходе боя. Помешать продвижению мятежников вперед можно было только одним способом: перерубить канат от понтона, на котором враги намеревались переправиться через реку. Но отважиться на это не могли даже взрослые — батальоны находились на расстоянии ружейного выстрела.

Вдруг все увидели, как мальчик в форме национального гвардейца, схватив топор, бросился к берегу. Солдаты замерли. Агриколь Виала подбежал к воде и изо всех сил ударил по канату

топором. На него обрушился град пуль. Не обращая внимания на залпы с противоположной стороны, он продолжал яростно рубить канат. Смертельный удар поверг его на землю. «Я умираю за свободу!» были последние слова Агриколя Виала.

Враги все-таки переправились через Дюранс. Мальчик был еще жив. Со злобой набросились рни на смельчака, распростертого на песке у самой воды. Несколько штыков вонзилось в тело ребенка, потом его бросили в волны реки.

Неоконченное полотно Давида

Давид с готовностью приступил к картине, которую ему доверил создать Конвент, ибо как он считал, истинный патриот должен пользоваться каждым средством для просвещения своих сограждан и неустанно представлять их взорам проявление высокого героизма. Он задумал изобразить Жозефа Бара смертельно раненным. Враги сорвали с него одежду, он лежит на земле, прижав к груди трехцветную кокарду.

После гибели Лепелетье Давид в конце марта преподнес Конвенту посмертный его портрет, каким он видел его в день похорон. Летом того же года, когда был убит Марат, и Париж, потрясенный этим злодеянием, оплакивал великого трибуна, Давид, склонившись над трупом, делает с него рисунок. Но еще за два дня до смерти художник навестил Друга народа (этим именем гордился Марат). Он застал его работающим в своей ванне, где тот и был заколот фанатичкой Шарлоттой Корде. Картину «Смерть Марата», созданную им вскоре, он, по его признанию, писал сердцем, хотел, чтобы она призывала к возмездию, пробуждала гнев.

Последнее полотно из этого триптиха в честь революционных героев Давид создавал, полагаясь исключительно на свое воображение. Работал он, как всегда, упорно, но отсутствие живой модели (а он не мог даже воспользоваться своими воспоминаниями, поскольку никогда не видел Жозефа Бара) ставило его в трудное положение. Он создавал идеализированный образ ребенка. Картина не была еще завершена и к моменту его выступления в Конвенте третьего термидора, где он рассказывал о плане манифестации, посвященной юным героям.

С присущим ему размахом он набрасывает проект грандиозного зрелища. Перед слушателями, членами Конвента, по частям словно оживают сцены огромного, неведанного доселе творения. Давид говорит о праве детей, погибших за родину, на признательность нации. Разве можно победить народ, который защищает правду, народ, рождающий таких героев, презревших смерть. Все французы теперь, как Бара и Виала! — восклицает Давид. Представители народа прерывают речь гражданина Давида бурными аплодисментами. «Почтим окровавленные тела юных героев Бара и Виала! — продолжает Давид. — Пусть торжество, которое мы им посвящаем, носит, по их примеру, характер республиканской простоты и величавый отпечаток добродетели!» Зал вновь гремит овацией.

Народная церемония должна начаться в три часа пополудни залпом артиллерии, излагает Давид свой план. Колонны с изображениями Бара и Виала, с картинами, на которых будут отображены их подвиги, под дробь барабанов, движутся к Пантеону, где уже покоятся национальные герои Лепелетье и…

…нередкое в твоих сынах,
Что юность, полная геройства,
Сражалась смело в их рядах?

Однажды Генрих Гейне, писавший корреспонденцию о выставке в аугсбургскую «Всеобщую газету», среди похвальных возгласов о картине Делакруа услышал поразившие его слова: «Черт возьми! Эти мальчишки бились как великаны!» Вместе с остальными героями картины с уличной мостовой переселился на полотно и мальчишка — гамен, как называют таких сорванцов в Париже. Поэзия шла рядом с политикой.

Легенды о подвигах маленьких парижан продолжали жить и годы спустя. Одну из таких легенд услышал в Париже летом 1833 года Ганс Христиан Андерсен. Случай, о котором он узнал, так взволновал молодого датского писателя, что одно время он даже намеревался написать роман об июльском восстании. Позже, однако, услышанную историю изложил в виде небольшого малоизвестного сейчас рассказа «Маленький бедняк на троне Франции».

Интересно, что Андерсен связывает легенду о мальчике-герое с картиной Делакруа.

В столице Франции, где Андерсен пробыл всего месяц, ему хотелось увидеть как можно больше достопримечательностей.

Как-то молодой парижанин, его друг, привел Андерсена на выставку картин. Полотно Делакруа произвело на него неизгладимое впечатление. Но особенно взволновала Андерсена история подлинного героя подростка, послужившего прототипом художнику.

По словам спутника Андерсена, поведавшего ему, видимо, популярную тогда легенду, мальчик, изображенный на картине, погиб не на баррикаде, а в другом месте. Жизнь мальчугана геройски оборвалась при штурме королевского дворца. Он был убит в самый блистательный день победы, когда каждый дом был крепость, а каждое окно бойницей. Даже женщины и дети сражались. Вместе со всеми они ворвались в покои и залы дворца. Оборванный мальчуган-подросток мужественно бился среди взрослых. Смертельно раненный, он упал. Это произошло в

тронном зале, и его, истекающего кровью, положили на трон Франции, обернули бархатом раны; кровь струилась, по королевскому пурпуру…

— Предсказал ли кто-нибудь этому мальчику еще в колыбели: «Ты умрешь на троне Франции!», — воскликнул писатель.

Через несколько дней Андерсен описал эту поэтическую историю в письме на родину. Но на этом интерес к судьбе юного героя не закончился. Захотелось узнать, где похоронен парижский мальчуган. Тот же спутник привел его на кладбище. Был день памяти погибших. На улицах раздавались звуки хоральной музыки, а на стенах домов развевались траурные полотнища и знамена. На маленьком кладбище каждому, кто проходил мимо, давали пригоршню букетиков желтых бессмертников, обвитых крепом, с тем, чтобы бросать их на могилы.

Перед одной из них на коленях стояла старая женщина с бледным лицом. От нее нельзя было отвести взгляда. Первое предположение, возникшее при виде этой безутешной, убитой горем старухи, превратилось в уверенность: она склонилась перед могилой того самого мальчика.

Громадный человеческий поток двигался в удивительном молчании мимо. На всех могилах горели голубые огни. Глубокая тишина производила необыкновенное впечатление. Андерсен положил свой букет на могилу, спрятав из него только один цветок. «Он напоминает мне, — писал Андерсен, — о юношеском сердце, которое разорвалось в борьбе за отечество и свободу».

Отважный и благородный малыш заживет второй жизнью не только на полотнах французских мастеров и в рассказе Андерсена, но и на страницах многих других произведений искусства, в том числе и литературных. В том же 1836 году, когда в журнале «Ирис» был опубликован рассказ Г. Х. Андерсена, на парижской площади Звезды завершили сооружение Триумфальной арки. На одной из скульптурных групп, украсивших ее, были изображены «Волонтеры 1792 года». Современники назвали эту поэму в камне Франсуа Рюда, посвященную народному восстанию, — «Марсельеза». В центре группы — подросток, почти мальчик. Прильнув к плечу воина, он сжимал рукоятку меча Вся его фигура, взгляд полны решимости драться до победы.

Встретим мы его под разными именами и в произведениях Виктора Гюго — в романе «Собор Парижской богоматери», в «Истории одного преступления», во многих стихах, в том числе и в стихотворении «На баррикаде». И, наконец, как наиболее яркий образ он предстанет перед нами под именем Гавроша на

страницах огромной социальной фрески «Отверженные».

Нам неизвестно имя мальчика, о котором рассказал Г. Х. Андерсен, мы не знаем, кого изобразил на своей картине Делакруа. Но несомненно, что материал для их произведений дала жизнь. Из жизни на страницы книги пришел и Гаврош — бесстрашный парижский гамен.

…Гюго снова берет в руки перо. Почти машинально чертит на бумаге контуры мальчишеской фигурки. Таким Гюго представляет себе своего Гавроша. Сквозь свист пуль и грохот канонады, сквозь ружейную пальбу слышится веселый голосок. Это поет его Гаврош.

С задорной песенкой на устах малыш отправляется на войну. В руках у него старый седельный пистолет, «экспроприированный» им у торговки хламом. Но он мечтает о большом, настоящем ружье, таком, какое было у него в 1830-м, в Июльские дни, когда французы поспорили с королем Карлом Х. Гаврош — ветеран народной борьбы, ему не впервой воевать. И он получит свое ружье, чтобы драться наравне со взрослыми…

10. Капитан Немо

Под флагом страны Жюля Верна

Страсть к морю, путешествиям проявилась у будущего романиста еще в детстве, когда Жюль решил бежать в сказочную Индию. Мальчика сняли с борта едва не отплывшего корабля…

На палубе шхуны «Сен-Мишель» капитан Верн всматривается в даль. Высокий, крепкого телосложения, в зубах зажата трубка, он походил на потомственного моряка. Никому и в голову не пришло бы, что капитан Берн и знаменитый писатель Жюль Верн — одно и то же лицо.

На мачте шхуны реял трехцветный, со звездой флаг «страны Жюля Верна». Ее владения к тому времени уже охватывали огромные пространства и простирались от северных до южных широт. А подданные этой страны — литературные персонажи — совершали дерзкие путешествия по ее необъятным просторам, проникали в неизведанные уголки, пускались в рискованные плавания. Они побывали в дебрях Центральной Америки, объехали вокруг света, пробились к Северному полюсу, спустились к центру Земли и успешно облетели нашу ближайшую соседку в космосе. Имена смельчаков, отважно ринувшихся в неизвестное, пустившихся в опасные приключения, были на устах не только у французских читателей. Путешествие на воздушном шаре доктора Фергюсона, поход капитана Гаттераса, приключения на море и суше тех, кто отправился на поиски капитана Гранта, полет отважных космонавтов Барбикена, Никола и Мастона, спуск в преисподнюю профессора Лиденброка — волновали сердца читателей многих стран. И часто книги Жюля Верна повторяли маршруты его героев…

За кормой бурлили серые волны Ла-Манша. На палубе у руля стоит капитан Верн. О чем думает прославленный писатель в эти мгновения? Может быть, в его воображении возникали неведомые глубины? Не тогда ли вспомнились ему строки из письма Жорж Санд, восторженной его почитательницы, надеявшейся на то, что он скоро увлечет читателей в пучину моря и заставит своих героев совершить путешествие в подводной лодке, которую усовершенствуют его, Жюля Верна, знания и воображение. Слова эти, как позже признавался писатель, действительно подсказали ему замысел романа о путешествии под водой. Закончил он его в 1868 году. И назвал «Двадцать тысяч лье под водой».

Начальные строки романа читаются как хроника тех дней. И это не случайно. Жюль Верн никогда не поддавался соблазну чистой выдумки. Иначе говоря, трамплином для полета его писательской фантазии служили подлинные

факты, реальные достижения инженерной мысли и научные гипотезы.

Было ли грозное «чудовище», разбойничавшее на морских путях, только лишь плодом воображения писателя? Не использовал ли Жюль Верн странные сообщения, появлявшиеся время от времени в шестидесятые годы прошлого столетия в газетах многих стран? В них говорилось о внезапной гибели торговых и пассажирских судов в результате полученной пробоины. Паника охватила пароходные компании, моряков, пассажиров. Газеты «Морнинг стар» в 1860 году, «Глэзгоу ньюс» в 1861 году, «Нью-Йорк тайме» в 1863 году высказывали в связи с таинственными событиями на море самые невероятные предположения и догадки. На поиски «морского разбойника» вышел фрегат американского военно-морского флота «Авраам Линкольн».

Долгое время о нем не было никаких известий. А с 1870 года он числился в списках без вести пропавшим.

…Охота за морским животным кончается трагически. Фрегат «Авраам Линкольн» после нападения на него «чудовища» получает пробоину и теряет управление, трое из его экипажа попадают в волны океана, а затем — в «утробу» страшного животного, которое оказывается гигантским подводным кораблем. С этого момента начинается одиссея профессора Аронакса и его спутников на борту «Наутилуса».

Не было лишь плодом воображения и созданное фантазией писателя столь необычное в то время подводное судно, у жюльверновского «Наутилуса» имелось немало исторических предшественников. Писатель прекрасно знал об этом. И не только знал, но и специально изучал родословную своего подводного корабля. Энтузиасты ученые в разные эпохи пытались создать подводную лодку: англичане и голландцы, русские и французы, американцы и немцы. Жюль Верн подхватил и реализовал мечту о подводном корабле в своем романе, создав невиданную дотоле «субмарину».

Впрочем, и в литературе Жюль Верн не был первым. Задолго до него английский философ и писатель Френсис Бэкон в 1627 году на страницах своей утопии «Новая Атлантида» описал корабль, способный плавать под волнами океана.

Умаляет ли все это заслугу Жюля Верна? Нисколько. Лишь еще раз доказывает, что он отталкивается от гипотез ученых и реальных достижений. Значит, Жюль Верн всего лишь использовал то, что уже было известно тогдашней научной мысли? Да, с той однако разницей, что писатель умел заглянуть в

завтрашний день научного открытия, предвидел бурное развитие века электричества, предсказал эпоху полетов к Луне и многое другое.

Однако писателю при всем его поэтическом отношении к науке — важен прежде всего человек — первооткрыватель и создатель всего на земле. Именно поэтому его герои — исключительны.

Загадочный герой

В новом — втором в трилогии — романе Жюля Верна «Двадцать тысяч лье под водой» показан человек необыкновенного ума и странной, трагической судьбы — капитан Немо. Среди огромной и пестрой толпы жюльверновских персонажей его колоритная фигура выделяется особенно ярко. Это был новый образ литературного героя — ученый-новатор, смелый инженер, но и загадочная личность, «гений моря», навсегда порвавший с миром людей и обрекший себя на скитания под водой.

В чем же тайна этого человека, скрывшего свое подлинное имя под безликим латинским словом «Немо» — «Никто»? Почему он бежит от людей, отчего порвал с цивилизованным миром?

Загадки вокруг капитана Немо громоздятся одна на другую. Раскрыть их нелегко, ибо сам капитан Немо предпочитает о себе молчать.

За семь месяцев невольного заточения, которые профессор Аронакс провел на борту «Наутилуса», о командире подводного корабля ему удается разузнать немногое.

У капитана Немо была запоминающаяся с первого взгляда внешность южанина, не то испанца или турка, не то араба или индуса.

Особенно поразил профессора Аронакса при первой встрече взгляд капитана Немо: «он пронизывал душу!».

Язык, на котором он говорил со своими подчиненными и отдавал приказания, казался странным и непонятным. Это был благозвучный, гибкий, певучий язык с ударением на гласных, язык, о существовании которого профессор Аронакс и не подозревал. Что это за язык, — оставалось загадкой. Как и черного цвета флаг, который устрашающе реял над «Наутилусом». Это не было пиратское полотнище с изображением скрещенных костей и черепа на черном фоне. Что же в таком случае он означал? Символом чего являлось черное знамя с вышитой на нем золотой буквой «N»? И на это не было ответа…

Все отчетливее перед нами вырисовывается фигура капитана Немо. «Не был ли он защитником угнетенных народов, освободителем порабощенных племен? Не участвовал ли он в политических и социальных потрясениях последнего времени?» — спрашивает профессор Аронакс, начинавший смутно догадываться о том, что представляет собой капитан Немо.

Пленникам удается бежать с «Наутилуса», ставшего для них плавучей тюрьмой. Они вновь обретают свободу, возвращаются к

жизни среди людей. «Однако что же сталось с „Наутилусом“? Жив ли капитан Немо? — спрашивает профессор Аронакс в конце книги. — Каково его настоящее имя?» Ответа на это в романе не было.

Запись в рабочей картотеке писателя

Много лет Жюль Верн вел свою особую картотеку. Это было поистине уникальное собрание всевозможных фактов и сведений, почерпнутых им при чтении разного рода литературы: книг, журналов, газет. Выписки эти (он делал их еще со студенческих лет) оказывали неоценимую услугу во время работы над книгой, а часто подсказывали и сюжет произведения.

К концу жизни картотека насчитывала более двадцати тысяч тщательно пронумерованных тетрадок с выписками. Здесь можно было быстро и без труда найти сведения по астрономии и физике, географии и истории, геологии и химии и т. п.

Но не только научные и географические открытия находили отзвук в его душе. Внимательно следил он и за политическими событиями своего времени.

Кровавые экспедиции французских колонизаторов в Индокитае, их бесчинства в Алжире, участие в «опиумной войне», которую уже не первый год вели империалисты на Дальнем Востоке, усмирение восставших китайских крестьян, когда в 1856 году мощная революция тайпинов прокатилась по огромным пространствам Китая.

Привлекли внимание писателя и события, которые разворачивались в Индии. Начавшееся здесь в 1857 году антианглийское восстание охватило многие провинции британской «заморской жемчужины».

В эти дни Жюлю Верну встретилось в печати имя Нана Сахиба, одного из руководителей индийских повстанцев. В картотеке писателя в разделе, посвященном событиям в Индии, появляются все новые и новые записи о нем.

Из газетных сообщений можно было составить весьма искаженное представление о вожде индийского восстания. Ненавистный англичанам, Нана Сахиб изображался ими варваром, насильником. Его называли «битхурским зверем» и охотились за ним как за зверем.

По мере успехов восставших росла и цена за голову Нана Сахиба. Сначала генерал-губернатор Индии обещал 50 тысяч рупий тому, кто доставит Нана и передаст его в руки англичан, или тому, кто укажет, где он находится, и поможет захватить его. Через несколько месяцев цена за голову вождя возросла до ста тысяч. Англичане готовы были заплатить и еще больше — лишь бы покончить с руководителем масс и тем самым обезглавить восстание.

Человек и легенда

Битхур — небольшой городок на берегу Ганга. Недалеко, километрах в сорока, расположен Канпур — шумный, многоязычный центр, через который проходят важные торговые пути. Ниже по течению — священный город Бенарес, в храмы которого стекаются паломники со всей страны.

В тихом, зеленом Битхуре находилась резиденция главы государства маратхов пешвы Баджи Рао II. С тех пор как его владения были захвачены колонизаторами, старый правитель жил здесь в своем дворце.

Англичане довольно щедро оплачивали лояльность его хозяина — пенсией в 800 тысяч рупий в год. Старый пешва доживал свои дни в тишине и покое. Большую часть дня проводил в тени деревьев своего сада. Кормил ручных оленей и косуль, любовался великолепным одеянием павлинов, разгуливавших среди цветников, с гордостью показывал гостям своих прекрасных коней.

В залах дворца поражало богатое собрание картин. Тут были представлены работы европейских и индийских мастеров. Не меньшей гордостью владельца битхурского дворца являлась и коллекция оружия: сабли и пистолеты, кинжалы и пики, щиты и ружья, легкие кавалерийские седла и громоздкие кабины-хауды для слонов. Но жемчужиной этого редкостного собрания был драгоценный меч пешв. Мирно висел старинный клинок на стене. Во дворе, перед дворцом, не слышно воинственных кличей, бряцания оружия, не видно боевых слонов и знаменитых маратхских всадников на быстрых скакунах. Грозные битвы забыты. И только в рассказах пешвы о героическом прошлом маратхов, об их многовековой борьбе, оживали картины ожесточенных схваток и кровавых сражений, которые некогда приходилось вести его предкам.

Особый интерес к этим рассказам проявлял приемный сын пешвы юный Нана Сахиб. Часами просиживал он возле старика, слушая предания о походах против воинственных афганцев, о том, как возглавляемые национальным героем, «замечательным предводителем закаленных горцев» Шиваджи, портрет которого висел во дворце, маратхи воевали с монгольской державой, и о многом другом, чему свидетелем был старинный меч.

С благоговением и почтением юноша прикасался к легендарному оружию. Но самыми счастливыми были минуты, когда ему разрешали подержать в руках прославленный клинок.

Тогда в глазах Нана вспыхивал огонь, с уст готов был сорваться боевой клич. Он представлял, как на взмыленном скакуне во главе отряда конников врезается в ряды противника и мечом предков разит ненавистных врагов. Но об этом приходилось лишь мечтать. А пока Нана проводил время в военных упражнениях, фехтовал, стрелял из пистолетов, занимался верховой ездой.

Увлекался молодой индус и музыкой, отлично разбирался в искусстве. Хорошо знал литературу, любил цитировать отрывки из поэмы «Рамаяна», славящей подвиги мифического героя Рамы.

Вызывал восхищение и внешний вид Нана, манера держать себя. У него были черные, гладко причесанные волосы, чуть полноватое лицо светло-коричневого цвета, прямой нос. Его крепкую спортивную фигуру плотно облегал богатый костюм индийского вельможи. Холодный и твердый взгляд как бы подчинял себе.

* * *

Но вот безмятежной жизни Нана Сахиба пришел конец. Умер пешва Баджи Рао II. Англичане отказались признать права его приемного сына и наследника. Он был лишен пенсии и всех привилегий.

Напрасно Нана Сахиб пытался восстановить справедливость, напрасно писал письма генерал-губернатору в Калькутту и даже в Лондон. Здесь не собирались тратить золото на какого-то юнца без роду и племени. И поспешили одобрить решение генерал-губернатора, отказавшего приемному сыну пешвы в праве на пенсию.

Оставалось лишь возмущаться вероломством и наглостью ненавистных феринговчужеземцев. Рассчитывать на их милость было безнадежно. Несправедливость рождала гнев, побуждала взяться за меч, отомстить. Но что мог сделать он один!

Долог путь от личных обид к обиде за свою страну, за свой народ… Но пришел день, когда непризнанный пешва двинулся в путь. И всюду, где побывал, он находил людей, готовых стать единомышленниками. Во время этой поездки постиг всю ту степень ненависти, которую народ и даже местные феодалы питали к англичанам-завоевателям.

Старинный меч маратхских пешв дождался своего часа.

Глубокой ночью четвертого июня 1857 года над пыльными, узкими улочками Канпура прогремели три пушечных выстрела. Это был сигнал к мятежу индийских солдат. Кавалеристы восставшего полка сипаев захватили арсенал, банк, тюрьму. Нана

Сахиб, прибывший накануне в город, был провозглашен правителем.

В эту ночь Нана Сахиб окончательно выбрал свой путь — борьбу за свободу родины. Это был путь изнурительных сражений и недолгих побед, путь, который стал для него дорогой к бессмертию.

Два года бились с англичанами индийские повстанцы — крестьяне, ремесленники, сипаи. Пожар освободительной войны полыхал на огромных территориях — от границ Непала на севере до Центральной Индии. Пламя народного гнева бушевало в долине Ганга, перекинулось южнее его притока Джамны в Бунделькханд. Борьба сплотила людей различных религиозных убеждений, объединила представителей разных каст, разрушила языковые барьеры. Народ почувствовал свою силу.

В войне за независимость принимали участие и феодальные правители. Одних привели в ряды повстанцев патриотические настроения, других — надежда на восстановление своей былой власти, отнятой англичанами. Но вскоре многие из них, напуганные размахом национально-освободительного движения, отшатнулись, изменили ему. Еще большее число индийских князей осталось в стороне.

У восставших не было единого центра, как и не было общего плана действий. Разрозненность и изолированность выступлений пагубно сказались на всем ходе борьбы. А медлительность вождей, их неспособность объединить массы, обрекли восстание на поражение. Каждый действовал по своему разумению. И каждый погибал в одиночку: англичане один за другим уничтожали центры восстания. Пали Бенарес, Аллахабад, Лакхнау, Дели.

Незадолго до поражения, видимо, сознавая неизбежность его, Нана прискакал в Битхур. Вместе с семьей он успел переправиться через реку и скрылся в лесах.

Карателя вступили в Битхур. Дворец пешвы был разграблен и разрушен. Редчайшие ценности оказались в руках победителей.

Нана Сахиб потерпел поражение, лишился средств, но он не был сломлен. Вскоре ему удалось вновь собрать вокруг себя отряд и начать партизанские действия.

Но что могли сделать этот отряд и другие разрозненные горстки повстанцев против пятнадцатитысячной армии англичан? Продвижение английских войск было повсеместно отмечено виселицами и грохотом пушек. Из них расстреливали, привязав к жерлу, пленных повстанцев. Бесчеловечность карателей запечатлел на своей знаменитой картине «Расстрел сипаев» русский художник В. Верещагин. Лишь некоторые из вождей

мятежников сумели скрыться. Одни бежали в Непал, другим удалось уйти в Иран и Афганистан.

Где скрывался в это время Нана Сахиб, точно неизвестно. Его видели в лесном фронте, на переправе, в далеком селении. Не раз преследователям казалось, что он уже в их руках. И всякий раз пешве удавалось скрыться. Сознавая, что дальнейшая борьба обречена, Нана Сахиб решил навсегда покинуть Индию. В середине апреля 1859 года границу Непала пересекла группа всадников. Во главе отряда из пятисот конников по горной тропе ехал седобородый старик. Видом своим он походил на пророка. Трудно было узнать в этом путнике сорокадвухлетнего Нана Сахиба. Белая борода, погасший взгляд, запавшие щеки изменили облик некогда красивого и мужественного лица.

Вместе с женой и верными сподвижниками Нана Сахиб уходил в изгнание. Он решился искать убежище в горах соседнего Непала, несмотря на то, что вероломный владетель его Джанг Бахадур отказал ему в убежище и, мало того, разрешил англичанам преследовать беглецов на своей земле.

И все же Нана выбрал этот путь. Впрочем, достоверных данных на сей счет нет. Судьба Нана Сахиба — это одна из неразгаданных тайн истории.

Что стало с мятежным пешвой? Где нашел свою смерть Нана Сахиб? По этому поводу существует немало догадок и пред положений.

Многие историки пытались ответить на этот вопрос, упорно искали следы таинственного исчезновения Нана. А тем временем поэты предлагали свои версии. Один из них — французский драматург и писатель Жан Ришпен в конце прошлого столетия создал на эту тему пьесу «Нана Сахиб». Автор привел вождя индийских повстанцев и его невесту под своды горной пещеры, напоминающей пещеру Али Бабы. Здесь, среди сокровищ и драгоценностей, возвышается над очагом статуя бога Шивы. Внезапно в очаге вспыхивает огонь, он разгорается все сильнее. Спасения нет — дверь, через которую Нана и его спутница проникли в пещеру, захлопнулась. Девушка и Нана Сахиб погибают в огне.

Так, по-своему дал ответ на занимавшую всех загадку французский драматург.

Вождю повстанцев предрекали и другое.

Нана Сахиб жив. Ему удалось спастись. Он обитает под видом святого отшельника в горах Непала. Так говорила одна легенда. Согласно другой — Нана Сахиб спасся, он бежал и нашел пристанище в далекой России. Разнесся даже слух, что генерал Скобелев, в то время отличившийся в Средней Азии, это и есть

Нана.

Народ не хотел верить в гибель вождя. И еще многие годы имя Нана Сахиба для индийцев оставалось символом борьбы за независимость и свободу.

С благодарностью и уважением вспоминают о нем и в сегодняшней Индии, сбросившей иго колониального рабства. И в наши дни его подвиг самопожертвования озаряет Индии путь в веках. Так сказано на памятнике Нана Сахибу, установленному в столетнюю годовщину восстания, в 1957 году, в городе Битхуре.

Новые встречи Жюля Верна с капитаном Немо

Прошло немало лет. Однажды в печати промелькнуло сообщение о том, что в Индии, в лесах Бунделькханда, пойман, наконец, еще один из руководителей индийских бунтовщиков. «Неужели это Нана Сахиб?» — думал Жюль Верн. Невольно в памяти вновь возникали картины расправ и бесчинств, творимых над индийскими повстанцами англичанами. И снова вспоминался неумолимый мститель, предводитель сипаев, Нана Сахиб.

В то время писатель работал над романом «Двадцать тысяч лье под водой».

Однако в этом романе не было разгадки тайны капитана Немо. Впрочем, могло случиться и так, что профессор Аронакс, столь упорно стремившийся разгадать тайну капитана Немо, а вместе с ним и читатели вообще никогда не узнали бы, кто скрывался под этим именем, что за человек, откуда родом, какова его история. В первом варианте рукописи капитан Немо погибал. Потом, однако, писатель решил сохранить ему жизнь. Образ этот мог понадобиться в будущем. Что касается читателей, как и профессор Аронакс, заинтригованных загадкой, то их явно не устраивали скудные сведения о капитане «Наутилуса». Письма, которые позже начал получать автор, содержали просьбу рассказать подробнее о командире сказочного корабля.

И Жюль Верн раскрывает тайну капитана Немо на страницах новой книги — «таинственный остров». В ней он расскажет о жизни и труде горстки колонистов, заброшенных случайной судьбой на необитаемый остров в южной части Тихого океана.

Один на один с суровой природой оказываются люди разных национальностей, профессий и социального положения. Благодаря их сплоченности, воодушевлению и воле, вере в безграничные возможности человека, они создают коммуну — прообраз идеального общества будущего. Но не только в борьбе с природой проходит их жизнь. Им приходится отстаивать свою колонию с оружием в руках — воевать с пиратами, пытающимися ее захватить. Горстка смельчаков отважно вступает в бой с многочисленным противником. Исход поединка, казалось, предрешен. И только вмешательство загадочного покровителя острова спасает колонистов…

Кто помогает обитателям таинственного острова? Кто их невидимый защитник? Им оказывается не кто иной, как капитан

Немо, а непонятный предмет — это «Наутилус».

…Его настоящее имя — принц Даккар. Он родился в Индии и был сыном раджи, владевшим княжеством в Бунделькханде.

С юных лет его отличали живость ума, жажда знаний и благородство души. Наделенный многими дарованиями, он овладел различными науками и достиг больших познаний как в естествознании и математике, так и в литературе. Любил живопись — искусство волновало его.

Образование он получил в Европе, куда его отправили еще мальчиком, воспитан же был в духе ненависти к европейцам, поработившим его отчизну. Он проклял англичан, заковавших в цепи народ его родины. Борьба за ее независимость стала целью и смыслом его жизни.

Когда вспыхнуло крупное восстание сипаев, пишет Жюль Верн, душой его стал принц Даккар. Он поднял огромные массы, отдал правому делу все свои дарования и свое богатство. Бесстрашно шел он в бой в первых рядах, рисковал своей жизнью так же, как самый простой из героев, поднявшихся ради освобождения отчизны.

Но и в этот раз право было повержено во прах перед силой. Тщетно искал Даккар себе смерти, когда последние воины, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями. Одинокий, исполненный беспредельного отвращения к самому имени «человек», питая ужас и ненависть к цивилизованному миру, стремясь навсегда бежать от него, он обратил в деньги остатки своего состояния, собрал вокруг себя самых преданных ему соратников и в один прекрасный день исчез вместе с ними.

Куда же отправился принц Даккар? Где искал он той независимости, в которой ему отказала земля, населенная людьми? И Жюль Верн отвечает — под водой, в глубинах морей — там, где никто не мог преследовать его. На пустынном острове воин, ставший ученым, заложил корабельную верфь. Здесь была построена по его чертежам подводная лодка. Он дал своему судну название «Наутилус», поднял на нем черный флаг — отнюдь не пиратский! — (в Индии черный цвет — символ восстания), назвал себя капитаном Немо и скрылся под водой, став грозным мстителем за всех угнетенных людей земли.

Но у этого человека была потребность творить добро. Это он спас одного из колонистов — инженера Сайреса Смита, подбросил ящик с так необходимыми им вещами, сбросил лестницу во время нашествия обезьян, спас юношу от смерти, принеся для него необходимое лекарство, и, наконец, это он взорвал разбойничий бриг при помощи подводной мины, и

перебил бандитов изобретенными им электрическими снарядами.

Последнее его благодеяние — ларец с бриллиантами, которые он вместе с другими драгоценностями завещает колонистам. Он верит, что в их руках деньги не станут орудием зла.

Принц Даккар умирает одиноким, вдали от всего, что он любил, что было ему дорого, за что он боролся. Последним словом, которое прошептали его холодеющие губы, было слово — Родина.

Разве повесть о жизни, рассказанная умирающим капитаном Немо, не напоминает историю Нана Сахиба? А это значит, что Нана Сахиб — герой индийского народа, в известной мере явился прототипом знаменитого литературного образа. И что таинственная судьба вождя восставших — бесследное его исчезновение — подсказала разгадку капитана Немо.

Несколько лет спустя Жюль Верн напишет роман «Паровой дом», где в главе «Восстание сипаев» продемонстрирует свою великолепную осведомленность о минувших событиях в Индии, о ее истории и географии. И не случайно главным героем романа писатель сделает Нана Сахиба.

Слухи о его гибели в горах Непала оказываются ложными. После восьми лет изгнания Нана тайно возвращается на родину. Он мечтает вновь поднять знамя борьбы, освободить землю отцов от ига поработителей. В горах Бунделькханда пытается создать, очаг восстания. Отныне у него одна цель — мстить ненавистным феринга́м. Его месть жестока. Но разве не были жестоки солдаты полковника Мунро — главного врага Нана в романе, когда привязывали к жерлам своих пушек пленных сипаев, когда английские войска безжалостно истребляли жителей Дели и других городов, когда от их рук погибло «сто двадцать тысяч офицеров и солдат и двести тысяч индусов только за то, что они принимали участие в восстании во имя национальной независимости!». Нана Сахибу не удается достичь своей цели, он попадает в плен и погибает. Видимо, и много лет спустя трагическая судьба Нана Сахиба продолжала волновать воображение Жюля Верна.

11. Тартарен

Свирепые тарасконцы

Тараскон! Поезд стоит пять минут… Пересадка на Ним, Монпелье, Сет, — голос кондуктора, прозвучавший раскатисто и победно заглушил лязганье вагонов, резкие удары буферов.

Тараскон! Еще в тот момент, когда в полевой дали возникли четыре величественные башни замка короля Рене, Доде охватило чувство щемящей тоски. Его постоянно тянуло на Юг, в Прованс.

Он любил приезжать в солнечный край своего детства, подолгу, бывало, гостил у родственников неподалеку от Арля, в семнадцати километрах от Тараскона. Здесь обитали его герои, его дети, как он любил говорить, те, кого ему доводилось встречать в те времена, когда он жил на мельнице, стоявшей среди сосен на холме за монмажурским аббатством. Что. касается Тараскона, то в нем он не смел появляться. С некоторых пор у него с тарасконцами весьма осложнились отношения. И, странствуя по югу, он всегда старался объезжать этот город, впечатлительнее которого не было в целом свете.

«Попробуй только проехать через Тараскон!» — припоминались угрожающие строки анонимных писем, полученных в свое время от свирепых тарасконцев. Он знал: они умели шутить, но умели и ненавидеть. Ему же совсем не улыбалось, чтобы его искупали в Роне. А именно так чуть было не поступили рассвирепевшие граждане, когда один парижский коммивояжер, то ли в шутку, то ли желая втереть очки, расписался в гостиничной книге: Альфонс Доде. Что тут случилось! Город всполошился. Наконец-то представился долгожданный случай свести счеты с ненавистным Доде! И несчастного коммивояжера чуть было не искупали в Роне.

Как ни обидно, но лучше проехать мимо. Въезд в Тараскон для него закрыт. Его имя, если верить путешественникам, здесь ежедневно предается анафеме, и каждый тарасконец желает отомстить «этому Доде». Что и говорить, не легко переносить ненависть целого города. А еще считается, что путь романиста сплошь усеян розами.

Даже книги его изгнаны из библиотек.

Книги! Именно они и были причиной ненависти тарасконцев к писателю Доде. Точнее говоря, одна из них, та, которая ославила на весь свет тихий провинциальный городок, книга, высмеивающая героическое племя тарасконцев.

Жители городка на берегу Роны не могли простить Доде того, что он вывел их на страницах своего знаменитого романа «Тартарен из Тараскона». Так, по крайней мере, казалось каждому

тарасконцу; он усваивал это еще в детстве, слушая проклятия, которыми разражались старшие, стоило лишь кому-либо упомянуть ненавистное имя Доде. Владельцам беленьких домиков отнюдь не льстили слова, которые автор предпослал своей книге: «Во Франции все немножко тарасконцы». Они не желали утешаться этим, равно как и знать о том, что писатель, выбирая названия для города, где поселил своих героев, исходил лишь из того, что название «Тараскон» прекрасно звучит при выкрикивании станций — точно триумфальный клич индейского воина. Впрочем, и такое объяснение вряд ли успокоило бы самолюбивых тарасконцев. Ничего, кроме нового прилива ярости, это не могло вызвать с их стороны. А между тем Тараскон был для Доде только псевдонимом, подхваченным на пути из Парижа в Марсель. Настоящая же родина Тартарена и его земляков-охотников за фуражками, признавался писатель, лежит несколько дальше, в пяти или шести милях от Тараскона, по ту сторону Роны.

Городок, на который намекал Доде, был Ним, где, как и во всех южных городах, много солнца, достаточно пыли, непременно имеется кармелитский монастырь и два или три римских памятника.

На главной улице этого городка, обсаженной двумя рядами платанов с пыльной листвой, родился и Альфонс Доде.

Из впечатлений раннего детства, сохранившихся благодаря удивительной памяти, Доде черпал материал для своих романов, и, как он любил повторять, в силу непобедимого чувства реальности неизменно клал действительную жизнь в основу своих вымыслов.

Часто случайный, отдаленный намек, какая-нибудь смутная ассоциация с порою дня, с цветом неба, звоном колокола, запахом лавок вызывала в его памяти воспоминания о темных, прохладных, узких, благоухающих пряностями улицах Нима, аптекарском магазине дяди Давида… Помогала ему воскрешать образы былого и небольшая зеленая тетрадь с измятыми уголками, постоянно лежавшая на его рабочем столе и готовая в любую минуту поделиться с писателем своим богатством. В этой поистине бесценной тетради, заполненной сжатыми заметками под общим названием «Юг», были сосредоточены многолетние наблюдения над его родным краем, климатом, нравами, над самим собой, родными и собственной семьей. Из этой тетради Доде извлек многих своих героев, с ее страниц вышел в жизнь и бесстрашный Тартарен.

Обладатель 'двойных мускулов'

Жизнь все дальше уводила его от родного Прованса. Сначала Лион, где семья, когда ему было девять лет, тщетно пыталась поправить свои дела, затем, в 16 лет, работа в качестве школьного надзирателя в Алэ, потом бегство из этой тюрьмы в Париж, начальные шаги на тернистом литературном пути. Он хорошо помнил тот день, когда писал свою первую репортерскую хронику, озабоченный даже каллиграфической стороной работы. Суета большого города все больше захватывала его, вовлекала в свой круговорот. Первые, еще робкие литературные успехи кружили голову.

У него была натура истинного импровизатора. С детства он отличался необычайно живым воображением. «Я, в сущности, фантазер», — говорил он о себе. Его голова всегда было полна замыслов. В кругу друзей он охотно делился ими, поражая мастерством рассказчика.

Когда ему надоедала шумная парижская жизнь, он отправлялся подышать свежим деревенским воздухом, вдохнуть бодрящий аромат провансальских сосен. Обычно эти поездки он совершал зимой. Парижский климат в это время года не способствовал его слабому здоровью, и врачи рекомендовали съездить на юг.

Особенно они настаивали на этом в конце 1861 года. Здоровье его в ту пору было изрядно расстроено пятилетними литературными занятиями. Необходима была, как считали доктора, поездка в Алжир, чтобы восстановить под лучами африканского солнца слегка подпорченные легкие. Пришлось ехать, несмотря на то, что в день отъезда из Парижа он получил известие о принятии театром «Одеон» его первой пьесы.

Направляясь в Алжир, Доде, которому шел тогда всего лишь 21 год, по пути заехал в родной Ним. И здесь неожиданно для себя обрел необычайного попутчика. Вместе с ним решил отправиться в путешествие его сорокалетний кузен Рейно. Это был коренной житель Нима, мечтатель и фантазер. Любимым его писателем был Джеймс Фенимор Купер, запах пороха он ценил больше всех ароматов земли, из деревьев безоговорочно предпочитал баобаб и тайком мечтал походить на Вильгельма Телля. Словом, это был живой прототип будущего Тартарена. Следует добавить, что он, как и бесстрашный тарасконец, помимо любви ко всякого рода описаниям путешествий, был страстным охотником за фуражками и обладал такой силой, что земляки вполне серьезно утверждали, будто у него «двойные мускулы».

Кузен Рейно жил в беленьком домике с зелеными ставнями. Впереди был разбит садик, сзади — балкон, у калитки, как водится в тех местах, постоянно дежурила стайка савояров со своими неизменными ящиками для чистки обуви. Одним словом, снаружи домик кузена Рейно ничем не отличавшийся от других нимских домишек. Но стоило лишь заглянуть внутрь… Нам же легче заглянуть на страницы романа А. Доде, ибо внутренний вид дома кузена Рейно почти в точности воспроизведен писателем в первой главе. Кабинет кузена Рейно считался одной из городских достопримечательностей: «Вообразите большую комнату, сверху донизу увешанную ружьями и саблями; все виды оружия всех стран мира были здесь налицо». Солнечные лучи зловещими бликами отражались на стальных лезвиях, и посетители невольно затихали среди этого арсенала. Неменьшей достопримечательностью был и карликовый баобаб, чахнувший в горшке из-под резеды как раз напротив стеклянной двери кабинета в сад.

А теперь, полагаясь на привычку А. Доде пользоваться живыми прототипами, писать «с натуры», представим себе внешний вид достославного кузена Рейно. О его «двойных мускулах» уже упоминалось, об отважной и пылкой душе, бредившей битвами, грандиозной охотой и подвигами свидетельствовало редчайшее собрание оружия, о его внешности говорится так: «человек лет сорока — сорока пяти, низенький, толстый, коренастый, краснолицый, в жилете и фланелевых кальсонах, с густой, коротко подстриженной бородкой и горящими глазами». Таков был кузен Рейно, таким станет и великий, бесстрашный Тартарен. Сходство внешнее Рейно-Тартарен (впрочем, не только внешнее) на страницах будущего романа, оказалось, видимо, настолько близким, что не на шутку оскорбило нимского кузена, и у него вышла из-за этого с писателем крупная ссора. Еще бы! Не очень приятно, когда каждый мальчишка при встрече с тобой начинает пронзительно вопить: Тартарен! Тартарен! Прозвище прилипло к бедному кузену Рейно, что доставляло ему немало горьких минут. Впрочем, это произошло значительно позже, несколько лет спустя после возвращения обоих кузенов из путешествия по Алжиру. А пока что им предстояло туда съездить.

Ветер дальних странствий

И вот в один из ноябрьских дней 1861 года Доде и Рейно отправились охотиться на львов в Алжир, тогдашнюю французскую колонию. Видимо, уговорил его на это Рейно, голова которого была забита всевозможными книгами об охоте и охотниках. Не давал ему покоя и ветер дальних странствий, что шелестел в ветвях его баобаба. Как бы то ни было, кузен Рейно решил воспользоваться поездкой Доде и составить ему компанию.

Что касается Доде, то, по правде говоря, предстоящая охота на грозных хищников не очень его прельщала. Изучать нравы и жизнь колонии, бедственное положение населения этой страны, некогда называемой житницей римлян, в этом видел он одну из целей поездки. Смешно было ехать охотиться на львов, ему, всю жизнь страдающему близорукостью. Внутренне он противился затее своего кузена. Но так уж устроено воображение провансальцев — «оно загорается мгновенно, словно трут, даже в семь часов утра». Уроженец Прованса, Доде тоже был немного Тартареном, во всяком случае по части воображения. Стоило ему вступить в марсельской гавани на палубу красавца пакетбота «Зуав», как он вообразил, что истребит всех зверей в Алжире.

Кузены-путешественники являли собой красочное зрелище: головы венчали огромные огненные шапки-шешьи, талии перетянуты красными поясами, из-за которых грозно торчали огромные охотничьи ножи, на плече — ружья, у пояса — патронташи, револьверы в кобуре. Не то корсары, не то какие-то воинственные турки. Можно представить, какой страх охватывал встречных. Впрочем, страх ли? Наши путешественники действительно находились в центре внимания, на них пялили глаза, но испуга в них не было видно. Скорее наоборот, на двух вооруженных до зубов охотников глазели с удивлением и любопытством. И ему, признавался Доде, стало стыдно: а что, если здесь нет никаких львов?

Сомнения (перешедшие почти в уверенность) в том, что напрасно ждать встречи с грозным хищником, не мешали, однако, Доде надеяться на это. С наступлением ночи не раз он трепетал, стоя на коленях под олеандровым кустом и вглядывался, с очками на носу, в окружающий мрак. «В воздухе высоко взвились ястребы, шакалы бродили вокруг меня и я чувствовал, что ствол моего ружья дрожит, ударяясь о рукоятку охотничьего ножа, воткнутого в землю», — вспоминал писатель в «Истории моих книг». Доде наделит Тартарена этим страхом, этой дрожью перед встречей с царем зверей.

… Засаду на льва, рычание которого он явственно расслышал в ночной тьме, Тартарен устроил по всем правилам в полном соответствии с хорошо известными ему руководствами по охоте — у самого водопоя хищников. У бедняги зуб на зуб не попадал! Нарезной ствол карабина выбивал о рукоять охотничьего ножа, воткнутого в землю, дробь кастаньет… Ничего не поделаешь! Иной раз трудно бывает взять себя в руки, да и потом, если бы герои никогда не испытывали страха, в чем же тогда была бы их заслуга…?

Во всем виновато солнце

Доде искренне радовался и жаркому солнцу, и ласковому морю, и иссиня-белым алжирским домикам, так похожим на уютные виллы Нима и Тараскона, и главное — путешествию по незнакомой стране. Правда, это был совсем не тот Алжир, каким рисовал его себе кузен Рейно — страна чудес, куда он, словно Синдбад Мореход, заброшен счастливой судьбой. Теперь здесь к «ароматам древнего Востока», благодаря вмешательству европейских «цивилизаторов», присоединился «резкий запах абсента и казармы».

Неутомимый собиратель и исследователь человеческих характеров, Альфонс Доде прекрасно видел, что под маской жаждущего подвигов искателя приключений у его спутника скрывается натура обыкновенного мещанина, который лишь пытался прикрыть жалкую фигуру охотника за фуражками грозной тенью истребителя львов. В зеленой тетради появляются наброски контуров будущего образа тарасконского буржуа: «великого» и смешного, «величественного» и ничтожного. С этого времени писатель становится как бы летописцем, историком «непревзойденного тарасконца», провансальского Дон Кихота, — так одно время думал Доде назвать свой роман.

Этот близорукий человек, про которого иные склонны были говорить, что он бредет по жизни словно слепец, обладал особым внутренним зрением. Близорукость физическая восполнялась зоркими глазами души, писательской наблюдательностью.

Записи Доде подчас касаются самых неожиданных сторон характера прототипа, он фиксирует все, что может ему потом пригодиться, вплоть до жестов и особенностей голоса. И все же это была только предпосылка; вывод — типический образ, в котором был бы трансформирован весь накопленный материал, пропущенный сквозь «фильтр» вымысла, — еще предстояло создать.

Оскорбленные прототипы

Низко склонившись над письменным столом, Доде как всегда быстро набрасывает первый вариант, не заботясь об отделке фраз, стиля. Этому он посвящал вторую часть работы над рукописью. И хотя не любил этап переписки, противный его натуре импровизатора, тем не менее уделял ему много времени и старания. Но главным для него было набросать вчерне главы, окружить себя живыми образами, разместить их, установить «фундамент» будущей книги.

Тридцать лет Доде не расставался со своим героем. За это время Тартарен совершил путешествие не только в Африку, он побывал в Альпах («Тартарен в Альпах»), а потом переселился вместе со всеми своими земляками тарасконцами на один из островов далекой Полинезии («Порт-Тараскон») и превратился в его превосходительство Тартарена, губернатора, кавалера ордена Первой степени.

Среди листов бумаги и книг, громоздящихся на рабочем столе Доде, лежит уже знакомая нам старая зеленая тетрадь. В ней собран настоящий гербарий жизненных типов. Тартарен — один из них. Роман о нем появился отнюдь не сразу по возвращении писателя из Алжира. В начале, на основе записей в своей тетради, Доде создал несколько очерков о поездке. А вскоре в середине июня 1863 года «Фигаро» напечатала его новеллу «Шапатен — истребитель львов» — о приключениях тарасконского мещанина, фанфарона и бахвала в Африке. В этом небольшом, остроумном рассказе кузен Рейно уже приобрел черты будущего Тартарена. Однако писатель увидел, что веселый сюжет его рассказа можно развить дальше и что у него для этого предостаточно материала.

Писалось ему легко, весело. Часто из кабинета доносился напев какой-нибудь провансальской песенки, слышался смех.

Мастер импровизации, Доде считал и самого «Тартарена» книгой-импровизацией. Ее особенность он видел прежде всего в своеобразной манере, в том, что она полна жизненной правды— южной правды, уточнял писатель, — которая преувеличивает, но никогда не лжет. Доде стремился к точному, почти документальному изображению жизни. Роман — это история людей, говорил он. Писать о тех, кто никогда не найдет себе историка — это ли не долг художника? И признавался друзьям, что без стеснения начиняет свои книги всем, что доставляют ему жизненные наблюдения. Из-за этого с ним повздорили не только

кузен Рейно, но и вся родня. Зная эту его склонность, репортеры с особым старанием разыскивали прототипы его героев. Дошло до того, что были изданы даже «ключи» к романам Доде — списки известных лиц, якобы изображенных в них. Впрочем, нередко и сами «герои», обиженные тем, что их вывели на страницах книги, поднимали буквально вой, обвиняя автора в преднамеренном оскорблении. Причем, прототипам часто, действительно, не трудно было себя узнать, ибо у Доде была слабость — сохранение имен моделей. В собственных именах он находил нечто характерное, особый отпечаток, напоминающий их владельцев.

В случае с романом «Тартарен из Тараскона» чуть было не дошло до суда.

Подыскивая имя для своего героя, Доде последовал совету одного приятеля и нарек истребителя львов Барбареном. Книга так в начале и должна была называться «Барбарен из Тараскона». Автора, как он признавался, привлекало в этом имени два раскатистых «р», что делало его очень запоминающимся. Под этим именем герой появился и на страницах газеты «Фигаро», где с февраля по март 1870 года публиковалась вторая часть романа (первая, без подписи автора, появилась годом раньше в газете «Пти Монитер»).

Каково же было удивление автора, когда он получил угрожающее послание от проживающего в Тарасконе почтенного семейства Барбаренов! Надо же было случиться такому!

Доде знал людей с такой фамилией в Эксе и Тулоне, но то, что их однофамильцы окажутся и в Тарасконе — это, что ни говорите, предвидеть было трудно.

Тарасконские Барбарены угрожали Доде судом, если он не вычеркнет их имени из этого оскорбительного фарса. Питая инстинктивный страх к судам и правосудию, шутил Доде, он согласился поменять имя Барбарен на Тартарен. Делать это пришлось срочно, уже по корректуре первого книжного издания, увидевшего свет в 1872 году.

Строчка за строчкой писатель просматривал листы верстки, изгоняя букву «б». И все же в спешке некоторые из букв тогда так и остались неисправленными.

Конец вражды

Целое столетие минуло с тех пор, как герой Доде начал свою жизнь на страницах знаменитой книги. Но пришел он сюда из жизни и из фольклора, будучи народным типом, которого, как говорил Анатоль Франс, все знают и который всем близок, ибо он — еще и потомок героев веселых народных легенд.

Память о Тартарене, как о некогда действительно существовавшем провансальце, до сих пор живет среди его соотечественников. Такова сила подлинного искусства.

В наши дни тарасконцы, давно позабыв о своей вражде к автору книги, некогда ославившей их городок, ревностно чтят память своего земляка Тартарена. Бесславие в прошлом ныне для них обернулось славой, а с ней вместе и нежданными доходами — туристы народ щедрый, в особенности если уметь подсунуть им сувенир в виде статуэтки знаменитого охотника за фуражками, предложить «меню а ля Тартарен», или место в кемпинге «Тартарен-пляж». Наш герой живет не только в памяти людей. В честь его тарасконцы каждое лето проводят праздник. Впрочем, праздник существовал издавна и был посвящен деве Марте, по преданию победившей страшное чудовище Тараска (отсюда и название городка), похищавшее местных красавиц.

Во время праздника можно встретить на улице и Тартарена. Это один из горожан, наряженный и загримированный под книжного героя. Говорят, чаще других в этой роли выступает местный мороженщик. В окружении веселой толпы он шествует по Тараскону, направляясь к футбольному полю, где продемонстрирует свое мастерство стрелка по фуражкам. А вечером, когда тарасконцы соберутся в кафе, будут пить вино и танцевать, вы опять встретите Тартарена. Вокруг него снова народ, слышится смех — оказывается, наш герой, верный себе, хвастает победой над Тараской. Ничего не поделаешь, таков уж характер у этого тарасконца.

12. Джон Сильвер

Карта острова сокровищ

Однажды он начертил карту острова. Эта вершина картографии была старательно и, как ему представлялось, красиво раскрашена, изгибы берега придуманного им острова моментально увлекли воображение, перенесли его на клочок земли, затерянной в океане. Оказавшись во власти вымысла, очарованный бухточками, которые пленяли его, как сонеты, Стивенсон нанес на карту названия: холм Подзорной трубы, Северная бухта, возвышенность Бизань-мачты, Белая скала. Одному из островков, для колорита, он дал имя Острова Скелета.

Стоявший рядом Ллойд Осборн, юный пасынок писателя, замирая, следил за рождением этого поистине великолепного шедевра.

— А как будет называться весь остров? — нетерпеливо спросил он.

— Остров Сокровищ, — с бездумностью обреченного изрек автор картины и тут же написал эти два слова в ее правом нижнем углу.

— А где они зарыты? — сгорая от любопытства, таинственным шепотом допытывался мальчик, полностью уже включившийся в эту увлекательную игру.

— Здесь, — Стивенсон поставил большой красный крест в центре карты. Любуясь ею, он вспомнил, как в далеком детстве жил в призрачном мире придуманной им страны Энциклопедии. Ее контуры, запечатленные на листе бумаги, напоминали большую чурку для игры в чижика. С тех пор он не мог себе представить, что бывают люди, для которых ничего не значат географические карты, — как говорил писатель-мореход Джозеф Конрад, сам с истинной любовью их чертивший, — «сумасбродные, но, в общем, интересные выдумки». Для каждого, кто имеет глаза и хоть на грош воображения, при взгляде на карту всегда заманчиво дать волю своей фантазии.

Соблазн дать волю воображению при взгляде на карту нарисованного им острова испытал и Стивенсон. Бросив задумчивый взгляд на его очертания, напоминавшие по контурам вставшего на дыбы дракона, он увидел, как средь придуманных лесов зашевелились герои его будущей книги. У них были загорелые лица, их вооружение сверкало на солнце, они появлялись внезапно, сражались и искали сокровища на нескольких квадратных дюймах плотной бумаги. Не успел он опомниться, признавался писатель, как перед ним очутился чистый лист, и он составил перечень глав. Таким образом, карта

породила фабулу будущего повествования, оно выросло на ее почве.

Итак, карта придуманного Острова Сокровищ побудила взяться за перо, породила минуты счастливого наития, когда слова сами собой идут на ум и складываются в предложение. Впрочем, поначалу Стивенсон и не помышлял о создании книги, рассчитанной, как сейчас говорят, на массового читателя. Рукопись предназначалась исключительно для пасынка и рождалась как бы в процессе литературной игры. Причем, уже на следующий день, когда автор, после второго завтрака, в кругу семьи прочитал начальную главу, в игру включился участник — старый Стивенсон. Взрослый ребенок и романтик в душе, он тотчас загорелся идеей отправиться к берегам далекого острова. С этого момента, свидетельствовал Стивенсон, отец писателя, «учуяв» нечто родственное по духу в его замысле, стал рьяным сотрудником автора. И когда, например, потребовалось определить, что находилось в матросском сундуке Билли Бонса, он едва ли не целый день просидел, составляя опись его содержимого. В сундуке оказались: квадрант, жестяная кружка, несколько плиток табаку, две пары пистолетов, старинные часы, два компаса и старый лодочный чехол. Весь этот перечень предметов Стивенсон целиком включил в рукопись.

Но, конечно, как никого другого, игра увлекла Ллойда. Он был вне себя от затеи своего отчима, решившего сочинить историю о плавании на шхуне в поисках сокровища, зарытого главарем пиратов. Затаив дыхание, мальчик вслушивался в рассказ о путешествии к острову, карта которого лежала перед ним на столике. Однако, теперь эта карта, несколько дней назад рожденная фантазией отчима, выглядела немного по-иному. На ней были указаны широты и долготы, обозначены промеры дна, еще четче прорисованы обозначения холмов, заливов и бухт. Как и положено старинной карте, ее украшали изображения китов, пускающих фонтанчики, и кораблики с раздутыми парусами. Появилась и «подлинная» подпись зловещего капитана Флинта, мастерски выполненная сэром Томасом. Словом, на карте возникли новые скрупулезно выведенные топографические и прочие детали, придавшие ей еще большую достоверность. Теперь можно было сказать, что это самая что ни \ есть настоящая пиратская карта, которая встречалась в описаниях плавании знаменитых королевских корсаров Рели, Дампьера, Роджерса и других. Ллойду казалось, что ему вместе с остальными героями

повествования предстоит принять участие в невероятных приключениях на море и на суше, а пока что он с замиранием сердца слушает байки старого морского волка Билли Бонса о штормах и виселицах, о разбойничьих гнездах и пиратских подвигах в Караибском, или, как он называет его, — Испанском море, о беспощадном и жестоком Флинте, о странах, где жарко, как в кипящей смоле, и где люди мрут, будто мухи, от Желтого Джека — тропической лихорадки, а от землетрясений на суше сюит такая качка, словно на море.

Первые две главы имели огромный успех у мальчика. Об этом автор сообщал в тогда же написанном письме своему другу У. Э. Хенли. В нем он также писал: «Сейчас я занят одной работой, в основном благодаря Ллойду… пишу „Судовой повар, или Остров Сокровищ. Рассказ для мальчишек“. Вы, наверное, удивитесь, узнав, что это произведение о пиратах, что действие начинается в трактире „Адмирал Бенбоу“ в Девоне, что оно про карту, сокровища, о бунте и покинутом корабле, о прекрасном старом сквайре Трелони и докторе и еще одном докторе, о поваре с одной ногой, где поют пиратскую песню „Йо-хо-хо, и бутылка рому“ — это настоящая пиратская песня, известная только команде покойного капитана Флинта…».

По желанию самого активного участника игры — Ллойда, в книге не должно было быть женщин, кроме матери Джима Хокинса. И вообще, по словам Стивенсона, мальчик, бывший у него под боком, служил ему пробным камнем. В следующем письме к Хенли автор, явно довольный своей работой, выражал надежду, что и ему доставит удовольствие придуманная им «забавная история для мальчишек».

Тем временем игра продолжалась. Каждое утро, едва проснувшись, Ллойд с нетерпением ожидал часа, когда в гостиной соберутся все обитатели бремерского дома и Стивенсон начнет чтение написанных за ночь новых страниц.

С восторгом были встречены главы, где говорилось о том, как старый морской волк, получив черную метку, «отдал концы», после чего, наконец, в действие вступила нарисованная карта. Ее-то и пытались тщетно заполучить слепой Пью с дружками. К счастью, она оказалась в руках доктора Ливси и сквайра Трелони. Познакомившись с картой таинственного острова, они решили плыть на поиски клада. Ллойд, в душе отождествлявший себя с Джимом, бурно возликовал.

И вот быстроходная и изящная «Испаньола», покинув Бристоль, на всех парусах идет к Острову Сокровищ. Румпель лежит на полном ветре, соленые брызги бьют в лицо, матросы ставят бом-кливер и грот-брамсель, карабкаются, словно муравьи,

по фок-мачте, натягивают шкоты. А сквозь ревущий ветер слышатся слова старой пиратской песни: «Йо-хо-хо, и бутылка рому…»

Так, в атмосфере всеобщей заинтересованности, будто сама собой рождалась рукопись будущего «Острова Сокровищ». Не было мучительного процесса сочинительства, признавался позже Стивенсон, приходилось лишь спешить записывать слова, чтобы продолжить начатую игру. Вот когда в полной мере проявилась давняя его страсть придумывать и связывать воедино несуществующие события. Задача заключалась в том, чтобы суметь вымысел представить в виде подлинного факта.

Факт и вымысел в «Острове сокровищ»

Вернемся однако к словам Стивенсона о том, что его знаменитая повесть о поисках сокровищ рождалась как бы сама собой и что события, происходящие на ее страницах, так же, как и придуманная им карта, — лишь плод писательской фантазии. Следует ли в этом случае доверять словам автора? Действительно ли «Остров Сокровищ», как говорится, чистая выдумка? В том, что это не так, можно убедиться, обратившись к самому роману. Прежде всего в книге довольно отчетливо просматривается литературный фон, на что, собственно, указывал и сам автор.

Впрочем, для начала уточним, в чем же «признался» сам автор? Нисколько не скрывая, Стивенсон засвидетельствовал, что на него оказали влияние три писателя: Даниель Дефо, Эдгар По и Вашингтон Ирвинг. Не таясь, он открыто заявил, что попугай перелетел в его роман со страниц «Робинзона Крузо», а скелет — «указатель», несомненно, он заимствовал из рассказа Э. По «Золотой жук». Но все это мелочи, ничтожные пустяки, мало беспокоившие писателя. В самом деле, никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. К тому же «краденое яблочко всегда слаще», — шутил в связи с этим Стивенсон.

Однако, что значит — «писатель воспользовался» или «автор заимствовал»? Примеров вольного или невольного заимствования можно привести сколько угодно, но они еще не говорят о плагиате.

Одним словом, если говорить о заимствовании, то следует признать, что нередко это — способность вдохновляться чужими образами и создавать, а точнее пересоздавать на этой основе произведения, часто превосходящие своими достоинствами первоисточник. Справедливо сказано: все, что гений берет, тотчас же становится его собственностью, потому что он ставит на это свою печать.

Неповторимая стивенсоновская печать стоит и на «Острове Сокровищ». Что бы ни говорил автор о том, что весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей первых глав его книги навеяны В. Ирвингом, произведение Стивенсона абсолютно оригинально и самостоятельно. И не вернее ли будет сказать, что оба они, В. Ирвинг и Р. Л. Стивенсон, как, впрочем, и Э. По, пользовались в качестве источника старинными описаниями деяний пиратов, читали об их похождениях и дерзких набегах, о разбойничьих убежищах и флибустьерской вольнице, ее нравах и

суровых законах.

К тому времени в числе подобных «правдивых повествований» наиболее известными и популярными были два сочинения: «Пираты Америки» А. О. Эксквемелина, — книга, написанная участником пиратских набегов и изданная в 1678 году в Амстердаме, но очень скоро ставшая известной во многих странах и не утратившая своей ценности до наших дней, и «Всеобщая история грабежей и убийств, совершенных наиболее известными пиратами», опубликованная в Лондоне в 1724 году неким капитаном Чарлзом Джонсоном, а на самом деле, как предполагают, скрывшимся под его именем Даниелем Дефо, выступившим в роли компилятора известных ему подлинных историй о морских разбойниках.

В этих книгах рассказывалось о знаменитых «пенителях морей» Генри Моргане и Франсуа Лолоне, об Эдварде Тиче по кличке Черная борода и о Монбаре, прозванного Истребителем — всех не перечислить. И неслучайно к этим же надежным первоисточникам прибегали многие сочинители «пиратских» романов. Со слов самого Стивенсона известно, что у него имелся экземпляр джонсоновских «Пиратов» — одно из более поздних изданий.

Что касается В. Ирвинга, то, действительно, некоторые его новеллы из сборника «Рассказы путешественника» повлияли на Стивенсона, в особенности те, что вошли в раздел «Кладоискатели». Во всех новеллах этой части сборника речь идет о сокровищах капитана Кидда. Одна из них так и называется «Пират Кидд», где говорится о захороненном разбойничьем кладе.

В этом смысле, можно сказать, легенда о поисках сокровищ капитана Кидда направила фантазию Стивенсона на создание романа о зарытых на острове миллионах, как направила она воображение Э. По, автора новеллы «Золотой жук», использовавшего в ней «множество смутных преданий о кладах, зарытых Киддом и его сообщниками где-то на атлантическом побережье».

Сокровища капитана Кидда

Сегодня без упоминания имени Уильяма Кидда не обходится ни одна книга, посвященная истории морского пиратства.

Кто же был этот капитан Кидд? Чем он так прославился? И действительно ли где-то зарыл свои сокровища?

История его началась в сентябре 1696 года, когда быстроходная тридцатипушечная «Эдвенчэр гэлли» («Галера приключений») покинула нью-йоркский порт. На борту ее находилось сто пятьдесят человек команды во главе с капитаном Киддом.

С конца XV века действовал особый способ борьбы с пиратами. Придумал его Генрих VII. Заключался он в следующем. Капитаны кораблей, которые желали на свой страх и риск бороться с морскими разбойниками, получали на это королевскую грамоту. По существу, это был тот же разбой, но «узаконенный». В каперской грамоте, полученной Киддом, говорилось о том, что ему дозволено захватывать «суда и имущество, принадлежащие французскому королю и его подданным». В то же время ему поручалось уничтожать пиратов и их корабли на всех морях. С этим документом, подписанным самим королем, и отправился Кидд в долгое и опасное плавание.

Поначалу плавание проходило без особых происшествий. Обогнув мыс Доброй Надежды, «Эдвенчэр гелли» вышла на просторы Индийского океана. Дни шли за днями, но ни пиратов, ни вражеских французских кораблей встретить не удавалось. Не пришлось повстречаться и с коллегами по заданию.

Между тем запасы провианта у Кидда уменьшались, начались болезни, а с ними и недовольство матросов. Но вот, наконец, на горизонте показался парус. Капер пустился в погоню. К досаде матросов, это оказалось английское судно. Кидд, проверив документы, позволил ему следовать дальше. Решение капитана, однако, пришлось не по душе многим из команды. Особенно возмущался матрос Мур, требовавший захватить и ограбить судно, плывшее под британским флагом.

Несмотря на то, что с тех пор Кидду везло — он повстречал и ограбил немало судов, — матросы продолжали роптать. Их недовольства не унял ни захват двух французских судов, ни удачная встреча с «Кведаг мерчэнт» — большим кораблем с грузом почти на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Капитан Кидд можно сказать, с чистой совестью обобрал неприятеля, так как среди захваченных судовых документов были обнаружены французские паспорта. Это означало, что часть груза, а,

возможно, и все судно принадлежало французам.

К этому моменту стало ясно, что «Эдвенчэр гэлли» нуждается в ремонте. Чиниться отправились на Мадагаскар, захватив с собой и два трофейных судна. Здесь и произошли события, в которых до сих пор не все еще ясно. Несомненно одно — команда взбунтовалась, сожгла два из трех судов, после чего присоединилась к пиратскому капитану Калифорду. С немногими верными матросами и частью добычи в тридцать тысяч фунтов Кидду удалось на «Кведаг мерчэнт» уйти от преследования. Спустя несколько месяцев, потрепанное штормами судно Кидда бросило якорь в гавани одного из островов Караибского моря. Матросы, посланные на берег за пресной водой, вернулись с дурной вестью. Они сообщили, что капитан Кидд объявлен пиратом.

Решив, что произошло недоразумение, уверенный в своей невинности, Кидд поспешил предстать пред губернатором Нью-Йорка, посвященным в дело, Беллемонтом. Правда, на всякий случай, накануне визита он закопал на острове Гардинер кое-какие ценности.

Кидд был поражен, когда услышал список своих «преступлений». Он-де грабил всех без разбора и захватил множество кораблей, проявлял бесчеловечную жестокость по отношению к пленникам, скопил и укрыл огромное богатство. Узнал он и о том что на его розыски были снаряжены военные корабли и что всем матросам, плававшим с ним, кроме него самого, объявили об амнистии. Так родилась легенда о страшном пирате Кидде, на самом деле ничего общего не имеющая с подлинной жизнью капитана.

Дальше события развивались в соответствии с инструкцией, полученной из Лондона. В ней предписывалось «указанного капитана Кидда поместить в тюрьму, заковать в кандалы и запретить свидания…»

Корабль его был конфискован. Когда в надежде на богатую добычу портовые чиновники спустились в его трюм, он оказался пустым. Сокровища исчезли.

В мае 1701 года, после того как Кидда доставили в английскую столицу, состоялся суд, скорый и неправый. Подсудимому отказали даже в праве иметь защитника и выставить свидетелей. Несмотря ни на что, Кидд пытался защищаться, утверждал, что все захваченные им корабли были неприятельскими, На них имелись французские документы. — Где же они? — спрашивали судьи. Кидд заявил, что передал их Беллемонту. Тот же наотрез отрицал этот факт. Стало ясно, что бывшие партнеры по «синдикату» предали капитана. Почему?

Видимо, опасаясь разоблачения со стороны оппозиции, которая и без того усилила нападки на министров тогдашнего правительства за содействие «пиратам».

Уильям Кидд так и не признал себя пиратом. Его повесили 23 мая 1701 года. А через два с лишним столетия в архиве были найдены те самые документы, от которых зависела судьба Кидда. Кто-то, надо полагать специально, припрятал их тогда, — в их интересы не входило спасать какого-то капитана.

Злосчастные документы, хотя и с опозданием, нашлись, а сокровища Кидда? Их еще тогда же пытался захватить Беллемонт. Для этого он поспешил допросить матросов с «Квадег мерчэнт». Но они, узнав об аресте своего капитана, сожгли корабль и скрылись.

С тех пор, порожденный легендой о «страшном пирате», образ капитана Кидда вдохновляет писателей, а его призрачные сокровища не дают покоя кладоискателям — ремеслу столь же древнему, как и сам обычай прятать ценности.

Прообраз Долговязого Джона

Легенда о кладе капитана Кидда направила и воображение Стивенсона. Однако в рукописи, которая создавалась им в ненастные дни уходящего лета 1881 года, имя Кидда лишь упоминается два-три раза. Говорится о том, что он в свое время заходил на остров, куда держит путь «Испаньола». Но хотя только и упомянутое, имя его вводит читателя в подлинную атмосферу пиратских подвигов и зарытых на острове таинственных сокровищ. Точно так же, как и рассказы Джона Сильвера — сподвижника Флинта и других, действительно существовавших джентльменов удачи, привносят в повествование особую достоверность. Иными словами, историко-бытовому и географическому фону Стивенсон придавал немалое значение, стремясь свой вымысел представить в виде подлинного события.

Какие же другие факты стоят за страницами книги Стивенсона? Что помогло ему сделать вымысел правдоподобным, укоренив его в реальности?

Помимо книг о пиратах, Стивенсон проявлял интерес к жизни знаменитых английских флотоводцев. И незадолго до того, как приступил к своему роману, он написал довольно большой очерк «Английские адмиралы». В этом очерке речь шла о таких «морских львах», как Дрейк, Рук, Босковен, Родни. Упоминает Стивенсон и адмирала Эдварда Хоука. Того самого «бессмертного Хоука», под начальством которого якобы служил одноногий Сильвер — едва ли не самый колоритный и яркий из всех персонажей «Острова Сокровищ». По его словам, он лишился ноги в 1747 году, в битве, которую выиграл Хоук. В этом же сражении другой пират Пью «потерял свои иллюминаторы», то есть зрение. Однако, как выясняется, все это сплошная неправда. Свои увечья и долговязый Джон Сильвер и Пью получили, совершая иные «подвиги». В то время, когда они занимались разбойничьим промыслом и плавали под черным стягом знаменитых капитанов Ингленда, Флинта и Робертса.

Кстати сказать, имена пиратов, которые действуют в романе Стивенсона, в большинстве своем подлинные, они принадлежали реальным лицам.

Небезынтересно и такое совпадение: свою рукопись Стивенсон вначале подписал «Джордж Норт» — именем подлинного капитана пиратов. Начинал свою карьеру этот флибустьер корабельным коком на капере, потом был, как и Джон Сильвер, квартирмейстером, а затем уже главарем разбойников.

Рассказывая, сколько повидал на своем веку его попугай по

кличке «Капитан Флинт», Джон Сильвер, в сущности, пересказывает свою биографию: плавал с прославленным Инглендом, бывал на Мадагаскаре, у Малабарского берега Индии, в Суринаме, бороздил воды Испанского моря, высаживался на Провиденсе, в Порто-Белло. Наконец, разбойничал в компании Флинта — самого кровожадного из пиратов.

У Долговязого Джона имелся еще один прототип. На него указал сам автор. В письме, написанном в мае 1883 года, Стивенсон писал: «Я должен признаться. На меня такое впечатление произвели ваша сила и уверенность, что именно они породили Джона Сильвера в „Острове Сокровищ“. — Конечно, — продолжал писатель, — он не обладает всеми теми достоинствами, которыми обладаете вы, но сама идея покалеченного человека была взята целиком у вас».

Кому было адресовано это письмо? Самому близкому другу писателя одноногому Уолтеру Хенли, рыжебородому весельчаку и балагуру.

Не так просто было автору решиться вывести лучшего приятеля в образе велеречивого и опасного авантюриста. Конечно, это могло доставить несколько забавных минут: показать своего друга, которого очень любил и уважал, откинуть его утонченность и все достоинства, ничего не оставив кроме силы, храбрости, сметливости и неистребимой общительности, и попытаться найти им воплощение где-то на уровне, доступном неотесанному мореходу. Однако можно ли, продолжал спрашивать самого себя Стивенсон, вставить хорошо знакомого ему человека в книгу? Но подобного рода «психологическая хирургия», по его словам, весьма распространенный способ «создания образа». Не избежал искушения применить этот способ и автор «Острова Сокровищ». Благодаря этой «слабости» писателя и появился на свет Долговязый Джон — самый сильный и сложный характер в книге.

Рождение книги

Писатель сидит за рабочим столом, плечи укрыты старым шотландским пледом — в доме сыро и зябко. Таким предстает Р. Л. Стивенсон на фотографии, сделанной Ллойдом. На минуту, оторвав перо от листа бумаги, писатель задумался. Взгляд певца приключений и дальних дорог смотрит мимо нас. Может быть, перед ним возникают картины воспоминаний? И думает он вовсе не о своей писательской судьбе, а о лодочных прогулках в открытом море, о плавании на яхте в океане, о походах под парусами по бурному Ирландскому морю. В голубой дымке он видит очертания холмов солнечной Калифорнии, где не так давно побывал, золотистые, стройные, как свечи, сосны, буйную тропическую зелень и розовые лагуны. Он любил странствования и считал, что путешествия — один из величайших соблазнов мира. Увы, чаще ему приходилось совершать их в своем воображении.

Вот и сейчас вместе со всеми героями он плывет к далекому острову, на котором, собственно, никогда и не был. Впрочем, так ли это? Верно ли, что и сам остров и его природа — лишь плод фантазии писателя?

Если говорить о ландшафте Острова Сокровищ, то нетрудно заметить общее у него с калифорнийскими пейзажами. По крайней мере такое сходство находит мисс Анна Р. Исслер. Она провела на этот счет целое исследование и пришла к выводу, что Стивенсон использовал знакомый ему пейзаж Калифорнии при описании природы своего острова, привнеся, тем самым, на страницы вымысла личные впечатления, накопленные во время скитаний. А сам остров? Существовал ли его географический прототип?

Когда автор в бремерском доме читал главы своей повести об отважных путешественниках и свирепых пиратах, отправившихся в поисках клада к неизвестной земле, вряд ли он тогда мог определить координаты Острова Сокровищ. Возможно, поэтому мы знаем все об острове, кроме его точного географического положения. «Указывать, где лежит этот остров, — говорит Джим, от имени которого ведется рассказ, — в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли оттуда». Эти слова как бы объясняли отсутствие точного адреса, но отнюдь не убавили охоты некоторых особенно доверчивых читателей отыскать «засекреченный» писателем остров с сокровищами.

По описанию, это тропический оазис среди бушующих волн. Но где именно? Книга ответа на это не дает. Однако, как утверждает молва, Стивенсон изобразил вполне реальную землю — остров Пинос, расположенный южнее Кубы. Он был открыт Колумбом в 1494 году в числе других клочков земли, разбросанных по Караибскому морю. Здешние острова с тех давних времен служили прибежищем пиратов: Тортуга, Санта-Каталина (о. Провиденс), Ямайка, Испаньола (Гаити), Невис. Не последнее место в числе этих опорных пиратских баз занимал и Пинос.

Пинос видел каравеллы Френсиса Дрейка и Генри Моргана, Рока Бразильца и Ван Хорна, Бартоломео Португальца и Пьера Француза и многих других джентльменов удачи. Отсюда черно-знаменные корабли выходили на охоту за галионами испанского Золотого флота, перевозившего в Европу золото и серебро Америки. Флаг с изображением черепа и костей господствовал на морских путях, пересекающих Караибское море, наводил ужас на торговых моряков, заставлял трепетать пассажиров.

Сегодня на о. Пинос в устье небольшой речушки Маль-Паис можно увидеть, как уверяют, останки шхуны, весьма будто бы похожей на ту, которую описал Стивенсон. Корабельный остов, поросший тропическим кустарником, — это можно сказать, один из экспонатов на открытом воздухе здешнего, причем, единственного в мире музея, посвященного истории пиратства.

Впрочем, слава Пиноса как географического прототипа стивенсоновского Острова Сокровищ оспаривается другим островом. Это право утверждает за собой Рум — один из островов архипелага Лоос — по другую сторону Атлантики, у берегов Африки около гвинейской столицы. В старину и здесь базировались пираты, кренговали и смолили свои разбойничьи корабли, пережидали преследование, пополняли запасы провианта. Пираты, рассказывают гвинейцы, наведовались сюда еще сравнительно недавно. В конце прошлого века здесь повесили одного из последних знаменитых флибустьеров.

Сведения о Руме проникли в Европу и вдохновили Стивенсона. Он довольно точно описал остров в своей книге, правда, перенес его в другое место океана, утверждают жители Рума.

А как же сокровища, спрятанные морскими разбойниками? Их искали, но также безрезультатно. Да ценность острова Рум отнюдь не в сомнительных кладах. Его предполагают превратить в туристский центр, место отдыха для гвинейцев и зарубежных гостей.

Вера в то, что Стивенсон описал подлинный остров (а значит,

подлинно и все остальное), со временем породило легенду. Сразу же, едва распродали 5600 экземпляров первого издания «Острова Сокровищ», прошел слух, что в книге рассказано о реальных событиях. Естественная, умная достоверность вымышленного сюжета, действительно, выглядит как реальность, ибо известно, что «никогда писатель не выдумает ничего более прекрасного, чем правда».

Уверовав в легенду, читатели и прежде всего всякого рода искатели приключений, начали буквально одолевать автора просьбами. Они умоляли, требовали сообщить им истинные координаты острова — ведь там еще оставалась часть невывезенных сокровищ. О том, что и остров, и герои — плод воображения, не желали и слышать.

Как-то однажды под вечер стены тихого бремерского дома огласились криками. Заглянув в гостиную, Фенни, жена писателя, улыбнулась: трое мужчин, наряженные в какие-то неимоверные костюмы, возбужденные, с видом заправских матросов горланили пиратскую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!…

При взгляде на то, что творилось в комнате, нетрудно было понять, что наступил тот кульминационный момент, когда литературная игра приняла, можно сказать, материальное воплощение.

Посредине гостиной стулья, поставленные полукругом, обозначали что-то вроде фальшборта. На носу — бушприт и полный ветра бом-кливер, сооруженные из палки от швабры и старой простыни. Раздобытое в каретном сарае колесо превратилось в руль, а медная пепельница — в компас. Из свернутых трубой листов бумаги получились прекрасные пушки — они грозно смотрели из-за борта.

Одним словом, Стивенсон жил в мире героев рождавшейся книги. И можно предположить, что ему не раз казалось, будто он и в самом деле один из них. Мечтатель Стивенсон щедро наделял себя в творчестве всем, чего ему недоставало в жизни. Прикованный часто к постели, он отважно преодолевая удары судьбы, безденежье и литературные неудачи тем, что отправлялся на крылатых кораблях в безбрежные синие просторы, совершал смелые набеги из Обинбургского замка, сражался на стороне вольнолюбивых шотландцев. Романтика звала его в дальние дали. Увлекла она в плавание и героев «острова сокровищ».

Теперь он жил одним желанием, чтобы они доплыли до

острова и нашли клад синерожего Флинта. Ведь самое интересное, по его мнению, — это поиски, а не то, что случается потом. В этом смысле ему было жаль, что А. Дюма не уделил должного места поискам сокровищ в своем «Графе Монте-Кристо». «В моем романе сокровища будут найдены, но и только», — писал Стивенсон в дни работы над рукописью.

Кончилось лето, наступил октябрь. Спасаясь от сырости и холодов, Стивенсон перебрался на зиму в Давос. Здесь, в швейцарских горах, к нему и пришла вторая волна счастливого наития. Слова вновь так и полились сами собой из-под пера. С каждым днем он, как и раньше, продвигался на главу.

И вот плавание «Испаньолы» завершилось. Кончилась и литературная игра в пиратов и поиски сокровищ. Родилась прекрасная книга, естественная и жизненная, написанная мастером.

13. Шерлок Холмс

Эти странные «холмсоведы»

В голландском городе Дельфсейле в 1966 году был установлен памятник полицейскому комиссару Мегрэ — герою романов Жоржа Сименона. В маленький городок съехались издатели и писатели, актеры-исполнители роли Мегрэ в кино. Присутствовал и сам Сименон, однако, героем торжества стал не он, а комиссар Мегрэ, родившийся именно здесь, в Дельфсейле, что и удостоверил бургомистр города. Торжественно вручил он писателю метрическое свидетельство, где черным по белому значилось: «Мегрэ, Жюль, родился в Дельфсейле 20 февраля 1928 года в возрасте 44 лет. Отец — Жорж Сименон, мать — неизвестна».

Пожалуй, ни у кого из книжных персонажей родословная не разработана так, как у знаменитого Шерлока Холмса. Впрочем, попробуйте только заикнуться, что Шерлок Холмс — вымышленный образ. В ответ поклонники Холмса приведут столько аргументов, что невольно встанешь в тупик. И, действительно, возможно ли, чтобы о литературном герое появились, скажем, такие исследования, как «Частная жизнь Шерлока Холмса», «Шерлок Холмс и музыка», или «Шерлок Холмс и химия»? Разве есть музеи, посвященные книжным героям? А между тем, в одном только Лондоне существует несколько таких мемориальных комнат-музеев, где вам вполне серьезно будут доказывать, что здесь обитал прославленный сыщик.

Приходилось ли кому-нибудь слышать о том, что в честь литературного персонажа создавались журналы и даже целые организации его имени. Однако в Лондоне есть «Общество Шерлока Холмса», выходит журнал «Бейкер-стрит джорнел», в Америке — общество «Добровольцы Бейкер-стрит», «Клуб Пестрой ленты» и еще множество других союзов и клубов, носящих имя великого сыщика или названия его рассказов.

Нашлись современные «холмсоведы», которые утверждают, будто автором всех приключений Шерлока Холмса был не Конан Дойль, а не кто иной, как сам доктор Уотсон. Две же новеллы якобы принадлежат самому Холмсу, так же как и многочисленные труды по криминалистике, музыковедению и пчеловодству. Дотошные «холмсоведы» сделали не одно подобное сенсационное открытие, раскопали множество «фактов» биографии сыщика. О том, например, что он был знаком с известным писателем Льюисом Кэрроллом, автором знаменитой сказки «Алиса в Стране Чудес», что он встречался со многими другими выдающимися людьми своего времени и что, умер сравнительно недавно,

прожив более ста лет. Известна будто бы даже точная дата, когда это случилось — шестого января 1957 года. Словом, как пишет английский журнал «Зис уорлд», убедить поклонников Шерлока Холмса в том, что их героя никогда не существовало, невозможно, для них он самый что ни на есть на свете реальный человек, который действительно жил в английской столице и был известен многим.

Попробуем пройтись по местам литературного героя — Шерлока Холмса. Для этого перенесемся в Лондон и совершим по нему небольшое путешествие. Начнем, пожалуй, с самого знаменитого — квартиры сыщика на Бейкер-стрит.

Полицейский квартал Бейкерлоо нисколько не удивится вашим словам: «где находится дом Шерлока Холмса?». Он привык к подобным вопросам — множество людей отправляется на поиски знаменитого детектива. Но когда вы окажетесь на Бейкер-стрит, ваше положение несколько осложнится. Кирпичные дома как один похожи друг на друга. На помощь их жильцов не очень рассчитывайте. Все они решительно станут уверять, что именно в их доме Шерлок Холмс открыл свою контору. Если же обратиться к швейцару дома № 221-б, то он вполне авторитетно заявит, что именно в этом доме обосновался детектив. А вот и доказательство: в 1954 году здесь была восстановлена квартира двух приятелей и на стене дома укреплена мемориальная доска, которая подтверждает, что здесь с 1881 по 1903 год жил и работал знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс.

Семнадцать ступенек (подтверждение того, что Шерлок Холмс жил здесь— однажды он поставил в тупик Уотсона, задав ему вопрос о количестве ступенек в их доме; по его подсчетам их было семнадцать) пройдены, и вы в кабинете господина Холмса и его друга доктора Уотсона. Представим себе, что на дворе зима, за окнами навис густой лондонский туман, едва пробиваемый газовыми фонарями. Доносится гул Сити, цокот лошади, крики разносчика, звуки шарманки, словом, шум, характерный для английской столицы конца прошлого столетия (сегодня этот шум воспроизводится с помощью магнитофона). Пять часов дня — время обычного чаепития — традиции столь же древней. как и сама Англия. Видимо, этим как раз и были заняты хозяева накануне нашего прихода. Об этом говорят чашки с недопитым чаем на столе, сахарница, молочник. Тут же на столе — отмычки, две револьверные пули. Словом, тот беспорядок, который всегда вызывал неудовольствие у доктора Уотсона. Судя по всему, Шерлок Холмс и его друг вынуждены были в спешке покинуть свою квартиру. Причем настолько быстро, что аккуратист Уотсон

даже забыл положить свой стетоскоп в самшитовый футляр, тот самый, из-за которого шляпа доктора всегда торчала горбом (в те времена врачи носили свои стетоскопы под головным убором). Воспользуемся отсутствием хозяев и продолжим осмотр.

На великолепном викторианском камине, среди трубок, кисетов с табаком, перочинных ножичков, луп и наручников можно увидеть небольшую безобидную на вид коробочку из слоновой кости. Однако именно она чуть было не убила Шерлока Холмса, о чем рассказано в «Умирающем детективе». В коробочке находилась иголка с ядом, которая выскакивала оттуда, стоило лишь приоткрыть крышку. Нельзя не обратить внимание и на персидскую туфлю, в которой «великий сыщик» хранил табак. А если заглянете в ведро с углем, то там, как вы и ожидали, обнаружатся сигары. Прямо на полу разложена карта района Дортмунда — с ее помощью Холмс распутывал дело Баскервильской собаки. А вот и пистолет, потерянный на краю пропасти Рейхенбах, во время схватки с хитрым профессором Мориарти. Рядом любимица Холмса «Страдивари» — скрипка, на которой он так любил играть. Возле окна бюст Шерлока Холмса. Это копия того самого бюста, что описан в рассказе «Пустой дом». Оригинал, как вы помните, был разбит пулей полковника Морана.

Покинем уютный кабинет на Бейкер-стрит и отправимся дальше «по следам Шерлока Холмса». От Бейкер-стрит до Трафальгарской площади не так уж далеко. Цель нашего путешествия — соседняя с площадью узкая тихая улочка, в конце которой стоит четырехэтажное здание. Еще издали замечаешь вывеску со знакомым изображением сыщика. Сегодня здесь расположен бар Шерлока Холмса. Описание этого места не раз встречается в рассказах о нем. В гостинице, когда-то находившейся в этом доме, Холмс часто останавливался со своим другом. Здесь висят портреты всех киноактеров, которые, начиная с 1908 года, играли роль сыщика в многочисленных фильмах о его приключениях (более ста двадцати). Представлена внушительная коллекция пистолетов Холмса и один, огромный— доктора Уотсона. Зловещие апельсиновые зернышки вызывают в памяти страшные события, описанные в рассказе «Пять апельсиновых зернышек». Пара наручников, принадлежащих инспектору Лестрейду, образцы сигарного пепла, о чем Холмс написал целое исследование. Маска-морда собаки Баскервилей со светящимися глазами. На втором этаже бара, за стеклянной перегородкой, в точности воссоздана обстановка комнаты на Бейкер-стрит. Тусклый свет керосиновой лампы. Плетеное кресло,

словно дожидается своего хозяина; домашние туфли, халат, трубки, словом, все «доспехи», без которых невозможно представить нашего героя. И когда смотришь на серую в клетку крылатку и каскетку, висящие за дверью, на забытый стетоскоп Уотсона, на все эти вещественные «доказательства» и «улики», кажется, что дверь вот-вот откроется и на пороге возникнут друзья, уставшие после изнурительных поисков убийцы, и миссис Хадсон бросится накрывать на стол.

И, действительно, дверь открывается, и в бар входят детективы — любители пропустить стаканчик-другой после дежурства, которое они несут в расположенном неподалеку старом здании Скотланд-Ярда. Говорят, что вступающие на эту службу считают своим долгом прийти сюда на поклон к Шерлоку Холмсу, великому литературному собрату по профессии…

Поистине, удивительная судьба у иных литературных героев.

Читатели свято верят в их реальное существование. К этим персонажам, как мы убедились, относится и бессмертный Шерлок Холмс.

Подлинный Шерлок Холмс

Среди выпускников медицинского факультета Эдинбургского университета 1881 года значится имя Артура Конан Дойля. Получив диплом врача, Артур, которому тогда было едва за двадцать, решил продолжать совершенствоваться на поприще медицины. Первым условием для этого была практика. И вот вскоре на одной из дверей в пригороде Портсмута появилась до блеска начищенная медная табличка: Конан Дойль, врач и хирург. Молодой доктор стал поджидать пациентов. Однако время шло, а посетителей можно было пересчитать буквально по пальцам. Напрасно молодой медик с укором и мольбой поглядывал на фотографию своего учителя доктора Джозефа Белла, стоявшую у него на камине. Его учитель профессор Королевского госпиталя в Эдинбурге, пользовавшийся у студентов огромной популярностью, не в силах был ему помочь. И все же старый учитель пришел на помощь своему питомцу. Правда, помог он ему не в обеспечении клиентурой, а в другом…

Еще в университете Конан Дойль увлекся рассказами американского писателя Эдгара По, родоначальника детективного жанра. Герой Э.По сыщик Дюпен с его методом дедуктивного мышления и логическим анализом напоминал чем-то Джозефа Белла, его метод изучения пациента. В этом смысле профессор был феноменальной личностью, во многом превосходившей героя Э. По. Он часто поражал студентов, в том числе и своего любимого ученика Конан Дойля, необыкновенной проницательностью, умением исключительно по внешнему виду человека поставить не только диагноз, но и прочитать по выражению лица, глаз, по одежде и обуви его биографию, рассказать о нем то, чего, казалось бы, никак нельзя было предугадать при первом взгляде. Что касается взгляда Белла, то он, словно рентгеновские лучи, проникал внутрь пациента. Профессор, с непроницаемым, как у индейца, лицом, ставил диагноз еще до того, как больной успевал раскрыть рот. Это производило ошеломляющее впечатление, вспоминал позже Конан Дойль. Казалось чем-то сверхъестественным. А между тем, уверял Белл, все дело лишь в наблюдательности, в умении по внешним признакам делать логические выводы. «Пускайте в ход силу дедукции», — часто повторял он. И демонстрировал свой метод «расшифровки»…

Свой дедуктивный метод Белл, старался привить и ученикам. Для многих из них сравнительно молодой еще тогда профессор был кумиром и беспрекословным авторитетом. Эту его репутацию

укрепляли и другие качества характера Белла, а также его скромный образ жизни и поступки. Было известно, что Белл был потомком пяти поколений шотландских хирургов. Начинал он простым санитаром, в двадцать один год, едва окончив университет, имел медицинскую степень, а в двадцать шесть — читал уже лекции, не забывая, однако, и о практике. Как врач он отличался глубокими знаниями и смелостью. Не раздумывая, он высосал однажды пленки из горла у ребенка больного дефтеритом. Болезни ему избежать удалось, но голос после этого был поврежден на всю жизнь.

Самое же, пожалуй, удивительное состояло в том, что молва о способности Джозефа Белла разгадывать тайны человеческих заболеваний, приводила к нему пациентов совсем по другим поводам. К нему стали обращаться при сложной ситуации, искали его совета, просили помочь распутать жизненный клубок, проникнуть в ту или иную загадку. Нередко к его помощи прибегала и местная полиция, где Д. Белл значился как сыщик-консультант. Разгадка преступлений, можно сказать, была его хобби. К тому же это давало возможность проверить его метод в другой области — в криминалистике. Однако несмотря на то, что Белл почти двадцать лет сотрудничал с полицией и помогал в расследованиях своему приятелю профессору судебной медицины и полицейскому врачу Генри Литтлджону, он оставался всего-навсего бескорыстным сыщиком-любителем. Что касается его метода, то и в уголовном деле он принес блестящие результаты — на счету Белла было не одно раскрытое преступление, а память хранила множество случаев из уголовной хроники. Неудивительно, что молодой ассистент Конан Дойль стал поклонником и последователем метода Белла.

В дни вынужденного бездействия, когда не было пациентов, Конан Дойль трудился над листом бумаги. Он задумал создать образ сыщика иного, можно сказать, высшего типа, более умного и талантливого, чем Дюпен, обладающего острой наблюдательностью, умеющего видеть и при помощи анализа и дедукции делать единственно верный вывод. О преступлениях, раскрытых этим вымышленным сыщиком, он и будет рассказывать. Вернее, не о раскрытых преступлениях — не это будет главным в его повествовании, а о приключениях человеческой мысли, которая раскрывает преступления. В его памяти сохранилась почти готовая живая модель его будущего героя.

Конан Дойль не отрицал, что старый учитель Джозеф Белл послужил прототипом его героя. Напротив, считал, что ему здорово повезло, ибо в жизни нашелся прообраз его будущего

героя. Правда, вскоре после смерти писателя, сын Адриан решил опровергнуть слова отца. Он полагал, что наличие прототипа умаляет заслугу автора в создании знаменитого литературного персонажа. Тогда дочь Д. Белла представила письма писателя к ее отцу. В них черным по белому говорилось о том, что Холмс во многом списан с профессора Белла.

После этого Адриану Конан Дойлю ничего не оставалось, как признать на страницах эдинбургской газеты «Ивнинг ньюс», что «Шерлок Холмс только литературный слепок доктора Белла».

Даже внешне Конан Дойль сделал своего героя похожим на бывшего учителя. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на фотографию эдинбургского профессора: очень худой, с острым, пронизывающим взглядом серых глаз, тонкий орлиный нос, энергичное выражение лица.

Однако, чтобы создать образ сыщика, мало было описать его внешность. Требовалось показать его в действии, на примерах продемонстрировать силу метода, которым он пользовался при раскрытии преступлений. А для этого нужны были не только познания в технике полицейского розыска, но и знакомство с материалом, то есть с фактами уголовной хроники, которые питали бы фантазию автора. И в этом Джозеф Белл оказал писателю немалую услугу. Еще во время учебы в Эдинбурге Конан Дойль не раз слышал рассказы Д. Белла о тех преступлениях, в раскрытии которых ему доводилось участвовать. Одна из таких историй, собственно, и навела его мысль о создании образа сыщика, наделенного необычайным талантом анализа и дедукции. Но и после того, как Конан Дойль стал уже писателем, он нередко обращался к Д. Беллу с просьбой «подбросить» материал для рассказов, прислать что-нибудь «шерлокхолмсовское». И Джозеф Белл никогда не отказывал в помощи своему ученику. Он подробно излагал обстоятельства какого-либо дела, давал ценные советы, иногда подсказывал сюжет.

Но если Джозеф Белл не отрицал сходства между ним и Шерлоком Холмсом и даже высказывался на этот счет в печати, признавая в методе книжного героя своего последователя, то тот же Джозеф Белл указывал еще на одного прототипа знаменитого сыщика.

С присущей ему наблюдательностью он усматривал глубокое родство между литературным персонажем и самим автором. «Вы и есть подлинный Шерлок Холмс!» — писал он своему ученику. И это была правда. Чем же походил на своего героя его создатель? Отнюдь не внешним видом. Напротив, можно сказать, в этом он был полной его противоположностью. Высокого роста, плечистый,

с широким лицом и добрыми усами — лицо скорее добродушного папаши, чем человека с острым умом и необыкновенной наблюдательностью. А между тем именно эти качества прежде всего роднили Конан Дойля со своим созданием — Шерлоком Холмсом. «Его мозг, — пишет о писателе его сын Адриан, — был огромным складом знаний и фактов», он, как никто, владел методом дедукции и обладал способностью увязывать причину со следствием, точно ставил диагноз болезни по симптомам, умел видеть то, что ускользало от зрения других, словом, это был прирожденный детектив.

Не отрицал этого и сам писатель. Он часто говорил о том, что внутри него живет «умный, зоркий детектив».

Чем больше Конан Дойль писал о Шерлоке Холмсе, тем больше развивались и его собственные способности к дедукции и тем сильнее становилось его косвенное и прямое влияние на криминалистику. Писатель признавался, что не однажды ему удавалось методом Холмса решить проблемы, которые ставили в тупик полицию. Это случалось всякий раз, когда профессиональная полиция оказывалась не в силах распутать какое-либо запутанное дело и вынуждена была прибегать к его помощи, как обращались за помощью и к Шерлоку Холмсу. И тогда всемирно известному писателю приходилось откладывать перо литератора и брать в руки лупу сыщика. Метод его героя действовал безотказно — Конан Дойлю удалось распутать не одно сложное дело, расследовать не одно запутанное преступление. Его репутация в этом смысле приобрела такую известность, что к нему стала обращаться с просьбами полиция других стран. Египетские, американские и французские детективы изучали его метод, систему поисков мельчайших улик. Известный криминалист Э. Локар считал Конан Дойля «поразительным ученым-исследователем».

Походил Конан Дойль на своего героя и еще в одном. Подобно «отшельнику с Бейкер-стрит», Конан Дойль — сыщик-любитель действовал, как правило, бескорыстно, лишь из благородных побуждений. Он вступал обычно в опасную и часто неравную борьбу со злом даже тогда, когда шанс добиться успеха равнялся нулю. И нередко, благодаря настойчивости и неутомимости, оказывался победителем.

Дело о бриллиантовом полумесяце

Летом 1968 года на знаменитом лондонском аукционе Соутби было объявлено о продаже пяти писем Конан Дойля, посвященных так называемому делу Слэйтера. В связи с этим история полувековой давности вновь всплыла на страницах газет — на них замелькали старые потускневшие фотографии. И снова воздавалось должное Конан Дойлю — «рыцарю проигранных процессов и воскрешателю разбитых надежд», как назвал в свое время писателя знаменитый криминалист Уильям Рафед.

В этот раз, однако, для того, чтобы справедливость восторжествовала, Конан Дойлю потребовалось почти два десятка лет.

Оскар Слэйтер, осужденный по делу, как назвал бы его доктор Уотсон, «о бриллиантовом полумесяце» и обвиняемый в убийстве, был реабилитирован и освобожден из тюрьмы после 19 лет заключения.

Это было, пожалуй, одно из самых трудных дел, которым пришлось заниматься Конан Дойлю. Причем трудность его состояла не столько в доказательстве невиновности осужденного, сколько в том, чтобы заставить блюстителей закона пересмотреть дело. На все требования о пересмотре неизменно следовал ничем не мотивированный отказ. А между тем стоило лишь вникнуть в аргументы, выдвигаемые Конан Дойлем, чтобы тотчас же убедиться в том, что Верховный суд на своем заседании в Эдинбурге в мае 1909 года допустил непростительную ошибку, осудив невиновного.

Писателю это стало ясно сразу же, как только он познакомился с делом.

Рассказ о нем доктор Уотсон начал бы приблизительно так: «Преступление, впоследствии названное делом о бриллиантовом полумесяце, было совершено в Глазго. Богатую вдову миссис Марион Гилкрайст нашли мертвой в своей квартире. Убийство было совершено вечером в то время, когда служанка выходила купить газету. Спустя 15 минут она вернулась, у дверей спальни хозяйки встретила незнакомца, который с улыбкой произнес: „Добрый вечер“ — и спокойно удалился…»

Полиция установила, что убийство совершено было с целью ограбления, хотя все драгоценности остались нетронутыми. Убийца захватил с собой одну только бриллиантовую брошь в форме полумесяца. На то, что была также вскрыта шкатулка с документами, не обратили должного внимания.

Сыщики бросились на поиски «улыбающегося убийцы». И вскоре был задержан некий Оскар Слэйтер. Служанка опознала в нем таинственного незнакомца. Одной из улик против него послужило то, что он заложил кому-то брошь и спешно уехал. То, что его брошь ничуть не походила на брошь убитой, а также и то, что он отдал ее в заклад накануне убийства, — отнюдь не смутило полицейского инспектора, ведущего расследование, умственные и профессиональные данные которого, видимо, были на том же уровне, что и у антагонистов Шерлока Холмса — бездушных полицейских инспекторов Лестрейда и Гречсона. Словом, стоило, как говорится, копнуть это дело поглубже, как здание, возведенное полицией, с треском рушилось. Тем не менее следствие было подтасовано, свидетели запуганы, и суд больше походил на комедию, закончившуюся трагически, — Слэйтера приговорили к смертной казни. Позже ее заменили пожизненным заключением.

«Это страшная история, — писал Конан Дойль, — и, когда я прочел ее и понял всю ее чудовищность, я решил сделать для этого человека все, что в моих силах».

В ход пришлось пустить все средства, чтобы привлечь внимание общественности к позорному делу.

И вот в августе 1912 года появилась небольшая книжка Конан Дойля «Дело Оскара Слэйтера». В ней писатель приводил свои доказательства невиновности осужденного. Железная логика и точный анализ Конан Дойля с блеском опровергли доводы обвинения.

«Почему из всех драгоценностей была взята одна лишь брошь?» — задал бы вопрос доктор Уотсон. «Потому, — ответил бы ему Конан Дойль, что преступника интересовали не бриллианты, а иные ценности. Их он и искал в шкатулке с бумагами. Брошь же была взята для того, чтобы сбить с толку полицию». Но какой документ пытался найти преступник?

На этот вопрос последовал ответ: завещание. Ведь миссис Гилкрайст была далеко не молода. Если так, то убийцу надо было искать среди родственников жертвы.

Кстати, в этом случае становилось понятным и то, как преступник попал в дом, не имея ключа и не взломав двери. Старая миссис, у которой была привычка смотреть в глазок на посетителей, не задумываясь пустила гостя. Был знаком он и служанке. Позже выяснилось, что она назвала его имя, но полиция предпочла замолчать это важное показание. Больше того, много лет спустя служанка призналась репортерам, что ее принудили дать ложные показания и даже специально репетировали то, как вести себя на суде.

Вывод Конан Дойля о том, что преступник был родственником убитой, подтвердился спустя несколько десятилетий. Незадолго до смерти Конан Дойля в 1930 году настоящий убийца открылся сыну писателя.

Любитель головоломок

Знаменитому автору приключений Шерлока Холмса, так же как и Джозефу Беллу, приходилось участвовать как детективу-любителю в расследовании многих других дел. Однако расследование преступлений было далеко не единственным занятием, отвлекавшим Конан Дойля от письменного стола.

Писатель охотно направлял свою энергию, ум и талант криминалиста на раскрытие всевозможных иных тайн. Конан Дойль любил поломать голову над какой-либо загадкой, любил проникать средь бела дня сквозь «таинственную дверь» в необычайный, скрытый от глаз мир. Как и его герой, он питал пристрастие ко всему необычному, ко всему, что выходило за пределы привычного и банального течения повседневной жизни.

Сегодня писатель выступал в защиту ирландского патриота, обвиняемого в государственной измене, завтра по просьбе Скотланд-Ярда разгадывает загадку исчезновения Брикстонского экспресса — события, взволновавшего многие умы. Принимал участие в поисках так называемого клада лорда Морреская.

О Конан Дойле написано множество книг, но до сих пор нет полной его биографии. Может быть потому, что никому из исследователей не удалось получить доступ к архиву писателя. Но если об авторе приключений Шерлока Холмса известно еще не все, то его герою в некотором смысле повезло гораздо больше. О нем известно буквально все. Исследования о Шерлоке Холмсе как о вполне реальном лице заняли бы целую полку. Существует не одна полная «биография» сыщика, есть даже работы о его гонорарах, отношении к природе и т. д.

Демократичность героя Конан Дойля во многом способствовала его популярности. Вынужденные жить в несправедливом мире насилия и зла, люди хотели верить в то, что благородный герой, всегда готовый прийти на помощь честным труженикам, живет где-то рядом, на Бейкер-стрит… И Шерлок Холмс стал Для многих читателей живым, вполне реальным человеком, он шагнул со страниц книги в мир и зажил самостоятельной жизнью.

Игорь Мотяшов
Труд ученого — рассказ писателя (послесловие критика)

Однажды молодому сотруднику «Литературной газеты» Роману Белоусову предложили организовать и вести в газете постоянную рубрику «Новое о старом».

Было это давно. «Литературная газета» в то время еще не стала еженедельником. Она выходила три раза в неделю на четырех полосах.

Чтобы заполнять рубрику, Белоусов допоздна засиживался в редакционной библиотеке, просматривая и читая поступившие туда зарубежные издания. Знание иностранных языков помогало ему удовлетворять и собственную любознательность, усиливало страстную, с детства, увлеченность литературой.

Что в литературе самое известное? Конечно, классические произведения и их герои, чьи имена стали для нас такими же реальными, как имена наших друзей, родственников, знакомых. Казалось бы, тут ясно все до страницы, до строки, до слова. Вот она, книга, стоит на полке. Возьми перечитай, вспомни забытое!..

Однако, сколько ни читай роман или повесть, из них не узнаешь, как они создавались, откуда взялись их персонажи, да и многое другое, что остается за книжными страницами и составляет как бы предысторию произведения…

Обо всем этом рассказывается — живо, увлекательно, аргументированно — в книгах члена Союза писателей СССР Романа Белоусова: «В тысячах иероглифов» (М., 1963): «О чем умолчали книги» (М… 1971); «Из родословной героев книг» (М., 1974); «Тайна Иппокрены» (М., 1978); «Хвала Каменам» (М., 1982) и др.

Большие реки, начинаются с ручейков. Ручейком в работе Романа Белоусова была газетная рубрика «Новое о старом». Но малые разрозненные заметки постепенно складывались в главы будущей книги. Ручей превращался в реку. Интерес к героям классической литературы становился делом жизни.

Книга, которую вы держите в руках, возникла как прямое продолжение получивших широкое признание у нас в стране и за рубежом очерков Р. Белоусова. Ее название «Герои до встречи с писателем» точно отвечает избранной автором теме. В ней вы встретились с людьми удивительных биографий и судеб, действительно жившими когда-то, которые послужили своего

рода моделями для бессмертных образов Д'Артаньяна и графа Монте-Кристо, Гавроша и Жана Вальжана, капитана Немо и Тартарена из Тараскона, Робинзона Крузо и Шерлока Холмса, барона Мюнхгаузена и черного дядюшки Тома, героев О. Бальзака, Р. Л. Стивенсона, Дж. Ф. Купера.

Читать книгу Романа Белоусова интересно не только потому, что жизнь реальных людей ничуть не менее захватывающа, чем судьбы героев, созданных воображением и мастерством художника. Эта книга талантливо написана. Ее трудно отнести к какому-нибудь определенному жанру. Это и труд историка, и исследование литературоведа, и очерк психологии творчества, и увлекательный, образный, исполненный движения и чувства писательский рассказ.

О значении подобных работ можно много говорить. Добавлю лишь, что книга Романа Белоусова — одна из тех, которые приближают нас не только к сокровищам литературы, но и к драме истории, к непростой судьбе отдельного человека в сложных перипетиях общественной жизни и борьбы.

Игорь Мотяшов